

В. Н. Болоцких

**Экономика
и благосостояние
населения от рождения
до гибели СССР: без
загадок**

Научно-популярное
издание

В. Н. Болоцких

**Экономика и благосостояние
населения от рождения
до гибели СССР: без загадок.
Научно-популярное издание**

«Издательские решения»

Болоцких В. Н.

Экономика и благосостояние населения от рождения до гибели СССР: без загадок. Научно-популярное издание / В. Н. Болоцких — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837370-1

В советский период Россия совершила колоссальный скачок в индустриальном развитии, превратилась в мощное государство, изменилась социальная структура. Но важнейший вопрос: что такое сила государства: обладание военной мощью или высокоразвитым производством, работающего на благо человека, на саморазвитие его личности, а не на его уничтожение. Другой принципиальный вопрос: в чём причины распада СССР, каков был истинный потенциал советской экономической системы, продержавшейся менее 70 лет.

ISBN 978-5-44-837370-1

© Болоцких В. Н.
© Издательские решения

Содержание

Обзор мнений о гибели СССР	6
Введение	11
Глава 1. Природно-климатический фактор и особенности истории России	12
1. 1. Природа и сельское хозяйство в период возникновения и укрепления Великорусского государства	12
1. 2. Природа России и особенности развития государства и общества	19
Глава 2. Натурализация экономики России в годы мировой и гражданской войн и политика «военного коммунизма»	35
Глава 3. Экономика в советский период: переход на индустриальную стадию	60
3.1. Новая экономическая политика: что это такое	60
3.2. Индустриализация. Первые пятилетки	76
3.3. Советская экономика накануне и во время Великой Отечественной войны	98
3.4. Когда закончилась война...	106
3.5. Итоги индустриализации СССР	118
Глава 4. Классы и социальные группы советского общества, образ жизни	126
4.1. Рабочий класс в годы военного коммунизма и нэпа	126
4.2. Советское государство и крестьянство в доколхозную эпоху	134
4.3. Советский народ в годы первых пятилеток	142
4.4. Народ и государство во время Великой Отечественной войны	163
4.5. После войны	168
4.6. Послесталинское десятилетие	177
4.7. Советская власть и интеллигенция	178
4.8. Когда всем было хорошо и всё было...	181
ЧТО БЫЛО	186
ЧТО БУДЕТ	193

Экономика и благосостояние населения от рождения до гибели СССР: без загадок Научно-популярное издание

В. Н. Болоцких

*История учит даже тех, кто у неё не учится. Она их проучивает
за невежество и пренебрежение*

В. О. Ключевский

*Не следует умножать сущности сверх необходимого
«Бритва» Оккама*

© В. Н. Болоцких, 2017

ISBN 978-5-4483-7370-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обзор мнений о гибели СССР

В 2016 году исполнилось 25 лет с момента исчезновения Союза Советских Социалистических Республик. Но создаётся сильное впечатление, что подавляющее большинство жителей современной России мало что помнит и знает о событиях четвертьвековой давности. И ещё меньше понимает, что же тогда произошло. Большинство современных российских политических деятелей, участников событий тех лет, и ещё активно участвующих в современной политической жизни, и находящихся давно на покое, сходятся в том, что Советский Союз можно было сохранить. Некоторые говорят об исторической предопределённости исчезновения СССР, некоторые – о временном факторе, сыгравшем «против».

Некоторые деятели полагают, что восстановить СССР в том виде, каким он был, уже невозможно. Некоторые выражают надежду на образование какого-то нового союза на условиях равноправия.

Первый и единственный президент СССР М. С. Горбачёв в статье в «Российской газете» заявил, что не снимает с себя долю ответственности за случившееся, хотя «отстаивал Союз до конца, действуя политическими методами». По его мнению, свою роль в распаде сыграла деструктивная позиция тогдашнего российского руководства. При этом Горбачев убежден, что даже после принятия республиками деклараций о суверенитете и независимости можно было договориться с большинством из них о создании союзного конфедеративного государства.¹

Современные коммунисты даже не заикаются о каких-либо закономерностях исчезновения СССР. На митинге по случаю 99-й годовщины Октябрьской революции лидер КПРФ Геннадий Зюганов заявил о стремлении своей партии воссоздать СССР. Об этом в понедельник 7 ноября 2016 г., сообщает «Интерфакс».

«Мы все сделаем, чтобы, возрождая советскую власть, чтобы, продвигая идеи Великого Октября, снова воссоздать наше могучее, порушенное в 1991 году государство», – сказал Зюганов. По словам главы КПРФ, партия будет приумножать и продвигать все лучшее из советской истории, которая «была легендарной» и «остаётся для нас маяком на будущее».²

Исключительно важно в этом вопросе мнение Президента Российской Федерации В. В. Путина, который определяет официальную точку зрения с 2000 г., т.е. большую часть прошедшего с официальной кончины в 1991 г. СССР времени.

В послании Федеральному собранию в апреле 2005 г. Путин назвал распад СССР «*крупнейшей геополитической катастрофой века*».

Широко известны слова В. В. Путина, произнесённые в 2010 г.: «Кто не жалеет о распаде СССР, у того нет сердца. А у того, кто хочет его восстановления в прежнем виде, у того нет головы».

И с мнением Путина можно только согласиться.

К сожалению, в рассуждениях политических и государственных деятелей не заметно даже признаков желания объективно разобраться в причинах и сущности действительно «крупнейшей геополитической катастрофой века». Получается, что если бы руководство КПСС было поумнее, не так старалось следовать заветам Ленина, вовремя стало бы проводить демократические преобразования, то Советский Союз существовал бы и дальше.

Конечно, не политики должны искать объективные причины краха СССР, проводить научные изыскания. Но они могут и должны создать запрос на такие исследования.

¹ <https://rg.ru/2016/12/21/mihail-gorbachev-nelzia-svodit-itogi-perestrojki-kraspadu-soiuza.html>

² <https://ria.ru/politics/20161213/1483480339.html>

В программах основных политических партий России начала XXI в. тема гибели СССР или не поднимается совсем, или освещается в упрощённом виде.

Собственно, об этом говорится только в различных версиях программы КПРФ, в которых причины краха СССР сводятся к деятельности «внутренних и внешних разрушителей», «погромщиков социализма». В программах других партий историческая часть отсутствует практически полностью, особенно в вариантах 2000-х годов.³

Довольно широкое распространение получили разного рода «конспирологические» объяснения причин «гибели» (именно гибели и никак иначе) СССР. Типичной для представителей этого направления является книга А. П. Шевякина. Для него исчезновение СССР является загадкой, которую надо разгадать с помощью «системного подхода». Чётко выражена мысль, что кризис и гибель СССР являются результатом выполнения Западом, прежде всего США плана по его уничтожению. Этот замысел был изложен в «плане Даллеса» (составленный из отрывков романа А. С. Иванова «Вечный зов» в редакции 1981 г.) и директивах Совета национальной безопасности США в конце 1940-х гг.

Шевякин в превосходных тонах отзывается о Сталине, при котором страна достигла грандиозных успехов, а внутренние враги были почти полностью уничтожены. Но, как только он умер, откуда-то вылезли «скрытые враги». Этим «скрытым врагам», «агентам влияния», ещё до перестройки «агента влияния» М. С. Горбачёва в течение 1953—1985 гг. «удалось занять ключевые позиции в информационно-управляющем центре, изменить распорядительные функции в свою пользу, занять страховую сферу, перекрыть сложившиеся каналы информации и снабжения материальными ресурсами, изменить механизм управления, проконтролировать, чтобы не появилось параллельного патриотического центра, и к тому же создать свои параллельные центры».⁴

Откуда они взялись, если Сталин почти всех уничтожил? Более того, они были в высшем руководстве уже при самом Сталине и даже смогли устранить ближайших и верных сотрудников вождя, ослабить его охрану, арестовать в январе 1953 г. 5 человек из ближайшего окружения Сталина.⁵

Продолжать выискивать подобные нестыковки и явные ляпы можно до бесконечности (сообщая об аресте 5 человек Шевякин ссылается на работу Р. Г. Пихои, но на указанной странице ничего этого нет, как и во всей работе). Вообще у него получается, что всё партийное и государственное руководство КПСС и СССР от Генерального секретаря ЦК КПСС до рядового номенклатурщика – это «агенты влияния», которые, сознательно или нет, выполняли тщательно разработанный в «мозговых центрах» дьявольский план всемогущего Запада во главе с США по разрушению СССР.

Какие приводятся доказательства? А никаких. Сам Шевякин откровенно пишет: «Прежде чем приступить собственно к изложению нашего исследования, мы должны остановиться на том, что речь пойдет **только о моих соображениях** (выделено авт. – В.Б.). Не более, но и не менее. Если в применении уже описанных нами методов по отношению к системе „СССР“ мы можем быть точно уверены, то в данном случае лишь выдвигается версия того, что сами излагаемые нами события, их характер были назначены, равно как был назначен и их порядок, последовательность одного за другим. А если это действительно было так, как мы излагаем, то отыскать и установить это крайне трудно, поскольку речь идет о глубоко системном применении ряда приемов, которое не то что осуществить, но и уло-

³ См. подробнее: Болоцких В. Н. Есть ли политические партии в России? Анализ партийных программ. М.: 2014.

⁴ Шевякин А. П. Загадка гибели СССР. (История заговоров и предательств. 1945—1991). М.: 2003. С. 147.

⁵ Там же. С. 19.

вить-то можно только системному исследователю. А, как нами уже признавалось, над реконструкцией перестройки „системщики“ еще не работали».⁶

Конечно, о работе Шевякина можно было и не упоминать в силу её бездоказательности, умозрительности и несоответствия с исторической действительностью. Но высказывания политиков и государственных деятелей о причинах краха СССР недалеко ушли от умозаключений бывшего криминального журналиста.

Но даже когда какой-либо автор обращает внимание на экономические причины краха СССР, в конце концов, всё сводится не к органическим, внутренним закономерностям, которые должны были рано или поздно привести к неизбежному финалу советское общество с его экономической, социальной, политической и идеологической составляющими.

Типичным примером такого рода является труд казахстанского автора Т. А. Абдразакова.

Во введении он указывает на существование нескольких точек зрения по вопросу о причинах распада советского общества. Одни авторы считают, что в середине 1980-х гг. экономическое развитие общества столкнулось с определёнными трудностями, проявившимися в падении производительности труда, в снижении эффективности капитальных вложений, в отставании техники и технологии, в неконкурентоспособности многих видов промышленной продукции, в возникновении диспропорции в отраслевой структуре народного хозяйства. Они полагают, что социалистическое общество, построенное за годы советской власти, показало свою жизнеспособность и оказалось более стабильным, нежели капиталистическое. Им казалось, что можно было изменить ситуацию в лучшую сторону путём укрепления трудовой дисциплины, обновления основных фондов, совершенствования методов планирования и управления, не прибегая к коренной ломке общественной системы посредством её радикального реформирования.

Т. А. Абдразаков пишет: «Сторонники второго взгляда считают, что централизованно-плановая экономика, основанная на административно-командных методах управления не была жизнеспособной. Она преуспевала только за счет хищнической эксплуатации природных и людских ресурсов при низком жизненном уровне населения. В результате неблагоприятного демографического фактора произошло замедление прироста рабочей силы. Ориентация на наращивание производства любой ценой привела к ухудшению качества производимой продукции, истощению природных ресурсов, возникновению и обострению экономической проблемы. Непрерывный рост затрат на производство энергии, сырья сопровождался увеличением издержек, возрастанием себестоимости продукции. Так обстояло дело не только в промышленности, но и в сфере сельскохозяйственного производства.

Существовал непреодолимый разрыв между производителями и потребителями. Последние не могли оказать воздействие на сферу производства. В этой обстановке давно сложившаяся система централизованного планирования и управления оказалась недостаточно эффективной. Все это и послужило причиной развала экономики и в конечном счете распада советского общества.

Существуют и другие мнения по данному вопросу. Одни считают, что советское общество не представляло собой социалистическое и потому невозможно дать оценку его жизнеспособности. Другие полагают, что экономика советской системы была малоэффективной по сравнению с рыночной. Это и явилось фактором, сыгравшим решающую роль в распаде общества».

Сам Т. А. Абдразаков стремится к объективному подходу и подчёркивает: «В действительности распад произошел под действием множества взаимосвязанных экономических,

⁶ Там же. С. 117.

социальных, внутренних и внешнеполитических факторов. При этом выделяется роль личного фактора, сыгравшего немаловажную роль в распаде советского общества».⁷

Первая глава посвящена прогрессу в общественном развитии в условиях советского общества. Оценки исключительно положительные. Во второй главе речь идёт о причинах распада советского общества: слабая мотивация труда и производства, отсутствие научно обоснованного учёта затрат, техническое отставание, снижение эффективности планирования организации и управления общественным производством, нерешённость проблемы повышения благосостояния (в первой главе, по мнению автора, с этим проблем не было, даже во время Великой Отечественной войны обошлось без голода), разрыв между производством и потреблением, суженная основа свободы и демократии, нарушение декларированных принципов национальной политики, затратный характер внешней политики государства, враждебные акции США, стран НАТО, направленные на дестабилизацию советского общества.

Нет необходимости разбирать слабые места работы. Во многом положения первой главы противоречат материалу второй. Только один пример. На странице 19 утверждается, что почти все колхозы были рентабельными. А на странице 120 написано, что одной из причин развала сельскохозяйственного производства было отсутствие паритета цен: «в период до перестройки колхозы и совхозы не возмещали свои затраты на производство продукции в условиях отсутствия эквивалентности в обмене. Цены на продукцию сельских товаропроизводителей были значительно ниже цен на продукцию промышленности, используемой на селе. В перестроечный период этот разрыв еще более увеличился». Утверждение, что при этом колхозы были рентабельными, в том числе в 1989 г. оставим на совести автора.

Во второй главе Т. А. Абдразаков ближе к истине, но дело в том, что он объясняет появление недостатков советской экономической системы не с помощью анализа самой этой системы, не выявляет сущностных её слабостей, а сводит всё к пресловутому «личностному» фактору. Он посвящает целый параграф рассмотрению личных качеств советских лидеров и рисует неутешительную картину. Достойным своего положения лидера страны оказывается только Сталин. Ему прощается всё, в том числе политика принудительного перевода казахов на оседлый образ жизни, насильственная коллективизация, которые привели к сокращению численности казахов в два раза. Это списывается на произвол местных руководителей, обманывавших Сталина.⁸

Остальные – Н. С. Хрущёв, Л. И. Брежнев, Ю. А. Андропов, К. У. Черненко и М. С. Горбачёв – были некомпетентны, слабы и привели экономику, а вслед за ней страну к развалу.⁹

Причины развала советского общества, таким образом, с точки зрения Т. А. Абдразакова лежат не в самой «социалистической» системе, идеях равенства и справедливости коммунистически, а в ошибках, недостатках руководства страной.

Среди других авторов, высказывавшихся по этой теме, никто всерьёз и обстоятельно не говорит об экономических причинах «крупнейшей геополитической катастрофы века». А если кто и обращает внимание на экономику, то сводит всё к финансовой и экономической войне злобного Запада во главе с США против СССР. Тот же А. П. Шевякин говорит об использовании экспорта нефти и импорта высоких технологий для ослабления и разрушения СССР.¹⁰

Но возникает вопрос: а почему великий и могучий Советский Союз так **критически** зависел от импорта высоких технологий, предметов потребления и продовольствия? В этом

⁷ Абдразаков Т. А. Распад советского общества: причины и последствия. Караганда, 1999. С. 3—5.

⁸ Там же. С. 76—77.

⁹ Там же. С. 73—91.

¹⁰ Шевякин А. П. Загадка гибели СССР. (История заговоров и предательства. 1945—1991). С. 169—181.

случае нельзя сваливать вину на подрывную работу «агентов влияния», целенаправленно ведших СССР к гибели после смерти Сталина. Ведь и при жизни Сталина импорт и не только высоких технологий, а любых, носил грандиозные масштабы. Индустриализация в годы первых пятилеток («сталинская») проводилась за счёт ввоза станков, машин, всевозможного оборудования целыми заводами. Только хлеб тогда вывозили, не считаясь с голодом собственного населения, так как он был основным источником валюты. И насильственная коллективизация проводилась именно для того, чтобы получить как можно более дешёвый хлеб для экспорта.

И тоже вопрос: как могла страна, веками вывозившая хлеб, имевшая самые большие посевные площади в мире и плодороднейшие почвы, превратиться в крупнейшего его импортёра.

Общим у всех точек зрения, приводившихся здесь, является абсолютное отсутствие даже следов марксизма, который так упорно насаждался в умах советских людей десятками лет. Тут даже не скажешь, что в одно ухо влетело, а в другое вылетело. Марксистские представления даже не «влетали», не коснулись ума людей, многие из которых не только учили марксизм-ленинизм в советских школах и вузах, но даже его преподавали.

Любой человек, хотя бы мало-мальски знакомый с идеями Маркса, Энгельса, Ленина об естественно-исторических законах развития человека и общества, о материальном производстве как базисе общества, на котором зиждется социально-политическая надстройка, должен первым делом обратить внимание на характер экономических процессов в советский период. Но нет, упоминания об экономике сводятся к подчёркиванию великих достижений и наличию отдельных недостатков как результата слабости лидеров (кроме Сталина) и деятельности внутренних и внешних врагов.

Введение

В советский период своей истории Россия совершила колоссальный скачок в индустриальном развитии, превратилась в мощное государство, произошли огромные изменения в социальной структуре общества. Всё это отразилось на материальном положении советских людей.

И возникает важнейший вопрос – что понимать под мощностью государства: только ли обладание военной мощью или наличие высокоразвитого промышленного и сельскохозяйственного производства, работающего на благо человека, а не на его уничтожение, обеспечивающего высокий уровень жизни населения, возможность саморазвития личности.

Другой принципиальный вопрос: в чём причины быстрого распада СССР, насколько большим потенциалом обладала советская экономическая система, если советская власть продержалась меньше 74 лет.

Чтобы ответить на эти вопросы необходимо иметь представление о том, как шло на самом деле экономическое развитие России в советский период, каково было материальное положение различных социальных слоёв и групп.

Но корни СССР уходят в глубину веков, поэтому необходимо сказать хотя бы кратко об особенностях развития России и факторах, определявших её исторический путь.

Глава 1. Природно-климатический фактор и особенности истории России

1. 1. Природа и сельское хозяйство в период возникновения и укрепления Великорусского государства

Среди факторов, определявших и определяющих особенности истории России, прежде всего, необходимо выделить природно-климатический. В поисках причин всё более растущего отставания России в социально-экономическом развитии от стран Запада, которое особенно проявилось в XIX – XX вв., вспоминают татаро-монгольское иго, ошибки царей и российских реформаторов, русский национальный характер и многое другое. Гораздо реже обращают внимание на природу России и то, каким образом она влияла на экономику России, а через неё на политическое развитие и формирование специфических черт русской общественной жизни и психологии русского человека. Вообще, скорее следует говорить о своеобразии развития России, чем об её отставании.

Во взаимодействии русского народа с окружающей природой действуют те же самые закономерности, что и у любого другого народа и надо только отыскать эти закономерности, выявить механизмы действия этих закономерностей, вообще взаимодействия общества и природы, выявить решающие факторы этого взаимодействия. Эти вопросы основательно рассмотрены в работах Л. В. Милова¹¹, на которых и основана эта глава.

Л. В. Милов проводит подробный сравнительный анализ климатических условий Западной и Центральной Европы, Северной Америки и Европейской части России. Речь идёт об историческом центре Великороссии, т.е. современной России.

В Западной и Центральной Европе и особенно в Северной Америке, случаются сильные морозы, но они редки, не стойки и не приводят к промерзанию почвы. И, главное, климат был более стабильным и «предсказуемым», земледелец достаточно редко сталкивался с колебаниями погоды: весенними и осенними заморозками, засухами и чрезмерными дождями. Л. В. Милов заключает характеристику климата Европейской России: «За внешними признаками общего климата типично умеренной зоны главная компонента, резко осложняющая и ухудшающая условия для земледелия, это осенние и весенние заморозки, а также переменчивый характер летнего сезона. Ведь в большинстве районов Нечерноземья практически не бывает „благорастворенной“ погоды „западноевропейского типа“, ведущей к неременному урожаю. Лето здесь то холодно-дождливое (и тогда все плохо растёт), то жаркое и засушливое (что также влечет за собой неурожай). В более южных районах постоянно присутствует угроза засухи или недостаточной влажности (исключением является Северный Кавказ)». Это приводит к частным неурожаям и голоду. Только один пример. В XVII в. отмечено 24 голодных года.¹²

Почвы в Европейской России в основном малопродуктивные (более плодородные почвы юга Европейской России стали осваиваться только со второй половины XVIII в., но и там средние стабильным высоким урожаям препятствовал засушливый климат).

¹¹ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4—5; Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

¹² Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 12—13.

Л. В. Милов приходит к принципиально важному выводу: «Даже краткое знакомство с особенностями климатических и почвенных условий Европейской части должно содействовать реальному восприятию того факта, что в исторических судьбах и Древнерусского государства, и Северо-Восточной Руси, и Руси Московской, не говоря уже о Российской империи, наш климат и наши почвы сыграли далеко не позитивную роль. История народов России, населяющих Русскую равнину, – это многовековая борьба за выживание».¹³

Неблагоприятные климатические условия, преобладание малоплодородных подзолов и болотных почв сочетались в течение многих столетий с сохранением малоэффективных экстенсивных систем земледелия.¹⁴ Огромных усилий также требовала одна из тяжелейших крестьянских работ – уборка, которая ложилась в основном на женщин. Так как зерно не созревало в большей части страны и масса труда затрачивалась для доведения его до необходимой кондиции. Для этого применялись суслоны, крестцы, копны, скирды, овины с многочасовой горячей сушкой снопов. В черноземных районах технология жатвы была более упрощённой, но тяжесть труда была не меньше, чем в Нечерноземье. Часто погодные условия вынуждали участвовать в этой работе взрослых мужчин и детей. Участие мужчин сказывалось на качестве работ по севу озими, основного продукта питания крестьянской семьи.

Л. В. Милов итожит: «Жатва – это завершающий этап в сельскохозяйственной страде России, вечно и неизбежно носящий „авральный“ характер».¹⁵

Добавим, что именно климатические и почвенные условия способствовали сохранению архаичных систем земледелия до XIX в. (о чём упоминает и Л. В. Милов), так как короткий сельскохозяйственный сезон и низкие урожаи не давали ни времени, ни достаточных средств для внедрения более интенсивных систем земледелия.

Во времена господства подсечной системы земледелия урожаи доходили до сам-10, то есть около 15 центнеров с га и даже больше. Но такой крайне экстенсивный способ земледелия помимо затрат труда на обработку почвы требовал постоянных и громадных усилий целого коллектива людей (общины) для расчистки больших участков леса при почти ежегодной смене пашни. Так что в расчёте на душу населения зерна производилось не много.

Регулярное паровое трёхполье явилось переворотом в земледелии, оно дало крестьянину огромную экономию труда, изменило весь уклад его жизни, оно сделало возможным перенесение центра тяжести хозяйственной деятельности с общины на индивидуальное крестьянское хозяйство. Но переворот этот имел существенные недостатки, так как повлёк за собой снижение урожайности и доли пшеницы в структуре посевов.

Так как ведение отдельного хозяйства было возможно лишь ценою потери в уровне производства, то сама самостоятельность этого хозяйства оставалась неполной. Дело в том, что при паровом трёхполье скудные почвы быстро истощались, а восстановление их плодородия было связано с применением подсеки и перелога. А это вновь требовало больших затрат труда и помощи общины.

Только прибегая периодически к дополнительному возделыванию земли с помощью перелога или подсеки, то есть к коллективной расчистке леса, подъёму целины, создавая «излишние» временные пашни, русский крестьянин более или менее сводил концы с концами. Периодически обновлялась и сама регулярная пашня, так как через 20—30 лет, как правило, и она теряла свое плодородие. Отсюда и характерное для Северо-Восточной Руси «гнездовое» расположение поселений, при котором близлежащие небольшие деревни образовывали более крупные объединения – сёла, волости, члены которых приходили на помощь друг другу.

¹³ Там же. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 160—161.

Сведения об урожайности встречаются с конца XV в. В Водьской и Шелонской пятинах известны примеры урожайности ржи того времени – от сам-1,7 до сам-2,3, по Обонежской пятине – сам-3, по Деревской – сам-2 и сам-3.

Имеются данные по Иосифо-Волоколамскому монастырю конца XVI в. В его сёлах во Владимирском, Суздальском, Тверском, Старицком, Рузском, Волоцком и Дмитровском уездах (то есть гораздо южнее Новгородских земель) за отдельные годы урожайность ржи была в пределах от сам-2,45 до сам-3,3, овса – от сам-1,8 до сам-2,56, пшеницы – от сам-1,6 до сам-2,0, ячменя – от сам-3,7 до сам-4,2 и т. д.

В XVII – XVIII вв. картина практически не меняется. По вологодскому Северу рожь давала от сам-2 до сам-2,7, овёс – от сам-1,5 до сам-2,8. Со второй половины XVIII в. появляются сводные данные об урожайности по губерниям. Так, по Тверской губернии в 1788—1791 гг. урожайность ржи и овса в среднем колебалась от сам-1,9 до сам-2,8, по пшенице – от сам-1,9 до сам-2,7. Данные по Новгородской, Московской, Костромской, Нижегородской губерниям дают похожую картину. К югу от Оки, где преобладали деградированные чернозёмы (Калужская, Рязанская, частично Орловская, Тамбовская и другие губернии) в 80—90-е годы XVIII в. урожайность была немногим выше, чем в Нечерноземье.

Мало меняется положение с урожайностью и в XIX в.¹⁶

Таким образом, в историческом центре Российского государства в течение, по крайней мере, 400 лет уровень урожайности был необычайно низок, но и он достигался путём громадных затрат труда.

Первой причиной стабильно низкой урожайности в основных регионах России была худородность почв. Однако низкое плодородие почв объясняет далеко не всё. Ведь во многих странах Европы почвы были также не самые лучшие, но благодаря тщательной обработке и обильным удобрениям урожайность там, особенно в Новое время, постоянно росла. Почему же в России было иначе? Почему повышение плодородия связывали здесь только с обновлением пахоты за счёт залежи или росчистей, а не прибегали к более тщательной обработке и обильному удобрению?

Рост плотности населения, приведший к нехватке пашни и распашке лугов со второй половины XVIII в. и вследствие этого к сокращению скотоводства и недостатку навоза, мало что объясняет, так как и до этого времени урожайность была низкой.

Основная причина кроется в особенностях природно-климатических условий исторического центра России. Надо иметь в виду то, что, при всех колебаниях в климате, цикл сельскохозяйственных работ здесь был необычайно коротким – всего 125—130 рабочих дней (примерно с середины апреля до середины сентября по старому стилю). В течение столетий русский крестьянин находился в ситуации, когда худородные почвы требовали тщательной обработки, а времени на неё у него просто не хватало, как и на заготовку кормов для скота.

Данные описей крупного господского (монастырского) хозяйства середины XVIII в. показывают трудозатраты: по нечерноземным губерниям 72,6—73,6 человеко-дней при 33,0—34,4 коне-днях; по Владимиро-Суздальскому ополью 45,3—46,7 человеко-дней при 18,9—20,7 коне-днях; по черноземным регионам – 41,3—43,4 человеко-дней при 21,9—22,5 коне-днях.

Таков был уровень трудозатрат в монастырском хозяйстве, где существовала реальная возможность концентрации на полях массы рабочих рук и где применялось и «двоение», и «троение» некоторых яровых культур, и многократное боронование и т. п. Для оценки же производственных возможностей собственно индивидуального крестьянского

¹⁶ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4—5. С. 37—39; Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 162—189.

хозяйства, где был минимум рабочих рук (семья из 4 человек, из них двое детей), за неимением прямых данных необходим приблизительный подсчёт. Из 130 дней примерно 30 дней уходило на сенокос и, значит, крестьянин от посева до жатвы включительно имел около 100 рабочих дней.

По данным Генерального межевания и губернских отчётов второй половины XVIII в., средняя обеспеченность пашней в Нечерноземье достигала 3—3,5 десятины во всех трёх полях на мужскую ревизскую душу (в средней крестьянской семье из 4 человек таких ревизских душ было обычно две). Таким образом, на «тягло» (взрослые мужчина и женщина) приходилось 6—7 десятин пашни. Из них под ежегодный яровой и озимый посевы шло 4—4,7 десятины. Практически в семье из 4-х человек пашню пахал один работник. Имея 100 рабочих дней, он мог на вспашку, боронование и сев потратить в расчёте на 1 десятину (без жатвы и обмолота) 21,3—25 рабочих дней. В господском (монастырском) хозяйстве трудозатраты на 1 десятину составляли 39,5 человеко-дней, то есть в 1,58—1,85 раза больше, чем в крестьянском.

Находясь в столь жёстком цейтноте, пользуясь довольно примитивными орудиями труда, крестьянин мог лишь в минимальной степени обработать свою пашню и его жизнь чаще всего напрямую зависела только от плодородия почвы и капризов погоды. Реально же при данном количестве рабочего времени качество его земледелия было таким, что он не всегда мог вернуть в урожай даже семена. Выход из этого по-настоящему драматического положения был один. Русский земледелец должен был в 21—25 рабочих дней реально вложить в землю такой объём труда, который в более благоприятных условиях господского хозяйства на барщине занимал около 40 рабочих дней. Практически это означало для крестьянина неизбежность труда буквально без сна и отдыха, труда днём и ночью, с использованием всех резервов семьи (труда детей и стариков, женщин на мужских работах и т.д.). Крестьянину на западе Европы ни в средневековье, ни в новом времени такого напряжения сил не требовалось, ибо сезон работ был там гораздо дольше. Перерыв в полевых работах в некоторых странах был до удивления коротким (декабрь-январь). Конечно, это обеспечивало более благоприятный ритм труда, и более тщательную обработку пашни (4—6 раз).

В этом заключается главное различие между Россией и Западом на протяжении столетий. Ещё в XVIII в. агроном И. Комов писал: «... У нас... лето бывает коротко и вся работа в поле летом отправляется... В южных странах Европы, например, в Англии (!) под ярь и зимою пахать могут, а озимь осенью в октябре, в ноябре сеять... Поэтому у нас еще больше, нежели в других местах, работою спешить должно».

Из-за нехватки рабочего времени многие крестьяне оказывались не в состоянии обработать весь свой надел. Так во второй половине XVIII в. фактический посев и пар составляли 53% от среднего надела в 3—3,5 десятины на душу мужского пола. В 1788 г. доля посева в Тульской губернии составляла ко всей пашне всего 46,7%.¹⁷

В соответствии со сказанным находятся данные о недостаточности хлеба у крестьян. Один пример. В середине XVIII в. по Кондужской волости беднейшая группа дворов (74% хозяйств волости) сводила хлебный бюджет с дефицитом в 74,3 пуда. Во второй группе дворов (17% хозяйств) средний излишек составлял всего 14 пудов. Лишь третья группа (9%), к которой относились самые зажиточные крестьяне, имела значительный излишек хлеба — до 214 пудов. Однако с учётом удельного веса той или иной группы дворов, получается в среднем по всей волости дефицит хлебного бюджета в 33,4 пуда.

¹⁷ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4—5. С. 39—40; Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 190—213.

Для крестьянина разница урожая всего лишь в один «сам» имела в России громадное значение, так как давала возможность иметь хотя бы минимум товарного зерна. Однако достигнуть урожая в сам-4 в целом по Нечерноземью не удавалось на протяжении многих веков. Крестьянину оставался один выход – резко снижать свое потребление и таким образом «получать» товарный хлеб, но такой выход был, конечно, иллюзорным, не дающим серьезных товарных запасов.¹⁸

Отсюда вытекает главный вывод: крестьянское хозяйство коренной территории России обладало крайне ограниченными возможностями для производства товарной земледельческой продукции, и эти ограничения обусловлены именно неблагоприятными природно-климатическими условиями.

Кроме того, постоянная низкая урожайность находилась в прямой зависимости от плохого качества удобрения полей. Норма вывоза навоза на десятину (га) – примерно 1500 пудов (24 тонны) – практически никогда не соблюдалась. В Центрально-промышленном районе в середине XVIII в. на монастырские поля вывозили в 60% случаев лишь половину этой нормы, то есть полному удобрению земля подвергалась один раз в 6 лет, часто этот срок был гораздо больше.

По свидетельству известного в XVIII в. агронома А. Т. Болотова, в Каширском уезде Тульской губернии удобряли пашню один раз в 9 и даже в 12 лет. И это при том, что в XVIII в. хорошо знали, сколько надо было иметь навоза для регулярного, раз в 3 года, удобрения пара. Агроном того времени И. Елагин, в частности, считал, что на десятину пара (или 3 десятины пашни) следует иметь 2 лошади, 2 коровы, 2 овцы и 2 свиньи, то есть примерно 6 голов крупного скота. Но реально подходя к делу, граф П. А. Румянцев писал, что в его имениях «на десятину посева [следует] держать одну корову и две молодых от приплода», т. е. около 3—4 голов крупного скота на десятину пара.

Ещё хуже стало в XIX в. В Тульской губернии в первой половине этого века посевная площадь удобрялась раз в 15 лет, в ней на десятину пара было 1,2 головы крупного скота. Во второй половине XIX в. во многих уездах Московской губернии на десятину пара приходилось 1—1,5 головы крупного скота, то есть пашню удобряли (по норме) раз в 12—18 лет. В Орловском уезде Вятской губернии пар унавоживали раз в 12 лет, а всю землю раз в 36 лет.

Практика XVIII и первой половины XIX веков продолжала давнюю традицию, так как столь же мало удобрялись, например, монастырские поля в конце XVI – начале XVII вв. Так, в Иосифо-Волоколамском монастыре, по данным Н. А. Горской, пашня удобрялась примерно один раз в 24 года (сведения за 1592 и 1594 годы), а земли Кирилло-Белозерского монастыря – один раз в 9 лет (данные 1604—1605 годов).

Острая нехватка удобрений на крестьянских и даже на господских полях имеет своё объяснение. При необычайно длительном стойловом содержании скота, равном примерно 200 суткам и усиленном суровым режимом зимы, срок заготовки кормов в Нечерноземье был очень ограниченным. Обычно сенокос продолжался 20—30 дней, и за это время надо было запасти огромное количество сена.

В 1760-х гг. И. Елагин полагал нормальными следующие рационы кормления скота сеном. На 7 месяцев стойлового содержания для лошади – 160, для коровы – около 107, для овцы – около 54 пудов. Следовательно, на 2,25 головы крупного скота (лошадь, корова и овца) нужно было около 323 пудов сена. А среднее одנותягловое хозяйство, имея примерно 2 лошади, 2 коровы и 2—4 овцы, накашивало обычно около 300 пудов сена.

¹⁸ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4—5. С. 41—42.

Реально на лошадь, видимо, шло около 75 пудов, на корову и овцу – каждой около 37—38 пудов. Корове и овце сена давали практически одинаково, так как овца питалась только сеном (не считая веников), а корова могла есть и солому.

В больших барских имениях сеной корм лошадям, которые были в работе в период стойлового содержания, давали на 7 месяцев по 106 пудов на голову. Это в 1,5 раза лучше крестьянских нормативов. Однако неработающие лошади получали вдвое меньше – от 45 до 50 пудов на 7 месяцев. Чаще всего режим кормления был таким: во время работы – по полпуда в сутки, без работы – по 10 фунтов сена на ночь (или около 80 пудов за 7 месяцев).

Сверхэкономный режим кормления скота сеном к XVIII в. был уже давней традицией и стал нормой. Так в 1592 г. в Иосифо-Волоколамском монастыре на корову расходовали за зиму 34,5 пуда сена, на овцу – 42 пуда и на лошадь – 78 пудов. А через два года норма кормления скота сеном была снижена в монастыре в два раза. Таким образом, скот на протяжении веков получал сена в 2,7—3,5 раза меньше полной нормы. И это происходило не только потому, что мало заготавливалось сена, в том же Иосифо-Волоколамском монастыре в 1592 и 1594 годах сено шло на самые различные нужды обширного хозяйства, а часть его даже продавалась. Просто так было уже принято. За века выработались нормы кормления скота и, заготовленное сверх обычного сено, не скармливалось скоту, а использовалось на другие нужды и продавалось.

Острая нехватка сена приводила к тому, что основой кормовой базы скота у крестьянина и у барина была солома. Практически урожай зерновых культур оценивался двояко: какова солома и каково зерно. В хозяйственной терминологии документов были даже специальные термины «ужин» и «умолот». Первый относился к соломе, а второй к зерну. Но солома была кормом, лишённым витаминов, малопитательным, вредным для животных. Наиболее грубая и тяжёлая пища – ржаная солома.

Кормление скота соломой крестьянин считал нормой, мало того, заготавливая на одно тягло более 300 пудов сена, мог «излишки» его и продать. Особенно часто сено продавали там, где было много заливных лугов и укусы на них достигали 200—250 пудов с десятины. Но мест, где достаточное количество сена вело к товарному животноводству, почти не было.

Отношение к сену как к роскоши, без которой можно и обойтись, весьма глубоко укоренилось в сознании русского человека. Например, видный хозяйственный деятель XVIII в. хорошо образованный В. Н. Татищев искренне полагал, что «скотина ж без всякой нужды без лугов продовольствоваться может одним полевым кормом», то есть соломой, ухвостьем, мякиной и т. п.

Не всегда хватало и соломы. В тяжёлые годы даже в дворцовом хозяйстве обычной рабочей лошади давали лишь 46—49% полагающегося рациона соломой, хотя основной корм (сено) был в величайшем дефиците (20 пудов на голову на 7 месяцев).

Российские лошади по существу были лишены такого корма, как овёс. В Англии, например, в конце XVIII в. рабочая лошадь получала в год 120—130 пудов, в день по 5,7 кг. В России же по таким нормам кормили только породистых рысаков, ездовых лошадей в барских хозяйствах (98,2 пуда), остальные получали по 28,6 пудов.

Естественно, что крестьянские лошади были мелкими, слабосильными, а весной буквально падали от бескормицы. В помещичьих инструкциях XVIII в. это находит прямое отражение (лошади, «весною от бескормицы тощи и малосильны»). Для русского крестьянина ранний весенний сев всегда составлял трудную проблему: надо сеять, а лошадь еле стоит на ногах. Только побывав на подножном корму, животное становилось пригодным к пахоте (или в результате усиленного кормления накануне весенних работ). А время упущено: поздний сев ставил урожай (особенно овса) под угрозу от ранних осенних заморозков. Кроме того, резкий переход к зелёному корму нередко вызывал у лошади болезни. Подобное положение сохранилось в XIX – начале XX в. Недаром уже в 1870-е годы в центральных рай-

онах России число безлошадных хозяйств достигало четверти всех крестьянских дворов, а к 1912 г. в 50 губерниях страны насчитывалось до 31% безлошадных хозяйств. Число же безлошадных и однолошадных достигало в конце XIX – начале XX вв. 55—64% всех дворов.

В силу тех же обстоятельств на протяжении примерно четырёх столетий в Нечерноземье практически не было товарного скотоводства. Оно было «навозным», так как его основное назначение – удобрение полей. Уже в начале XX в. экономист А. Чаянов отмечал наличие в большинстве русских губерний кормового голода, когда абсолютно необходимое количество скота, требуемое иногда только для тяги и навозного удобрения, не может быть обеспечено кормами.

Товарное зерно и винокурение в XVIII – XIX веках появлялись в результате снижения уровня питания, Л. В. Милов подчёркивает, что рынок до отмены крепостного права – это «рынок продажи хлеба из нужды».¹⁹

Большие затраты труда на полеводство приводили к тому, что крестьяне мало внимания уделяли огородничеству. Крестьянские огороды были небольшими и овощеводство было, как правило, занятием женщин и детей.

Товарным же огородничеством занимались горожане, что было исторической особенностью России.²⁰

¹⁹ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4—5. С. 43—47; Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 214—256, 383—386, 389, 390—391, 394—395, 398, 407, 410—411.

²⁰ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 257—258, и др.

1. 2. Природа России и особенности развития государства и общества

Основные свои соображения о роли природно-климатического фактора в истории России, его влиянии на становление и развитие российского общества и государства Л. В. Милов высказал в заключении к своей масштабной работе. За некоторыми исключениями, с его выводами можно согласиться, поэтому далее они приводятся в подробном изложении. Те же моменты, которые вызывают возражения, здесь пропущены для краткости, а собственные мысли автора приведены отдельно.

Л. В. Милов исходит из того, что природно-климатический фактор имел важнейшее влияние на характер и темпы развития человеческого общества вообще и на характер и темпы развития социальных формирований, охватывающих племена или народы, целостные государственные образования и государства. Это влияние прослеживается не только тогда, когда разница в природно-климатических условиях резко контрастна и поэтому вполне очевидна (например, страны долин Нила, Двуречья, с одной стороны, и страны Европы, с другой), но и при отсутствии такого резкого контраста (например, Запад Европы и Восток Европы). В последнем случае влияние это не столь грандиозно, как в первом случае. Разница в темпах развития человеческих сообществ на Западе и Востоке Европы прослеживается хотя и в рамках одной общественно-экономической формации, но вместе с тем она глубоко принципиальна и носит фундаментальный характер. Речь идёт о разных типах и темпах развития феодального общества.

Важнейшей особенностью сельского хозяйства большей части Российского государства всегда был необычайно короткий для земледельческих обществ рабочий сезон. Он длился с половины апреля до половины сентября (а по новому стилю с начала мая до начала октября), не отличаясь при этом сколько-нибудь солидной суммой накопленных температур. В то же время на Западе Европы на полях не работали лишь декабрь и январь. Это не бросающееся в глаза различие носит между тем фундаментальный характер, поскольку такая серьёзная разница производственных условий и, следовательно, открывшихся для человека возможностей в удовлетворении потребностей радикальным образом влияла на экономическое, политическое, культурное развитие Запада и Востока Европы.

На Западе Европы это обстоятельство обусловило интенсивный процесс трансформации общины как формы производственного сотрудничества коллектива индивидов в общину лишь как социальную организацию мелких земельных собственников-земледельцев. Раннее упрочение индивидуального крестьянского хозяйства стимулировало раннее появление частной собственности на землю, активное вовлечение земли в сферу купли-продажи, появление возможности концентрации земельной собственности, формирование крупной феодальной земельной собственности.

Результатом подобной эволюции было становление типа государственности, которому практически не были свойственны хозяйственно-экономические функции. Роль такого государства даже в создании так называемых *всеобщих условий производства* всегда была минимальной. При подобном типе эволюции центр тяжести развития всегда был как бы «внизу»: в крестьянском хозяйстве, в хозяйстве горожанина-ремесленника и купца. Феодальной сеньории и городской коммуне была свойственна максимальная активность их административной, социальной и социокультурной функции.

В конечном счёте именно отсюда проистекало удивительное богатство и разнообразие форм индивидуальной деятельности, бурное развитие культуры, искусства, сравнительно раннее развитие науки. Фундаментальным основанием этих процессов было быстрое и широкое развитие ремесла и торговли, раннее формирование капитализма и т. д.

Конечно, это лишь основная тенденция подобного типа развития, не стоит забывать о конфликтности ситуаций, возникавших в разное время в сложном переплетении национальных, конфессиональных и политических интересов групп, сословий, народов.

В пределах Восточноевропейской равнины необычайная кратковременность цикла земледельческих работ русских крестьян усугубляется преобладанием малоплодородных почв. В таких условиях для получения минимального результата необходима была наибольшая концентрация труда в относительно небольшой отрезок времени. Однако индивидуальное крестьянское хозяйство не могло достигнуть необходимого уровня концентрации трудовых усилий в объективно существовавшие здесь сроки сельскохозяйственных работ. Так называемые «ритмы климата» в виде относительного потепления или, наоборот, сравнительного похолодания не могли существенно влиять на веками утвердившиеся сроки тех или иных работ. Они всегда были необычайно краткими.

Отсюда необходимость для российского крестьянина высоких темпов работ, крайнего напряжения сил, удлинения рабочего дня, использования детского труда и труда стариков. Однако и при этом, чаще всего русский крестьянин не достигал необходимой степени концентрации труда. Усугубляло ситуацию отсутствие необходимого времени для обязательной заготовки корма для скота, необходимые объёмы которого намного превышали подобные заготовки других регионов и были обусловлены длительностью стойлового содержания животных.

Следствием этого была невысокая агрикультура, низкая урожайность и низкий, в конечном счёте, объём совокупного прибавочного продукта общества вплоть до эпохи механизации и машинизации этого вида труда. Всё это, казалось бы, создавало условия для многовекового существования в этом регионе лишь сравнительно примитивного земледельческого общества.

Вместе с тем потребности более или менее гармоничного развития социума выдвигали к жизни, порождали своего рода компенсационные механизмы выживания.

Крайняя слабость индивидуального парцелльного хозяйства в условиях Восточноевропейской равнины была компенсирована громадной ролью крестьянской общины на протяжении почти всей тысячелетней истории русской государственности. Крестьянское хозяйство как производительная ячейка так и не смогло порвать с общиной, оказывавшей этому хозяйству важную производственную помощь в критические моменты его жизнедеятельности.

Ограниченный объём совокупного прибавочного продукта в конечном счёте создавал основу лишь для развития общества со слабо выраженным процессом общественного разделения труда. Однако задача гармоничного развития общества обусловила необходимость оптимизации объёма совокупного прибавочного продукта, то есть его увеличения как в интересах общества в целом, его государственных структур, так и господствующего класса этого общества. Но на путях этой «оптимизации», т.е. объективной необходимости усиления эксплуатации крестьян, стояла та же крестьянская община – оплот локальной сплочённости и средство крестьянского сопротивления.

Неизбежность существования общины, обусловленная её производственно-социальными функциями, в конечном счёте привела к складыванию наиболее жестоких и грубых механизмов изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объёме. Отсюда появление режима крепостничества, сумевшего нейтрализовать общину как основу крестьянского сопротивления. В свою очередь, режим крепостничества стал возможным лишь при развитии наиболее деспотичных форм государственной власти – российского самодержавия.

Российское самодержавие имеет глубокие исторические корни. Суровые природно-климатические условия сделали процесс разложения первобытного общества

у восточных славян необычайно длительным, растянутым на многие столетия. Существенная ограниченность объёма совокупного прибавочного продукта в конечном счёте диктовала и сравнительно ограниченную на первых этапах численность складывающегося господствующего класса. Больше того, сам облик этого класса на ранних этапах древнерусской государственности был военизированным. Ведь чем меньше объём прибавочного продукта, создаваемого обществом на ранних его этапах, тем сильнее проявляется роль насилия в процессе изъятия и концентрации этого продукта. Кроме того, длительное время даже в условиях существования раннеклассового общества и государства война всё ещё продолжала сохранять функции своеобразного «средства производства». На ранних этапах государственности для обычных налогово-управленческих и даже полицейских форм время ещё не пришло. И потребности управления вызвали к жизни такое явление как полюдье.

Полюдье как форма бескомпромиссного военного господства при систематическом изъятии прибавочного продукта, видимо, очень рано обнаружило тенденцию к универсальности своих функций, к перерастанию их из чисто налоговых в общегосударственные. Отсюда, вероятно, можно предположить и раннее зарождение судебных функций полюдья, и исключительность даннических видов взимания ренты на ранних этапах развития феодальной государственности, когда рента и налог слиты вместе в единое целое. Вполне возможно, что полюдье представляет собой и наиболее раннюю, зародышевую форму проявления верховной собственности на землю.

В то же время сама форма полюдья как форма «странствующей» государственной машины также была непосредственным следствием общей ограниченности объёма совокупного прибавочного продукта. К тому же общая его ограниченность усугублялась специфически экспортной формой его весьма существенной по объёму части (воск, мёд, меха и т.п.), что вызывало громадные государственные и людские издержки при его сбыте.

Динамичность «странствующей» государственной машины в немалой степени содействовала становлению такого типа феодального государства, в котором, по крайней мере, в период полюдья, глава его был конкретным вершителем дел на местах. Подобное положение явно способствовало сосредоточению в его руках огромной власти и энергичному совершенствованию механизма изъятия и централизованного перераспределения ограниченного по объёму совокупного прибавочного продукта. Видимо, так же как в центрально-европейских государствах, важную роль сыграла при этом созданная раннефеодальным государством система, получившая в новейшей историографии название «служебной организации», важнейшей функцией которой было обслуживание потребностей господствующего класса. Такого рода структуры были призваны создать альтернативу системе крупного феодального землевладения и укрепить тот тип государственности, где дуализм, то есть соотношение частнособственнических тенденций и элементов общественного землепользования, был в относительном равновесии. Итогом всех этих существенных особенностей развития восточнославянского социума был тот специфический строй, который в нашей литературе получил определение «государственного феодализма».

Важнейшим элементом такого строя был институт «власти-собственности», обнаруживающий себя, в частности, в синкретизме институции «князь» (с одной стороны, это глава государства, персона, а с другой – это само государство, его казна и т.д.). Видимо, в Киевском государстве в первый период его существования в силу этого не было и княжеского домена. Передача наследства сыновьям киевского князя – это передача власти-собственности в виде удела, во главе которого наследник становился суверенным главой, со всеми имущественными следствиями. Это обстоятельство и вызвало столь странную так называемую «феодальную раздробленность», при которой сложилась иерархия удельных князей, очередность восхождения их на киевский стол, единое законодательство.

И только спустя столетия, после укоренения киевских наследников в Северо-Восточной Руси, в механизм деления «власти-собственности» включаются элементы действительного процесса феодальной раздробленности.

Возрождение русской государственности проходило в многовековой борьбе как с иноземным игом, так и бурно развившейся феодальной раздробленностью.

И вновь объективная реальность существования русского социума в суровых природно-климатических условиях Восточной Европы включила в действие по сути дела те же механизмы самоорганизации общества с минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта.

Частнособственническое землевладение господствующего класса никогда не было в России ведущей формой земельной собственности. В системе «государственного феодализма» верховная собственность на землю оставалась у государства, а крестьяне были «держателями» земли, обязанными перед государством налогами, оброком и натуральными повинностями. В отдельных регионах в определённые эпохи такая «государственная земля» могла превращаться в фактическую собственность «государственных крестьян», оставаясь при этом всегда в орбите экономических отношений внутри этого сословия. И даже в XIX в. государь особо не различал домен и государственные земли.

В распоряжении же феодалов всегда была лишь часть территории Русского государства. На заре государственности длительный период времени они имели на правах частной собственности лишь сёла-усадыбы, то есть основные резиденции, где были жилище и хозяйственный комплекс. Большая же часть средств для существования феодала поступала через государственные каналы.

В послемонгольский период феодальное землевладение развивалось, видимо, быстрыми темпами, но обладало малым запасом прочности. Будучи, как правило, дарованным феодалу государством, население того или иного села или деревни относилось к нему не как к хозяину, а как к господину, насильно владеющему землей и строениями и вынуждающему крестьян платить ему оброк и нести повинности. На Руси долгие столетия владельческие крестьяне, объединённые в общину, считали землю, на которой живут, платят с неё налоги и выполняют повинности, по сути дела, своей землёй, а не землёй феодала, на которую они бы добровольно пришли и которую обрабатывали бы, вознаграждая феодала-хозяина за кров и ту же землю. Следовательно, здесь не было своего рода равновесия отношений крестьянина и вотчинника. Именно это равновесие и создавало на Западе Европы тот баланс взаимных интересов крестьянина и феодала, который придавал сеньории известную прочность. И эта прочность была тем выше, чем твёрже были права феодала на землю.

Московские князья понимали непрочность результатов своей деятельности по приращению территории Великого княжества Московского, по созданию единого государства. Видимо, не следует переоценивать такой фактор, стимулирующий объединение княжеств, как рост торгово-экономических связей, хотя, безусловно, он имел немалое значение. Решающим же обстоятельством, стимулировавшим объединение княжений, были задачи политического характера: свержение ордынского ига и воссоздание Русского государства. Однако по достижении этой цели в конце XV – начале XVI века политическая элита, видимо, осознала реальную ограниченность во времени действенности этих факторов: ведь их влияние как стимулов к объединительной деятельности для тысяч феодалов неизбежно ослаблялось по мере реализации этих целей. На первый план выдвинулись задачи упрочения, цементирования нового политического формирования, в котором по-прежнему общество оставалось внутренне рыхлым, непрочным, как любое феодальное общество, где ещё не созрели условия для внутренней относительной прочности каждой вотчины, где ещё не возникла новая система феодальной иерархии, которая сплотила бы господствующий класс.

Исторически выход был найден в форсировании развития условной формы феодального землевладения – той формы, которая, будучи конституированной государством, влекла за собой резкое усиление политико-экономической роли этого государства, ставила каждого помещика в прямую зависимость от государя, от центральных властей, сделав факт обладания землёй лишь следствием его верной службы (и прежде всего военной и государственной) великому князю Московскому, а позднее царю. Больше того, примерно с середины XVI в. и обладание вотчиной было для каждого феодала обусловлено службой царю, хотя вотчина по-прежнему была несравненно более полной формой собственности, чем поместье.

Наиболее стремительные темпы преобразования земельной собственности феодалов характерны для последней трети XV в. и правления Ивана IV. Присоединение к Москве Великого Новгорода закончилось массовой ликвидацией огромного количества вотчин, выселением их бывших владельцев в другие районы страны и насаждением в новгородских землях почти сплошь поместной формы землевладения. Точно так же в правление Ивана Грозного феодальное землевладение, принципы которого были теперь укреплены и упорядочены реформами 1550-х годов, стремительно развивалось именно как поместное землевладение. Думается, что такие скоротечные и широкомасштабные преобразования были бы на Западе Европы просто невозможны, потому, что там сильнее была сословная корпоративность дворянства и прочнее была внутренняя устойчивость сеньории.

Энергичный, насильственный характер реформ земельной собственности, проводившихся, в частности, во второй половине XVI в. с особой жестокостью, повлек за собой серьёзные осложнения внутривластной и экономической жизни страны. В свою очередь, и сами они были усугублены войнами Ивана IV. В итоге страна вползала в тяжёлый экономический и социальный кризис, сопровождавшийся упадком хозяйства, голодом, запустением и т. п.

С прекращением династии Рюриковичей в стране в начале XVII в. началась жестокая борьба за место в среде господствующего класса-сословия, отягощённая выступлением социальных низов. Это была своего рода «гражданская война», известная как эпоха «Смуты».

Тяжелейшее для страны время кончилось наступлением мира в 1618 г. Последствия Смуты были чудовищными: громадное оскудение населения, катастрофическое падение его численности и катастрофическое сокращением пашни и т. д. Лишь к 1650—1670-м гг. основные последствия разрухи страны были преодолены.

И, тем не менее, кардинальные цели господствующего класса даже в условиях жесточайшего кризиса были решены. Созданы были основы жестокого механизма извлечения совокупного прибавочного продукта. Внедрена была система поместной формы землевладения. К первой половине XVII в., по мнению ряда исследователей, поместья составляли уже около 60% всего частновладельческого фонда земель.

Несмотря на явное стремление владельцев поместий превратить их в вотчины и избавиться от экономической неэффективности поместий как формы хозяйства, ярко обнаружившей себя в годы кризиса, все правительства России, оберегая общество от новых потрясений, явно уклонялись от каких-либо кардинальных решений и не форсировали обратного преобразования поместий в вотчины. Слишком важна была условная система землевладения для политического укрепления системы неограниченной самодержавной власти монарха, для формирования дворянства как основы незыблемого государственного единства. В конечном счёте переход поместий на статус вотчины был растянут на период более столетия. Более мощные хозяйственные возможности вотчины, обнаружившие себя в период упадка экономики после Смуты, и прежде всего явные предпочтения крестьян, отдаваемые этой форме хозяйства, стали основой крепостничества не только как жестокой формы эксплуатации, но и вместе с тем как системы выживания на основе отношений патернализма в небла-

гоприятных условиях жизни российского социума. Будучи слитой с крестьянской общиной, она положила начало прочнейшему режиму самодержавного государства.

Характернейшей особенностью российской государственности являются её хозяйственно-экономические функции. Потребность в деспотической власти была первоначально обусловлена политически (борьба с монголо-татарским игом и внешней опасностью), а потом и экономически. Ведь помимо функций изъятия прибавочного продукта и усиления эксплуатации земледельца, «государственная машина» была вынуждена форсировать процесс общественного разделения труда, и прежде всего процесс отделения промышленности от земледелия. Это происходило из-за традиционных черт средневекового российского общества – исключительно земледельческого характера производства, отсутствия аграрного перенаселения, слабого развития ремесленно-промышленного производства, постоянной нехватки рабочих рук в земледелии и их отсутствия в области потенциального промышленного развития.

Отсюда необычайная активность Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства». В XVI – XVII вв. – это строительство пограничных крепостей-городов, оборонительных циклопических сооружений в виде засечных полос, крупных металлургических производств для выпуска оружия и средств сооружения тех же засечных полос. В XVIII в. на первый план выступает необходимость строительства огромных каналов, сухопутных трактов, возведения заводов, фабрик, верфей, портовых сооружений и т. п. Без принудительного труда сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, без особого государственного сектора экономики совершить всё это было бы просто невозможно. Следует подчеркнуть, что в условиях России и, в частности, её огромных территорий, функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли её государственного сектора, элиминировавшего безжалостные механизмы стоимостных отношений, было невозможно на всём протяжении российской истории.

Незначительная численность господствующего слоя символизирует крайнюю упрощённость самой российской системы самоорганизации российского общества. Не случайно из-за этой упрощённости из функций самоорганизации общества в начале XVIII в. и в более ранние эпохи, резче всего проявляли себя военная, карательно-охранительная и религиозная. А государственные рычаги, выполняющие функции управления, уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления города и деревни. Управленческая роль общины усиливала её как фактор господства общинных традиций в землепользовании, что в конечном счёте необычайно сильно тормозило развитие частнособственнических тенденций в феодальном землевладении.

Весьма длительный в условиях России процесс правового и фактического укрепления феодальной земельной собственности, тем не менее, далеко не всегда давал желаемые результаты – т.е. доведение земельного владения дворянина до нормы полноправной частной собственности (хотя и феодальной).

Скорее всего, здесь вновь решающую роль сыграли неистребимые традиции крестьянского общинного землевладения и землепользования. Ведь в практической жизни феодал-земледелец всегда подчинялся традициям в системе землепользования. В частности, это хорошо известная в литературе система «открытых полей», когда на сжатое поле феодала или крестьян выгонялся скот без различия его принадлежности. Это и обычай подчинения феодала действиям общины при ведении севооборота. А ещё бывали общие выпасы, общие леса и т. п.

Вся история русского народа и специфичность ведения земледельческого хозяйства не способствовали вызреванию сколько-нибудь твёрдых традиций частной собственности на землю.

Чисто эволюционное развитие в весьма своеобразных природно-климатических условиях имело своим результатом лишь веками бытовавшие слабые ростки так называемых неадекватных форм капитала с относительно высоким уровнем оплаты труда, господством подённой и краткосрочной форм найма и ничтожной возможностью капиталистического накопления и расширения производства. В силу этого уровень промышленной прибыли на протяжении длительного исторического периода уступал в России размерам торговой прибыли, а удачливые предприниматели-промышленники были, как правило, прежде всего, купцами.

Когда же во второй половине XIX в. капитализм в России стал быстро развиваться при активнейшем содействии государства, мелкое производство так и не получило широких масштабов развития; в стране очень рано и весьма стремительно стали развиваться прежде всего крупное промышленное производство и процесс его очень ранней монополизации. Природно-географический фактор и в первую очередь огромная территория России сыграли в этом далеко не последнюю роль.

В периоды правления Петра I и Екатерины II были проведены колоссальные по эффективности преобразования в виде резкого подъёма промышленности, наращивания военной силы государства и, что особенно важно, создания пространственно-географических условий экономического развития страны.

Таким образом, развитие государственных структур, государственного хозяйства и «государственной машины» было обусловлено двумя ведущими факторами. Один из них связан с проблемами оптимизации объёма совокупного прибавочного продукта, другой – с чисто внешней, оборонительно-наступательной функцией государства.

Оборонительно-наступательная функция в истории Российского государства обуславливалась, по крайней мере, тремя основными факторами. Первый из них Л. В. Милов связывает с необходимостью выполнения стратегической задачи воссоединения древнерусских земель, разделённых в результате монголо-татарского нашествия и агрессии католической Польши и языческой Литвы.

Второй важнейший фактор усиления оборонительно-наступательной функции государства связан с природно-климатическими условиями развития страны. Обилие малоплодородных почв, необычайно короткий сезон земледельческих работ имели своим следствием постоянный «недобор» урожая, что в конечном счёте обусловило низкий объём совокупного прибавочного продукта в стране. Однако общество в целом приспособилось к суровым условиям хозяйствования сохранением и развитием распорядков сельской жизни. Крестьянская община на протяжении тысячи лет российской государственности являлась важнейшим средством защиты крестьянского хозяйства от множества житейских неожиданностей, ведущих крестьянскую семью к разорению, нищете и смерти. Община не только спасала миллионы крестьян от пауперизации, она в значительной мере содействовала сохранению генофонда русского населения (впрочем, не только русского, но и других народов России). В свою очередь, крайне экстенсивный характер земледельческого производства и объективная невозможность его интенсификации привели к тому, что основная историческая территория Русского государства не выдерживала увеличения плотности населения. Отсюда постоянная, существовавшая веками, необходимость оттока населения на новые территории в поисках более пригодных пашенных угодий, более благоприятных для земледелия климатических условий и т. д. Объективные условия плотной заселённости Европы открывали для русских лишь путь на Юг, Юго-Восток и Восток Евразийского континента.

Колонизация Юга и Юго-Востока имела благотворное влияние на развитие Центра России. Более чем за столетний период (1744—1857 гг.) население Промышленного Центра и Черноземного Центра увеличилось в 1,6 раза, а население Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья, Пермского края, Южного Урала и Оренбурга – в 4 раза.

Даже при неизменном размере душевого высева зерна масса товарного хлеба, идущего с Юга и Юго-Востока в Центр, постоянно возрастала. В то же время земледельческая роль Нечерноземья менялась. Исследование Л. В. Миловым механизма функционирования единого аграрного рынка Европейской России в 1890-х гг. показало, что колебания урожайности в каждой из нечерноземных губерний практически не влияли на динамику местных цен этих губерний. Тем более, эти колебания никак не воздействовали на динамику цен в черноземных, южных и юго-восточных губерниях страны.

Это означало, что ростом кадров рабочих людей промышленное развитие Центра России в немаловажной степени было обязано расширению её территории, расселению русских людей на новых землях и включению в единую экономику других народов Российского государства. Однако то и другое доставалось далеко не просто, так как на протяжении XIX – начала XX в. валовой душевой сбор постоянно балансировал на грани допустимого минимума, иногда опускаясь и ниже его.

Колонизация иногда протекала в условиях жестокого противостояния Русского государства целому ряду государственных образований и социумов, находящихся на доклассовой стадии развития. Тем не менее, в итоге это привело к длительному существованию и выживанию многих народов в рамках единой российской государственности, ибо практически все они принадлежали к единому типу социумов с минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта.

Наконец, третий фактор, стимулировавший оборонительно-наступательную функцию Российского государства, связан с необходимостью выхода России к незамерзающим портам. Запасы мягкой рухляди к концу XVII в. были в значительной мере исчерпаны. Сверхпротяжённые сухопутные пути могли поддерживать лишь вялый режим торговли. Столь объёмные товары экспорта как поташ, смола, древесина были весьма нетранспортабельны при гужевых средствах доставки. Такая земледельческая держава, как Россия, рано или поздно должна была развернуть крупномасштабную внешнюю торговлю продуктами земледелия, т.е. крупногабаритным товаром, требующим оптовой торговли. А транспортировать такие товары можно было только водными путями. До Петра Великого был лишь один крупный порт – Архангельск. В ходе Северной войны Россия получила доступ к Балтийскому морю, Петербург и Рига стали крупными торговыми центрами к концу царствования Петра I. Освоение южных степных районов, присоединение Крыма к России открыло возможность строительства черноморского торгового флота. С начала XIX в. через Одессу и Таганрог резко увеличивается вывоз за рубеж российского зерна. Однако чтобы окончательно открыть для себя черноморские проливы, для России оказалось необходимым продвинуть свои южные рубежи как можно ближе к рубежам Османской Порты. Борьба за развитие экономики России была борьбой за Чёрное море, и не только с Турцией, но и с ведущими державами Европы.

Та же логика лежит в конечном счёте в основе дальнейшего роста территории Российской империи. Успешное выполнение оборонительно-наступательной функции российской государственной машины во многом было обусловлено своеобразием общества, создавшего одну из лучших армий мира. В основе её был солдат-рекрут, воин-профессионал. Но этот же воин, будучи рекрутирован из общинного мира, как наиболее «пассионарный» и беспокойный элемент, постоянно грозивший нарушением баланса сил в общине, в то же время обладал повышенным чувством долга, был отчаянно смел и милосерден.

Больше того, в основе многовекового формирования Российского государства был важнейший фактор – русский народ и прежде всего великорусское крестьянство, особый менталитет которого формировался под мощным воздействием природно-климатического фактора.

Российские крестьяне-земледельцы веками оставались своего рода заложниками природы, ибо она в первую очередь создала для крестьянина трагическую ситуацию, когда он не мог ни существенно расширить посев, ни выбрать альтернативу и интенсифицировать обработку земли, вложив в неё и труд, и капитал. Даже при условии тяжкого, надрывного труда в весенне-летний период он чаще всего не мог создать почти никаких гарантий хорошего урожая. Многовековой опыт российского земледелия, по крайней мере, с конца XV по начало XX в., убедительно показал практическое отсутствие сколько-нибудь существенной корреляции между степенью трудовых усилий крестьянина и мерой получаемого им урожая. Точнее говоря, мера трудовых усилий подтверждалась не всегда соответствующей прибавкой урожая.

Всё это способствовало формированию в огромной массе русского крестьянства целого комплекса далеко не однозначных психологических поведенческих стереотипов. Разумеется, скоротечность рабочего сезона земледельческих работ, требующая тяжёлой и быстрой почти круглосуточной физической работы, за многие столетия сформировала русское крестьянство как народ, обладающий не только трудолюбием, но и быстротой в работе, способностью к наивысшему напряжению физических и моральных сил.

Вместе с тем господство в большей части территории Российского государства крайне неблагоприятных климатических условий, нередко сводящих на нет результаты тяжёлого крестьянского труда, закономерно порождало в сознании русского крестьянина идею всемогущества в его крестьянской жизни Господа Бога. Труд – трудом, но главное зависит от Бога: «Бог не родит, и земля не даёт», «Бог народит, так и счастьем наделит», «Не земля хлеб родит, а небо», «Бог – что захочет, человек – что сможет» и т. д.

Крестьянское восприятие природы – это, прежде всего постоянное, бдительное и сторожкое отслеживание изменений в ней, фиксация работы разнообразных природных индикаторов, сигнализирующих селянину о грядущих изменениях, о грозящей или возможной опасности благополучию крестьянской семьи, дома, хозяйства.

Глубочайшее и доскональное знание разнообразных природных явлений в целом позволяло крестьянину приспособливаться к тем или иным годовым, сезонным и сиюминутным изменениям климата. Многочисленные приметы поведения представителей животного и растительного мира давали крестьянину сигналы о характере смены сезона и его самого (зимы, весны, лета, осени), о степени благоприятности условий и времени посева и сбора урожая, прогнозах на сам урожай (в том числе и отдельных культур). Они же «предсказывали» болезни и смерть близких и т. п. Были многочисленные приметы, основанные на оценке внешнего вида солнца, различных фаз луны, имевшие существенное значение в определении погоды, сроков сева полевых и огородных культур, посадки в землю луковиц, корневищ и т. п.

Важно заметить, что природные условия лесных просторов Нечерноземья и лесостепной зоны часто способствовали формированию множества локальных и микролокальных пространств со своеобразием протекания общих погодных процессов. А это приводило к разнице урожайности отдельных полей и даже их участков. Пестрота почвенных условий усиливала этот эффект.

Не исключено, что в крестьянском восприятии это как бы дробило всеобщую единую силу Высшего Божества на отдельные компоненты. Вполне возможно, что именно эти явления постоянно пробуждали в крестьянском менталитете чисто языческие эмоции локального поклонения объектам природы (типа архаичных обрядов моления у овина, у воды, у дерева и т. д.). Это способствовало причудливому переплетению многих праздничных ритуалов господствовавшего в России христианского вероучения с языческими суевериями и обрядами. Думается, что масштабы столь своеобразного «синкретизма» для христианской страны, какой была Россия, поистине огромны. И суть дела заключена не в необыкновенной

силе традиции язычества, к которому изначально приспособилась христианская православная церковь, а в живучести языческого менталитета русского крестьянина, в том, что силу этой живучести питали могучие природно-климатические факторы.

Глубокая включённость сельского жителя в орбиту многообразного окружения природы не только порождала неиссякаемую веру в её сверхъестественные силы и локальные проявления, не только способствовала глубокому функциональному познанию «механизма», своего рода сигнальной системы природы, диктовавшей логику поведения, но иногда и вызывала активность самого крестьянина в контактах с её светлыми и тёмными силами.

Поэтому христианизация на Руси в конечном счёте своеобразно отразилась на менталитете крестьянина: в нём поселился не только христианин, но и сохранился язычник.

Это своеобразие менталитета российского крестьянства имело немалые политические следствия. Одно из них: максимальная контактность с народами иных конфессий, что имело громадное значение в практике масштабных миграционных подвижек и мирном проникновении на новые территории русского населения. Вместе с тем вполне очевидным становится и то, что без государственного статуса, без поддержки государственной машины российская православная церковь не имела бы серьёзных перспектив всепоглощающего влияния на крестьянство. В конечном счёте именно христианское православие отвечало духовным потребностям социума с минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта, социума с общинной структурой консолидации в противостоянии Природе и внешним врагам.

Необычайно сложные природно-климатические условия основной исторической территории России, диктовавшие необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственных работах, сопряжённых с высоким нервно-психологическим стрессом («страда»), имели своим следствием не только поразительные трудолюбие, поворотливость и проворность как важнейшие черты русского менталитета и характера, но и противоположные им качества.

Отсутствие значимой корреляции между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая в течение многих столетий не могло не создать настроений определённого скепсиса к собственным усилиям, хотя они затрагивали лишь часть населения. Немалая доля крестьян была в этих условиях подвержена чувству обречённости и становилась от этого отнюдь не проворной и трудолюбивой, проявляя безразличное отношение к собственной судьбе, иждивенчество, пьянство, лень.

Такова была реальность. Таковы были косвенные следствия влияния на ментальность природно-климатического фактора. Приходится только удивляться, что категория равнодушных, не верящих в свои силы людей, да и просто опустившихся была незначительной. Что в целом русский народ даже в годину жестоких и долгих голодных лет, когда люди приходили в состояние «совершенного изнеможения», находил в себе силы и мужество поднимать хозяйство и бороться за лучшую долю.

У подавляющей массы населения всегда были живучи традиции коллективизма и взаимопомощи, хотя у любого крестьянина одновременно никогда не исчезала и естественная тяга к личному, частному способу ведения хозяйства. В крестьянской психологии в России во все времена идея принадлежности земли Богу, а значит, обществу в целом, была ведущей, основной идеей. Она, пожалуй, составляет одну из главных особенностей характера русского народа. Другой важнейшей чертой его было доброта и простодушие. В основе того и другого лежала, вероятно, общинная психология, которая помимо прямой непосредственной роли, сыграла не менее важную и опосредованную роль в судьбах русского народа, определив, например, целый ряд существеннейших проявлений национального характера и культуры.

С момента концентрации крестьянских хозяйств и дворов в многодворные деревни и сёла резко возрастает процесс демократизации общины, который усиливается и обретает

силу в качестве защитной функции с ростом крепостнической эксплуатации. Систематическая практика «помочей» и даже барщинные работы целыми бригадами на господских полях также стимулировали чувство коллективизма.

Взятые в целом, все эти факторы механизма выживания определённым образом повлияли на характер российской государственности и прежде всего породили всемогущество и жестокость власти российских самодержцев и сопутствующий ей суровый режим внутреннего подавления сословий. Самым тяжёлым было положение крестьянства, единственным оружием которого была локальная сплочённость общинного мира. Когда же эта сплочённость стала разрушаться рынком, судьба общества в целом была поставлена под сомнение.

Невзирая на то, что в пореформенное время уже развился процесс быстрого вовлечения крестьянства в руло капиталистических отношений, создавалась сложная и противоречивая ситуация. Антикрестьянский, по сути, характер реформ Александра II тем не менее способствовал удерживанию огромных масс населения на земле, что для общества с минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта было весьма важным моментом. Но одновременно с этим был сохранён и архаичский защитный механизм общинного землепользования. И в то же время законы капитализма сильнеешим образом стимулировали расслоение общинного крестьянства. На всей территории исторического ядра Российского государства процесс расслоения привёл к созданию огромного слоя безлошадных и однолошадных крестьянских хозяйств, составлявших от 50 до 65 процентов всех крестьянских дворов. Социальная напряжённость, порождённая такой асимметрией расслоения, дополнялась общей проблемой нарастания парадоксального малоземелья при одновременном существовании дворянских латифундий.

Эти два фактора, по сути, лежали в основе грандиозного аграрного кризиса, который в конечном счёте привел страну к трём русским революциям.

Все эти моменты, связанные с особыми чертами российской государственности, были исторически неизбежны и породили своеобразие и самого российского общества.

В силу различия природно-географических условий на протяжении тысячи лет одно и то же для Западной и Восточной Европы количество труда всегда удовлетворяло не одно и то же количество «естественных потребностей индивида». В Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность этих самых необходимых потребностей индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для их удовлетворения гораздо хуже. Следовательно, меньшим оказывался и тот избыток труда, который мог идти на потребности «других» индивидов, по сравнению с массой труда, идущего на потребности «самого себя». Иначе говоря, всё сводится к тому, что объём совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе. Это объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах. Именно это обстоятельство объясняет выдающуюся роль государства в истории нашего социума как традиционного создателя и гаранта «всеобщих условий производства».²¹

Такова краткая характеристика парадоксов российской истории. Вывод здесь однозначен. Природно-климатический фактор имеет огромное влияние на формирование типа общества. Причём разницу в проявлении роли этого фактора можно выявить не только в случае наиболее ярких природных различий (например, условия Средиземноморья и севера Европы), но и не при таких явных (центр и восток Европы).

Конечно, огромную роль в истории России играли и другие факторы: географические (наличие на юге и востоке Восточной Европы, на Урале и в Сибири) плодородных неосвоенных земель, социально-экономические и геополитические (преобладание среди соседних

²¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 554—572, также 411, 417.

народов к югу и востоку от Русского государства немногочисленных кочевников, охотников и рыболовов с невысокой плотностью. Это позволяло расширять территорию государства и вовлекать в сельскохозяйственный оборот земли зачастую с более плодородными почвами и в более мягких климатических условиях.

Эти факторы не только создавали возможность для выживания в трудных природно-климатических условиях, но и явились условиями перехода России к более интенсивным методам экономического развития после выхода к Чёрному морю и вовлечению в оборот плодородных земель Черноземья, Поволжья, низовьев Дона и Новороссии.

Отсюда столь заметные конкретно-исторические различия между Западом и Востоком Европы в типе собственности, в форме хозяйствования, в типе государственности, общества и в характере развития рыночных отношений.

Указанные факторы привели к преобладанию вплоть до XX в. натурального земледельческого хозяйства крестьянского типа. Элементы такого сохранились и в советский период в наличии у значительной части населения собственного подсобного хозяйства (это временно поддерживалось государством – после смерти Сталина, раздача «6 соток» в поздние советские времена); в стремлении промышленных предприятий создавать полный производственный цикл и, особенно, в наличии у многих из них собственной социальной сферы (столовых, магазинов, детсадов и школ, больниц, санаториев, жилых домов, подсобных хозяйств и т.п.).

Уровень развития ремесла, промышленности, торговли, сферы обслуживания, науки и культуры любой страны зависит от уровня развития сельского хозяйства. Чем выше производительность труда в аграрном секторе экономики, чем меньше в нём занято работников, чем большее число людей может прокормить земледелец, тем выше уровень всех сфер жизни общества.

Преобладание натурального хозяйства вело также к крайне медленному развитию общественного разделения труда и необходимости сохранения даже самых слабых крестьянских дворов (на что не раз указывает Л. В. Милов).

Единый внутренний рынок в России начал складываться к концу XVII в. Уже тогда усилилась специализация ремесла, появились специализированные центры ремесленного производства и, соответственно, массовой торговли ремесленными и сельскохозяйственными товарами. Эти явления связаны в основном с деятельностью лично свободных крестьян и городских ремесленников и купцов.

Эти экономические процессы были прерваны финансово-экономической политикой Петра I. Но после его смерти его же соратники резко поменяли экономический курс государства из-за его невыгодности для дворянства. В результате в XVIII в. в России произошёл резкий скачок в развитии товарно-денежных отношений, выросло товарное (именно товарное) производство, к концу столетия окончательно сформировался внутренний рынок, Россия стала частью европейского рынка, объём внешней торговли вырос в десятки раз, а оборот внутренней торговли хлебом в начале XIX в. в разы превышал объём его экспорта. Более того, в конце XVIII в. появились мануфактуры с наёмным трудом, в первой половине XIX в. они уже лидировали в отраслях лёгкой и перерабатывающей промышленности. Предпринимательством, в том числе и мануфактурным, занимались не только лично свободные государственные крестьяне, ремесленники и купцы, но и крепостные крестьяне.

Промышленный переворот в России во второй четверти XIX в. начался и успешно шёл как раз в отраслях с высокой долей наёмных работников. К середине века на реках Европейской России перевозка грузов и пассажиров по рекам осуществлялась на пароходах. Более того, даже в сельском хозяйстве до отмены крепостного права ежегодно было занято около 800 тысяч наёмных работников. В силу этих, а также некоторых других причин, крепостное

право исчезло бы в России к началу XX в. и на гораздо лучших основаниях, по «английскому» типу, т.е. было бы просто изжито экономически.

Крайне ограниченное разделение труда, очень медленное развитие товарного ремесленного производства вынуждали государство создавать собственное производство сначала ремесленное, а потом и фабрично-заводское. Прав Л. В. Милов видя в этом корни традиционного вмешательства российского государства в сферу организации экономики. Это не только царские производства в виде Пушечного двора, Оружейной и Царицыной палат, Хамовной, Кадашевской, Тверско-Константиновой слобод и т. д. Это и создание казённых производств XVIII – XIX вв. Это, наконец, необычайно мощная, широкая и активная (по сравнению с европейской в целом) деятельность государства по созданию так называемых общих условий производства.

Л. В. Милов также убедительно показывает, что мануфактуры XVII в. не были порождены закономерностями экономического развития России, а возникали спорадически, на средства иностранцев, которыми в основном и создавались. Эти мануфактуры работали исключительно на государство и не были втянуты в рыночные отношения, не имели прочной базы в виде платёжеспособного спроса со стороны населения и часть разорвались.

Он абсолютно прав, когда пишет о мифологизации в литературе доменного и молотового комплекса Тульских и Каширских заводов, основанных в 1637 г. (это можно сказать и о других мануфактурах XVII в.): «Разумеется, основание крупного металлургического производства в разоренной стране имело громаднейшее значение и положило начало целой серии таких заводов. Но вместе с тем такая акция государства, призванная укрепить прежде всего обороноспособность страны, стала расцениваться как индикатор общего уровня развития экономики. В ряде работ давалась заведомо завышенная оценка общего состояния страны».²²

Это указание на то, что казённое производство, подчинённое обеспечению вооружённых сил страны, как и других специфических потребностей государства, не может служить индикатором общего развития страны, имеет значение не только для XVII в. Его можно и нужно распространить на всю историю России, особенно XIX – XX веков.²³ Недооценка значения казённого производства, его влияния на общее развитие страны, отождествление его уровня с уровнем развития всей страны приводит неизбежно к ошибочным выводам и оценкам. Сказанное справедливо и для советского периода российской истории.

Ещё одной фундаментальной особенностью социально-экономического развития России является широкое применение принудительного труда в разных формах – от использования в промышленности крепостных, приписных и посессионных крестьян до использования труда заключённых, военнотружеников, школьников и студентов в различных сферах экономики.

Недостаточность свободной рабочей силы, не находящей применения в земледелии, приводила к поиску иных способов обеспечения работниками промышленных предприятий. На основе анализа трудовых ресурсов на предприятиях XVII – XVIII вв. Л. В. Милов отмечает, «что применение промышленного труда на крепостной основе, совершающееся путем резкого возрастания эксплуатации крестьян при непременном сохранении за ними земледельческого производства, открыло возможности для своеобразного варианта развития процесса общественного разделения труда. Сочетание земледельческого и промышленного труда стало не временным переходным состоянием для крестьянина, как это обычно бывало в Европе, а утвердилось более чем на вековой период и сохранилось даже после

²² Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 493.

²³ См. подробнее: Болоцких В. Н., Деев В. Г., Кузнецов В. А. История России. В 2-х томах. Б.м., 2016.

1861 г. Такова важнейшая специфика развития социума с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта».²⁴

Добавлю только, что и после 1917 г. также это сочетание во многом сохранилось.

Но широкое и длительное применение принудительного труда имеет многочисленные последствия для экономики. Отмечу основные. Во-первых, использование бесплатного и малооплачиваемого труда не побуждает владельцев предприятий к переходу к более высоким технологиям и интенсивным методам производства.

Во-вторых, принудительный труд сам является тормозом технического прогресса, так как работники не заинтересованы в результатах своего труда, в повышении квалификации и т.п., более сложные машины легче вывести из строя, интенсивные технологии требуют больших затрат умственных усилий работника, а, следовательно, большей его заинтересованности.

Наличие же высокой оплаты квалифицированных работников в XVII – XIX вв. как раз и свидетельствует об отсутствии резерва рабочей силы, конкуренции на рынке труда, слабости общественного разделения труда.²⁵

В таком случае у владельцев промышленных производств, включая государство, нет возможности получать накопления в сфере собственно производства, они получают прибыль или в сфере торговли, или работают в убыток, покрывая его из других источников (что характерно для государства). Но в случае с государством это приводит к росту налогов, неэквивалентному перераспределению ресурсов страны из одних отраслей в другие, к снижению уровня жизни основной массы населения.

Низкая оплата труда в промышленности в сочетании с низким уровнем производительности труда, невысокими доходами земледельцев, с необходимостью сохранять даже еле живые крестьянские хозяйства приводили к широкому распространению уравнительности и патернализма со стороны государства и феодалов, о чём пишет Л. В. Милов.²⁶

Особенности российских государства и общества являются следствием природно-климатических, геополитических, географических факторов. Поэтому неправы И. Н. Ионов и ему подобные, которые сводят всё многообразие причин и факторов, действующих в историческом процессе, к принятию и распространению православия.

И. Н. Ионов полагает, что для выявления особенностей модернизации России в XIX – XX вв. необходимо учитывать более глубокие традиции, обусловившие своеобразие её исторического пути.

Он пишет: «Речь идет прежде всего о роли города, отличной по сравнению с Европой. Ликвидация городского веча, происшедшая еще при татарах, сделала невозможным зарождение элементов гражданского общества, где „различные формы общественной жизни выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость“, важной предпосылки модернизации... Нам трудно согласиться с недооценкой одним из виднейших продолжателей дела М. Вебера – С. Н. Эйзенштадтом – роли православия в том, что веберовской традицией считается структурообразующим началом культуры цивилизаций, – в ощущении напряженности противоречия между сущим и должным, осознаваемого как противоречие земного порядка и порядка небесного, а также в способе преодоления этого противоречия. Надо помнить, что одним из центральных понятий государственной идеологии Византии было понятие таксиса, сущность которого заключалась именно в сближении, соединении земного и небесного порядков. Соединяющей силой была власть императора, нормальное функционирование которой во многом

²⁴ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 526.

²⁵ Там же. С. 518—519 и др.

²⁶ Там же. С. 420—434.

снимало напряжение. Предпосылкой слабости последнего была идея о богоизбранности византийцев. Конечно, речь не идет о полном уподоблении Византии „неосевым“ цивилизациям. Но православие делало шаг именно в этом направлении. И тут, и там важную роль в соединении земного и небесного порядков играла власть императора. Тем самым в православии власть „настоящего“, православного царя становилась гарантом возможности будущего „спасения“ после смерти. Наличие в России народного мессианизма, поддержка теории „Москва – третий Рим“, подразумевающей стирание противоположности между „градом земным“ и „градом божьим“, говорят о том, что схожие настроения были и в русском православии. Если в европейском городе в протестантской среде верования толкали человека к активной экономической деятельности (ее успех помогал ему убедиться в своей „избранности“, в грядущем индивидуальном „спасении“), то в русском городе перед человеком открывался не экономический, а политический путь „спасения“, причем с сильной коллективной составляющей. Отсюда, с одной стороны, экономическая активность европейцев и создание ими гражданского общества как механизма утверждения своих интересов, как инструмента борьбы за экономический успех, а с другой – поиски „настоящего“ царя в России, на которые ушло много духовных сил народа в XVII и XVIII вв., прямо противостоявших тенденции развития к гражданскому обществу. Постепенная секуляризация самостоятельности воззрений привела к тому, что на Западе, особенно в США, высшим критерием оценки деятельности человека, если угодно, воплощением смысла жизни, стали оценка рынка, богатство, в то время как у нас сближение сущего и должного было реализовано в форме коллективного движения к лучшему будущему, в идеях социальной справедливости и прогресса, в служении которым многие находили смысл жизни и добровольно ею жертвовали. Силой, соединяющей сущее и должное, настоящее и будущее в СССР по-прежнему оставалась харизматическая власть, государство. Гражданское общество, начавшее складываться в стране в начале XX в., снова было принесено ему в жертву. Выбор веры и власти, составляющий сущность гражданского общества и обеспечивающий на Западе перманентный прогресс, у нас стал явлением единовременным, отменившим возможность нового выбора на долгие десятилетия».

И. Н. Ионов оговаривается, что «картина явления здесь значительно упрощена, так как нам было важно сделать акцент не на сходстве, а на различиях Запада и России» и что «деятельность по «спасению», конечно, не сводилась в России к ее политическому и коллективистскому вариантам. История скорее демонстрирует нарастание коллективистских тенденций по мере развития процесса секуляризации». Главным он считает, то что «происходит определяемая механизмами культуры девиация (лат. *devatio* – отклонение) мотиваций человеческой деятельности, ее целеполагания. Практическая деятельность как ведущая подменяется поиском «справедливой власти». И если в первом случае революция отражает интересы развития практической деятельности, способствует становлению рынка, демократии и правового государства, основ современной цивилизации, то во втором – она самоценна и служит самооправданием как акт справедливости, вне зависимости от неудач в практической деятельности.²⁷

Причины громадных различий русских и европейских городов хорошо показаны у Л. В. Милова и говорить об этом нет необходимости. Подчеркнем только, что подход И. Н. Ионова к этому вопросу абсолютно неверен. Неверен хотя бы потому, что эти отличительные особенности европейских городов, мотивации и поведении людей и т. п. существовали на Западе задолго до появления протестантизма и именно они породили его, а не наоборот.

²⁷ Ионов И. Н. Россия и современная цивилизация // Отечественная история. 1992. №4. С. 63—64.

И «самозванство» в России связано не с расколом,²⁸ а со Смутой, изменившей представления русского народа о государстве и государе. Тогда народ спас государство, а не сильный и «справедливый» царь. Не было распространения среди народной массы и теории «Москвы – третьего Рима» и идеи богоизбранности русского народа. Это всё представления некоторой части общества – церковников и интеллигенции (и то меньшинства среди них).

В дни исторических испытаний и повседневного выживания русские люди надеялись прежде всего на себя, а не царя. Народная пословица гласит: «На Бога надейся, а сам не плошай». А о царе и речи нет: «До Бога высоко, а до царя далеко».

На сильную самодержавную власть рассчитывали, на неё надеялись не крестьяне, не ремесленники и купцы, а представители верхушки общества, самого государственного аппарата.

Так что исторические особенности России, порождённые многочисленными объективными факторами, определили особенности православия, обусловили специфические формы бытования христианства на Руси, а не наоборот.

Уравнительность и патернализм, надежды на «доброе барина» характерны и для советского общества. Также как и своеобразие общественного разделения труда, низкая производительность труда, сочетание земледельческого и промышленного труда, отрицательное влияние на экономику и общество в целом государственного сектора производства в казённом варианте, что и будет показано в дальнейшем.

²⁸ Там же. С. 72.

Глава 2. Натурализация экономики России в годы мировой и гражданской войн и политика «военного коммунизма»

Особенности российской экономики наглядно проявились во время Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны. Несбалансированность экономики, её перекошенность в сторону военных и тяжёлых отраслей помешали подготовиться к большой войне, привели к огромным лишениям основной массы населения и краху Российской империи. Потом всё это повторится во многом в конце XX в. и поэтому следует остановиться на характере экономических процессов в период краха Российской империи и зарождении империи советской.

Уже до первой мировой войны доля казённой промышленности в экономике России была очень большой, велико было и регулирующее воздействие российского государства на неё. Во время войны степень вмешательства государства в экономическую жизнь страны ещё более возросла и по наследству эта политика перешла к Временному правительству и Советскому государству. В результате в годы войны кардинально была перестроена вся структура экономики и упрочились тенденции её развития по казённому пути, государственные методы управления промышленностью были доведены до крайних пределов. Поэтому разговор об экономическом развитии России в советский период логично начать с политики «военного коммунизма» и её предпосылок, создававшихся при царском и Временном правительствах.

Характерными особенностями экономической политики Российского государства в 1914—1920 гг. (общих для всех правительств того времени) была ставка на эмиссию (печатание) бумажных денег, борьба с дороговизной с помощью твёрдых цен, хлебной монополии, ограничения свободы торговли. А также растущее стремление государства в условиях усиливающейся хозяйственной разрухи взять в свои руки заготовку и распределение основных видов продовольствия и товаров широкого потребления, а затем и их производство. Все эти явления тесно связаны между собой, а причины, по которым самые разные по социальной и политической природе правительства, прибегали к этим мерам, их последствия и результаты весьма актуальны и для России рубежа XX – XXI веков.

В нормальных условиях в странах с экономикой, основанной на свободе торговли и денежной системе, в ходе взаимодействия хозяйствующих субъектов, обмена между производителями и потребителями устанавливается то или иное соотношение между спросом и предложением экономических благ. В числе потребителей выступает также государство с его огромной покупательной силой. Это хозяйственное равновесие может мало нарушаться в случаях быстрого расширения потребностей государства в продуктах и услугах (война), если *эти чрезвычайные расходы покрываются налогами или займами*. В таком случае капиталисты, обладающие денежными средствами и могущие предъявить обычный спрос на продукты и услуги, передают государству свои денежные средства, а вместе с ними и право на часть хозяйственных благ. И вслед за этим они отказываются от возведения новых построек, ремонта старых, от пополнения инвентаря, запасов и т. д. В то же время обладатели трудовых доходов, отдавая денежные средства государству, сокращают своё потребление. Получая через повышенные налоги и дополнительные займы от плательщиков налогов и капиталистов дополнительные денежные ресурсы, государство получает в своё распоряжение те хозяйственные блага, которые раньше предназначались в фонды накопления, воспроизводства и потребления.

В таком случае меняются только субъекты спроса, а общая сумма спроса на изделия и услуги меняется мало. Различие в том, что государство, как потребитель, в случае войны, предъявляет спрос на другие продукты и услуги, чем обычно предъявляли частные хозяйствующие лица и население, но общая сумма спроса остается прежней. Под влиянием изменения *направления* спроса, повышаются цены продуктов, которые теперь усиленно потребляются государством (металлы, кожа, мясо, хлеб и т.д.), но в то же время неизбежно понижаются цены на продукты, которых государство не потребляет, а частные лица, лишившись обычных ресурсов, не могут купить. Повышение цен на одни категории продуктов органически связано с падением цен на другие их категории, и общий уровень цен существенно не меняется. Если изменение направление спроса является длительным, оно ведёт к перераспределению производства в соответствии потребностям государства. Это перераспределение ускоряется запретом частных выпусков ценных бумаг без разрешения государства, как это было сделано в первую мировую войну на Западе, и тогда цены даже на предметы военного спроса могут получить тенденцию к понижению.

Совершенно по-другому развиваются события в случае, когда государство выступает на рынке с денежными средствами, полученными не путём налогов и займов, а с помощью выпуска ничем не обеспеченных бумажных денег. В этом случае остаётся в прежнем объёме спрос обладателей денежных средств, но к нему сверх того добавляется совершенно новый спрос потребителя-государства, вооружённого «штемпелеванной бумагой». В таком случае новый спрос *не замещает обычный спрос хозяйствующих лиц, а присоединяется* к нему. Не устранив предварительно на рынке своих конкурентов, государство вступает с ними в соревнование, взвинчивая цены, и, обладая огромными средствами и не останавливаясь перед высокими ценами, оно побеждает своих конкурентов.

Если не вмешиваться в процессы рыночного ценообразования, то рост цен на товары будет продолжаться до тех пор, пока излишние вначале деньги не станут необходимыми для обращения товаров. Тогда вновь наступит равновесие спроса и предложения, но в ином масштабе цен (например, все цены увеличатся в 10 раз). Выброшенные в экономический оборот в результате эмиссии денежные знаки являются в первое время как денежный капитал, который стремится превратиться в товарный капитал: с ростом товарных цен этот фиктивный денежный капитал превращается в обычное орудие обращения товаров, чем и завершается процесс удорожания. Но это происходит только в том случае, если эмиссия денег прекращается и никто не вмешивается в процесс ценообразования. На деле всегда всё происходит по-другому.

Обилие фиктивных денежных капиталов вызвало, вначале, предпринимательскую горячку и иллюзию обогащения у крестьян, увеличивших спрос на ряд товаров. Число вновь открывшихся акционерных обществ за первую половину 1914 г. значительно (336 против 274) превысило число обществ, возникших за тот же период 1913 г., с его промышленным подъёмом. В первые месяцы войны крестьяне покупали изделия из дорогих тканей (шёлка, например), драгоценные украшения и т. д.

Но одновременно начался и рост цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, которые стремились к установлению равновесия с денежной массой. Торговцы-посредники и производители действительно стали придерживать товары и продукцию для получения более высоких доходов в результате удорожания. Так «Российские Ведомости» сообщали в октябре 1916 г., что в Нижнем Новгороде обнаружены большие запасы в тысячи и даже десятки тысяч пудов шерсти, кож и сукон, в которых остро нуждаются предприятия, работающие на оборону. Найдено также несколько тысяч пудов мыла, давно исчезнувшего с рынка.

В 1916 г. хлеб исчез с рынка уже в первый месяц после сбора урожая, запасы хлеба у производителей достигали 5 млн пудов²⁹.

К июню 1915 г. цены на ржаную муку поднялись на 51%, гречневую крупу – на 100, хлопок – на 57, шерсть – на 35, в то время как цены на золото – только на 20%³⁰.

Цены росли и в дальнейшем, так как продолжалось печатание бумажных денег, к которому добавились ограничения на вывоз продуктов и установление сначала местных, а потом общероссийских твёрдых или указных цен. О последствиях этих мероприятий для экономики страны речь ещё будет, а сейчас о некоторых объективных мотивах поведения крестьянства, которое сокращало предложение хлеба на рынок. Государство и горожане-потребители, включая экономистов-учёных, видели причины роста цен и укрупательства хлеба в жадности, эгоизме, непонимании государственных интересов крестьянами. Также, впрочем, оценивали поведение торговцев и переработчиков сельскохозяйственного сырья, производителей товаров широкого потребления, но нагляднее всего взять в качестве примера хлеб как главный продовольственный продукт России и крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения.

Следует помнить, что нормы потребления хлеба, мяса, молока и других продуктов самими крестьянами были очень небольшими, крестьяне часто голодали. Уровень товарности крестьянских хозяйств был крайне низким. Так за 1909—1913 гг. общее количество товарного хлеба четырёх важнейших его видов в производящих губерниях составляло около 1 180 532 тысячи пудов. Из этой массы на долю крестьянского товарного хлеба приходилось 926 191,3 тысячи пудов или 78,4%. В то же время крестьянское производство хлеба в этих губерниях составляло 87,9% общего производства. Тем не менее, крестьянские хозяйства играли главную роль в снабжении рынка хлебов. Но роль эта при низкой товарности крестьянских хозяйств обуславливалась громадным преобладанием числа крестьянских хозяйств над числом частновладельческих. Так по сельскохозяйственной переписи 1916 г. число крестьянских хозяйств по 47 губерниям Европейской России составляло 15 492 202 или 99,3%, а частновладельческих – 110 031 или 0,7%, а по всей России (без Туркестана) соответственно 18 671 238 или 99,4% и 120 062 или 0,6%³¹.

Уже в первые годы войны количество товарного хлеба сокращается по приблизительным подсчётам Н. Кондратьева (таб. 1, в тысячах пудов).

Таблица 1

– 1909—1913 гг. – 1914 г. – 1915 г.

Продовольственные

хлеба – 591 993,9 – 451 751 – 330 104

Крупяные – 16 208,2 – 16 935 – 10 873

Картофель – 48 873 – 33 355 – 27 028

Кормовые – 377 399,6 – 267 522 – 159 710

Все хлеба и

картофель (включая

второстепенные) — 1 100 331,2 – 802 789 – 542 099

Обращает внимание сокращение товарности сельского хозяйства в урожайном 1915 г. Понижение товарности хлебов было вызвано целым рядом социально-экономических факторов. Прежде всего, это падение объёмов производства в крупных частновладельческих хозяйствах, вызванное нехваткой наёмной рабочей силы из-за мобилизаций, сельхозинвен-

²⁹ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925. С. 37—38, 41.

³⁰ Там же. С. 46.

³¹ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 99.

таря из-за сокращения его импорта и производства. Важные изменения произошли и внутри крестьянских хозяйств, из которых имеют исключительное значение два.

В первую очередь это изменение в соотношении денежного расходного и доходного бюджета крестьянских хозяйств, вызванное особенностями движения товарных цен. Опираясь на бюджеты довоенного времени и принимая во внимание коэффициенты изменения цен на предметы, сбываемые и закупаемые крестьянским хозяйством, Н. Кондратьев определил направление изменений в соотношении денежной части расходного и доходного бюджета крестьян. В 1915 г. в хлебопроизводящей Симбирской губернии доходы крестьян в расчёте на 1 хозяйство превышали расходы на 179,01 рубля или на 375%, а в 1916 г. – на 489,29 рубля или на 1024%. В потребляющей Московской губернии доход превышал расход в 1915 г. на 73,95 рубля или на 174%, а в 1916 г. на 386,96 рубля или на 912%.

Таким образом, денежные доходы крестьян в годы войны выросли в большей степени, чем расходы (как и вообще денежный бюджет) как в производящих, так и в потребляющих губерниях. Естественно, что в таком случае стимулы у хлебопроизводящего крестьянского хозяйства к усилению сбыта основного своего продукта – хлеба в целях сбалансирования бюджета ослабли. Уменьшилась и товарность крестьянского хлеба. Часть обычно продаваемого хлеба пошла на повышение собственных норм потребления в хозяйстве.

Второе важное изменение в крестьянских хозяйствах и состоит именно в том, что в связи с указанным относительным повышением денежной доходности крестьянского хозяйства производящих районов, а также в связи с сокращением потребления алкоголя повысились нормы потребления крестьянского населения этих районов. Нормы потребления основного продукта массового потребления – ржи (в пудах на душу) составили по 5 производящим губерниям в 1911—1913 гг. – 13,0, в 1914 г. – 13,6, в 1915 г. – 14,9, а по 7 потребляющим соответственно: 12,8, 11,8, и 12,3.

Таким образом, резко сократились стимулы, побуждавшие крестьянское хозяйство к выбрасыванию хлеба на рынок. Рост денежных доходов позволял повысить нормы потребления; ввиду низкого уровня прежнего потребления крестьяне охотно шли на такое повышение. Норма потребления хлебопроизводящей массы крестьянских хозяйств повышается и понижается товарность хлебов.

Здесь-то и выступают во всей силе две характерные особенности хлебного российского рынка: его зависимость от высокотоварного частновладельческого хозяйства и его большая сила инерции. Резкое сокращение продукции частновладельческих хозяйств и значительная сила инерции в понижении товарности массового крестьянского хозяйства должны были неизбежно вызвать кризис снабжения хлебных рынков и уменьшить размер хлеботоргового оборота. Что и произошло. Здесь и лежит одна из коренных причин продовольственных затруднений и неудач в деле регулирования снабжения,³² несмотря на хорошие урожаи и резкое сокращение экспорта хлеба.

Если к этому добавить бесконечный рост цен на товары, потребляемые крестьянами, затянувшуюся войну, мобилизации крестьян и их лошадей, обстановку неуверенности в будущем, страх и т.д., то не стоит удивляться, что крестьяне придерживали хлеб как гарантию выживания своего и своих детей. На их месте так поступил бы каждый нормальный человек (и поступал – торговец, ремесленник, мелкий предприниматель). А что касается учёта государственных интересов, то не крестьяне начали войну, не в их интересах, хотя и за их счёт, она велась. Так зачем им было жертвовать собой ради английских колоний и турецких проливов?

Эмиссия бумажных денег не имела бы таких разрушительных и дезорганизующих последствий для финансово-денежной системы и всей экономики, если бы царское прави-

³² Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 130—133.

тельство ограничилось разовым выпуском. Но эмиссия стала постоянной чертой финансовой политики сначала царского, а затем Временного и Советского правительств.

Уже в первые 10—11 месяцев войны эмиссия увеличила более чем в 2 раза количество бумажных денег и более чем в 1,5 раза общее количество денег в обращении. Обесценение денег (инфляция) вело к обесценению нормальных источников государственных доходов от налогов, займов, поступлений от государственных предприятий и железнодорожных тарифов. Потеря ценности денег на 25% к середине 1915 г. должна была привести к потере в основном бюджете в 800—900 млн рублей, в 1916 г. обесценение рубля достигло в середине года 50% и потери должны были составить половину основного бюджета, т.е. около 1700 млн рублей на довоенное золото. Доходы от эмиссии составили в 1915—1916 гг. около 2 млрд рублей в год и таким образом эмиссия, бывшая *добавочным* доходом, стала лишь *заменой* основных доходов.

После Февральской революции эмиссия стала основным источником доходов государства, её темпы ускорились. К январю 1917 г. ценность рубля снизилась в 3 раза, а к июню 1917 г. в 5 раз. А так как доходные ставки государственного хозяйства оставались неизменными, то реальная величина основных доходов государства снизилась к началу третьего года войны в 2 раза, а к концу его – в 5 раз. За третий год войны (с середины 1916 до середины 1917 г.) государство потеряло более 3 млрд рублей основных доходов из-за инфляции, а доход от эмиссии был меньше 2,5 млрд рублей. Убыточность эмиссии особенно возросла к середине 1917 г., когда среднемесячный доход от эмиссии составлял 160 млн золотом, в то время как отмиравшая теперь основная система доходов давала прежде 350 млн в месяц. Иными словами, эмиссия теперь *не только не была дополнением* к обычным доходам государства, но *не могла быть даже простой заменой* этих доходов. Если бы к середине 1917 г. война закончилась, то эмиссия вместе с остатками нормальных доходов могла бы покрыть менее половины нормальных государственных расходов.

Постепенно происходило отмирание государственного кредита, масса населения начала осознавать, хотя и удивительно медленно, факт обесценения денег и перестала отдавать деньги государству в виде займов. Начавшаяся революция усилила эти процессы отмирания государственного кредита, провал летом 1917 г. «займа свободы» был подготовлен всей предшествовавшей историей. Крах государственного кредита был неизбежен и без революции в силу обесценения денег.

Разложение эмиссионной системы продолжилось и после Октября, при постоянном росте выпуска бумажных денег доходы от эмиссии сокращались всё быстрее. Среднемесячный доход от эмиссии составлял в довоенных рублях в 1918 г. 40 млн, в 1919 г. – 17 млн, в 1920 г. – 9 млн.³³

А теперь проследим взаимосвязь эмиссии, роста цен и политики государства в области заготовок.

В условиях выбрасывания на рынок необеспеченных бумажных денег цены растут и должны расти, стремясь к достижению равновесия между денежной и товарной массами. В принципе, неважна сама по себе цена вещи, важно соотношение между разными группами товаров (полезных вещей), с одной стороны, и, с другой – товарной массы в целом с денежной массой, находящейся в обороте. В идеале, объём денежной массы должен расти по мере роста производства товаров и уменьшаться в случае сокращения производства. Если же денежная масса растёт быстрее, чем производство товаров, то это должно вести к росту цен, точнее к изменению масштаба цен. Владельцы предприятий вынуждены (именно вынуждены) повышать цены на свою продукцию для того, чтобы покрыть рост издержек производства и пополнить оборотные средства, привести их в соответствие с новым масштабом цен.

³³ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. С. 134—137, 175.

Точно так же вынужден поступать торговец. Если он будет продавать свой товар по старым ценам без учёта роста инфляции (обесценения денег), то он будет торговать себе в убыток и быстро разорится. Другими словами, торговец, чтобы получить прибыль вынужден вместо обычной цены (нормальной нормы прибыли) устанавливать «эмиссионную» и тем самым резко повышать цены. Вслед за торговлей к этому приходят производители.

До первой мировой войны ни одна страна в мире не имела опыта жизни в условиях длительной эмиссии бумажных денег и вызванной ей инфляции, поэтому, естественно, причины роста дороговизны видели в чём угодно (местных условиях, транспорте, росте спроса со стороны государства), но не в лишних деньгах. Главной причиной считали спекуляцию торговцев – цену повышал торговец, он и виновник дороговизны. Так считали даже учёные экономисты, неспособные найти объективные причины удорожания товаров при обилии их запасов не только на потребительских рынках, но и на местах производства. Но если главные виновники дороговизны – торговцы, владельцы запасов и т.д., то с их «вождедениями» и надо бороться в первую очередь. И профессор-финансист П. Гензель в 1916 г. требовал: «Учредить контроль за скупщиками, требовать от частных банков списки скупщиков, мукомолов и спекулянтов, прибегающих к их услугам, ... обязать скупщиков отчётностью о произведённых скупках, наметить схему реквизиций в случае неудачи нормальных закупок, вести постоянную регистрацию произведённого и поступающего в оборот зерна..., учредить общественный контроль за деятельностью уполномоченных по закупке хлеба».³⁴

Д. Кузовков замечает по этому поводу: «Нетрудно понять, почему о спекуляции и спекулянтах слишком много говорили также и марксисты; отыскивая революционные лозунги, понятные миллионным массам, они, естественно, не всегда заботились о политике соответствия этих лозунгов правильной теоретической оценке явлений; в их головах революционные инстинкты перевешивали их верность марксистскому методу экономического анализа. Но совершенно невозможно понять, как почтенные идеологи капиталистической системы превратили торговый капитал в козла отпущения, повинный за все последствия ими самими санкционированной эмиссионной политики».³⁵

В какой-то мере влияние эмиссии на рост цен маскировалось поведением крестьян, которые до 1917 г. копили бумажные деньги в ожидании нормальных цен и накопили 3,9 млрд рублей. В результате, темп обесценения рубля в 1914—1916 гг. систематически отставал от темпа роста денежной массы. К 1 января 1916 г. в обороте было 5,6 млрд рублей бумажных денег с реальной ценностью почти в 4 млрд рублей, иными словами, несмотря на сокращение территории государства и упадок народного хозяйства, *реальная стоимость* денежной массы выросла более, чем в 1,5 раза, номинально же она увеличилась в 2,5 раза.³⁶

Но к концу 1916 г. крестьяне вначале перестают принимать бумажные деньги в качестве платы за хлеб, а в 1917 г. начинают избавляться от своих бумажных сокровищ. Также ведут себя теперь и горожане, происходит настоящая денежно-финансовая катастрофа, выразившаяся в резком падении курса рубля и в опережающем темпе роста цен по сравнению с темпом эмиссии, хотя он также ускоряется в 1917 г. (Таб. 2).

Таблица 2

1917 г. –Номинальный рост –Темпы повышения цен

– –денежной массы–за месяц в %%

– –за месяц в %%

Март –5,9 –6,4

Апрель –4,8 –13,

³⁴ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. С. 67—68.

³⁵ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. С. 73—74.

³⁶ Там же. С. 61.

Май –5,3 –18,4
Июнь –7,2 –28,0
Июль –6,9 –13,7
Август –10,8 –3,8
Сентябрь –10,8 –8,8
Октябрь –15,5 –37,8
Ноябрь –11,6 –51,4
Декабрь –9,2 –34,4

В августе и сентябре сказалось действие сезонного фактора – реализация хлеба нового урожая.³⁷

Обесценение рубля и рост цен особенно сильно отражаются на тех, кто имеет только денежные доходы, особенно фиксированные, а также страдает государственный бюджет, который начинает терять свои нормальные доходы, а потом и доходы от эмиссии.

У государства имеются два пути выхода из этой ситуации. Первый – встать на путь систематического повышения ставок и тарифов государственного хозяйства, а соответственно допущения свободного повышения товарных цен, вызываемого инфляцией. Это несёт государству ряд чрезвычайно невыгодных последствий, так как это отрицательно сказывается на других доходных источниках государства – на государственном кредите и самих эмиссионных доходах. А эти источники доходов в военное время по ряду социально-экономических причин почти всегда превращались из *дополнительных* (к налогам) в *основные* источники. В частности, в эпоху первой мировой войны государственный кредит и эмиссии во всех воюющих странах, в том числе и в России, давали государству значительно больше того, что оно получало от нормальной системы доходов (налогов, доходов от государственных предприятий и пр.). И доставались доходы от кредита и эмиссии значительно легче и проще, чем от налогов, товаров и услуг государственного хозяйства, которое неминуемо приходило в упадок в условиях войны и, главное, промышленность в основном начинала производить вооружение и снаряжение для армии, которые доходов государству не приносят. А гражданские отрасли сокращают объём производства и тем самым уменьшаются нормальные доходы государства и для компенсации потерь приходится увеличивать государственный кредит и печатать деньги. Но при длительном сохранении такого соотношения отраслей промышленности в пользу военных расстройство экономики неизбежно, даже если печатать деньги очень осторожно – всё равно рано или поздно обозначится нехватка товаров широкого потребления (из-за сокращения производства) и начнётся рост цен из-за дефицита этих товаров.

Но при государственном кредите кредиторы должны не бояться изменения стоимости денежной единицы, что при переходе государства к подвижным ставкам налогов, тарифов и цен как раз и происходит – денежная единица обесценивается и это подрывает основу государственного кредита (кто же даст в долг, если должник возвращает меньше, чем взял на процент инфляции).

К тому же население, осознав факт обесценения денег, перестаёт их накапливать, что ведёт к росту спроса и росту цен вслед за ним и снижает эффективность эмиссий.

Кроме того, встав на путь повышения ставок налогов, тарифов и т.п., государству пришлось бы признать за рабочими, служащими и чиновниками право на повышение зарплаты, а за крестьянами – право на повышение цен на хлеб и сырьё, которые в массе закупаются для армии. А это ведёт к падению покупательной способности государственных доходов из любых источников.

³⁷ Там же. С. 157.

Другой путь, который был у государства – это путь борьбы с ростом рыночных цен и отказа признать происходящее обесценение денег.

Правда, государство не в состоянии преодолеть стихийные законы рынка и остановить рост рыночных цен, но оно может всё же очень долго поддерживать *иллюзию* устойчивости бумажных денег. Кроме того, путём установления твёрдых, точнее указных, цен при проведении заготовок для государственных нужд оно может обеспечить *себе* возможность получать необходимые для него товары по прежним относительно низким ценам.

Одновременно с этим система твёрдых цен, охватывающая главнейшие предметы потребления, даёт возможность приобретать товары по тем же относительно низким ценам не только самому государству, но и рабочим и служащим государства, избавляя его от необходимости повышения зарплаты. Таким образом, твёрдые цены являются попыткой поддержать покупательную силу государственных доходов, идущих как на непосредственные закупки на рынке, так и на зарплату государственному аппарату.

Поддерживая иллюзию устойчивости денег и объявляя «спекуляцией» повышение рыночных цен, государство получает тем самым право отказывать в повышении зарплаты своим рабочим и чиновникам. Вступая в борьбу с повышением цен, успех которой всегда имеет ограниченный характер, государство объявляет «спекуляцией» также попытки повышения зарплаты со стороны рабочих, которым приходится покупать не только по «твёрдым» ценам.

Следуя этим путём, государство может на довольно продолжительное время (как показал опыт, на год и более) удерживать на прежнем уровне покупательную способность своих доходов от кредита, эмиссии и обычных источников.

Но встав на путь твёрдых цен и тарифов, государство делает их обязательными и для себя самого. Настаивая на сохранении прежних рыночных цен, объявляя спекуляцией их повышение, государство тем самым отказывается от повышения цен и тарифов на продукцию и услуги государственных предприятий, а также от повышения ставок налогов. Другими словами, борьба с увеличением расходов путем установления твёрдых цен предполагает отказ государства от повышения его номинальных доходов.

Сочетание эмиссии и твёрдых цен создает своеобразный эмиссионный налог на все слои населения, получателей денежных доходов. Рабочие, чиновники, рантье теряют в пользу государства, а рабочие частных предприятий и в пользу хозяев, разницу между реальной и номинальной величиной своих доходов. Промышленная буржуазия и крестьянство продавали государству произведённую продукцию по твёрдым ценам, которые были ниже рыночных, и тем самым получалось, что часть этой продукции государство получало бесплатно (на величину разницы между твёрдой и рыночной ценой). Таким образом, зарождался в скрытом виде натуральный налог, как когда-то крепостные крестьяне платили оброк продуктами своего труда. Но, не получая эквивалентной платы за свою продукцию, производители теперь имели меньше возможностей возобновлять и расширять своё производство из-за уменьшения оборотных средств. Особенно это касается промышленности, так как в сельском хозяйстве России в силу низкой агрикультуры и слабого применения сельхозтехники легче было поддерживать уровень производства. Но зато крестьяне теряли стимулы к продаже сельскохозяйственной продукции и предпочитали оставлять её себе, а в случае насильственного изъятия – сокращать производство.

Промышленность, производящая товары широкого потребления, со временем начинает уменьшать производство по причине износа оборудования и трудностей с закупкой сырья и материалов из-за нехватки оборотных средств (вот где сказывается неэквивалентный обмен с государством).

Оборонная промышленность держится на плаву лучше, так как получает компенсацию от государства за счёт других отраслей и сельского хозяйства. Но до поры до времени, так

как спад в других отраслях, на транспорте и в сельском хозяйстве неизбежно сказывается в конечном итоге и на ней.

Известные пределы имеет сохранение в неизменном виде зарплаты. При сокращении её реальной величины наполовину наступает физический предел – невозможность поддерживать жизнедеятельность человека в буквальном смысле слова и государство вынуждено или повышать зарплату, или брать на себя снабжение рабочих и чиновников минимумом продуктов по твёрдым ценам.

В результате получается, что при любом типе эмиссионной политики народное хозяйство страны рано или поздно деградирует и приходит в упадок. И этот упадок тем сильнее, чем дольше продолжается печатание «штемпелёванной» бумаги и борьба за поддержание твёрдых цен.

Почему же в таком случае во время первой мировой войны все государства, в том числе и Россия, без колебаний пошли по пути эмиссионного хозяйства в сочетании с указными ценами?

Выбор типа эмиссионного хозяйства зависит в каждом конкретном случае как от соотношения классовых сил – ибо каждый из типов оказывает разное воздействие на интересы разных классов, так и от структуры государственного хозяйства и его бюджетных источников. Чем большее значение для военного бюджета имеет государственный кредит, тем более упорно государство будет отстаивать иллюзию устойчивости денег, тем скорее оно прибегнет к использованию твёрдых или указных цен. Эта тенденция также будет тем сильнее, чем больше общая сумма возможных дополнительных доходов (от кредита и эмиссии) превышает налоговые поступления, так как в таком случае потери от обесценения налоговых ставок будут компенсироваться системой твёрдых цен, поддерживающих покупательную способность огромных доходов от займов и эмиссии.³⁸

Переход от идеи создания условий хорошего сбыта производителю к идее обеспечения потребителя как главной цели был совершен ещё царским правительством. Временное правительство целиком приняло эту идею и для её осуществления пошло на радикальные меры государственного регулирования заготовок и распределения продовольствия. Большевики довели эти меры до крайних пределов, пока не отказались от них в 1921 г. Методы, к которым прибегали правительства России в 1914—1920 гг. для обеспечения сначала только армии, а затем и городов продовольствием хорошо известны. Сначала – это ограничения вывоза хлеба из хлебопроизводящих губерний, скота – из скотоводческих и т. д. с целью обеспечения государственных заготовок. Губернаторы, получавшие задания от правительства, запрещали вывоз за пределы губернии хлеба и скота до выполнения плана заготовок. Так как денежные средства на закупку у них были ограниченными, то губернаторы начали вводить местные твёрдые цены. Эти меры вносили большую дезорганизацию в экономику России, так как запреты и местные твёрдые цены вводились по административным границам, а не хозяйственным. В результате, например, центры мукомольной промышленности оказались отрезанными от хлебопроизводящих местностей, что плохо отразилось на тех и других и неизбежно вело к перебоям в снабжении мукой и росту цен.

Затем стали устанавливаться твёрдые общероссийские цены на сахар, хлеб, другие виды продовольствия, что ставило их производителей в крайне невыгодное положение, т.к. необходимые им промышленные товары хозяйственного и бытового назначения они были вынуждены приобретать по растущим рыночным ценам. Естественно, последовало сопротивление крестьян, переработчиков сельскохозяйственного сырья и торговцев их продукцией заготовкам по твёрдым ценам и их срыв. Уже царскому правительству пришлось прибегнуть к составлению развёрсток плана заготовок по твёрдым ценам на государственные

³⁸ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. С. 118—120, 127—128.

нужды по губерниям (знаменитая «продразвёрстка»), угрозам реквизиций по ещё более низким ценам в случае невыполнения плана развёрстки, даже посылке вооружённых отрядов для обеспечения заготовок по твёрдым ценам.

Временное правительство продолжило эту политику и уже в марте ввело хлебную монополию – частные торговцы могли торговать только по указанным ценам и только с разрешения государственных органов власти. Неудача государственного регулирования заготовок продовольствия старой властью видели в том, что это регулирование проводилось именно старой властью, не имевшей авторитета в народе. Но теперь, полагали во Временном правительстве, когда новое демократическое государство опирается на поддержку народных масс, оно является очень сильным и способным сделать то, что не удалось царскому правительству.

Но продовольственная политика Временного правительства, несмотря на усиление элементов принуждения и насилия, окончилась полным крахом. В 1917 г. крестьяне отказывались отдавать хлеб за бумажные деньги даже по самым высоким вольным ценам, а уж тем более по низким твёрдым.

Советская власть подтвердила незыблемость хлебной монополии и прочих мер продовольственной политики: твёрдых цен, угроз реквизиций и самих реквизиций, запретов частных перевозок, снабжения населения предметами первой необходимости. Но качественно и по своему относительному значению эти меры глубоко изменились. Насколько при Временном правительстве был преувеличен момент свободы и уговоров, настолько при Советской власти получает небывалые размеры момент принуждения.

Принуждение, особенно с лета 1918 г., пронизывает всю продовольственную политику большевиков, ему придаётся характер одной из форм классовой и политической борьбы, происходит *идеологизация и политизация* продовольственного дела: создаются комбеды, крестьяне, удерживающие хлеб, объявляются кулаками, врагами Советской власти, сторонниками возрождения капитализма, продотряды создаются по классовому принципу – из рабочих и солдат и т. д. Начинается крупномасштабная вооружённая борьба за хлеб, которая, по существу, продлилась до весны 1921 г. и кончилась поражением большевиков.

Нельзя сказать, что государство не видело неэквивалентности и несправедливости обмена продовольствия по твёрдым ценам на промышленные товары по рыночным. Уже царское правительство начинает вводить твёрдые цены на некоторые промышленные товары, идущие в деревню. Эту политику подхватило и расширило Временное правительство. А Советское правительство довело её до чрезвычайных размеров. Промышленность была национализирована и теперь вся её продукция должна была сосредоточиться в руках Советского государства и им перераспределяться в соответствии с его интересами. Большевики даже пытались полностью запретить любые формы торговли и наладить прямой продуктообмен города с деревней в масштабе всей страны, но ничего у них не получилось.

Каковы же были результаты политики государственного регулирования, которая началась с регулирования хлебозаготовок и дошла до масштабов всей экономики и каковы были последствия этой политики?

В конце 1916 г. царское правительство проводит принудительную развёрстку заготовок основных видов хлеба. Само желание государства взять за установленную низкую цену из различных районов определённые количества хлеба, а остальное оставить в свободном распоряжении его владельцев, создавало ярко выраженную двойственность на рынке. Эта двойственность порождала у владельцев хлеба стремление (и давало возможность) обойти постановление правительства.³⁹

³⁹ См. подробнее: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции; Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы.

Кроме того, развёрстка была проведена без достаточного соответствия с количеством товарного хлеба в губерниях. Н. Кондратьев проводит следующее сопоставление нарядов на 4 основных хлеба с их избытками-недостатками в 1916 г. по 30 губерниям, на которые распространялась развёрстка. (Таб. 3).

Таблица 3

Наряд –Размер наряда –Избыток (+) или

– –недостаток (-)

– –млн пудов

В 9 губерниях с

нарядом до 10 млн пуд. –337,0– -76,9

В 6 губерниях

с нарядом 10—25 млн пуд. —114,9– +14,4

В 9 губерниях

с нарядом 25—40 млн пуд. –273,6– +184,6

В 6 губерниях

с нарядом 40 и

более млн пуд. –321,0– +317,2

Таким образом, наибольшая развёрстка легла на губернии, которые и без того испытывали нехватку хлебов.⁴⁰

Фактический ход заготовок по отдельным кампаниям характеризуется данными Н. Кондратьева. (Таб. 4).

Таблица 4

Кампания –Продовольствие –Все хлеба

– –млн–%– млн– %

– –пудов –к заданию –пудов –к заданию

1914/15 г. –106,1 –168,3 –302,7 –131,0

1915/16 г. –233,0 –253,2 –500,0 –145,8

1916/17 г. –303,9 –53,7 –540,8 –48,2

1917/18 г. –106,3 –38,7 –152,6 –21,2

1918/19 г. –68,5 –40,5 –107,9 –41,4

Повышение процента заготовок в пятую кампанию объясняется резким снижением задания при абсолютном падении заготовок.⁴¹

С точки зрения Н. Кондратьева, чтобы создать работающую государственную продовольственную сеть, наладить связь центра и местных организаций, преодолеть частнохозяйственный интерес для проведения в жизнь развёрстки, «нужно было иметь высококультурную массу с сильно развитым сознанием государственности. Нужно было глубокое чувство доверия к государственной власти и готовности на самопожертвование со стороны масс. Но этих предпосылок не было». И оставалось последнее средство – реквизиции. Н. Кондратьев имел в виду царскую власть, но и после Февраля и Октября, когда массы получили «свободу самоорганизации» и само государство стало вроде как «пролетарским» признаков готовности масс к «самопожертвованию» больше не стало.

На самом деле политика государственного регулирования и непосредственного государственного изъятия продуктов промышленности и сельского хозяйства и её распределения потерпела крах, по крайней мере, по двум основным причинам.

Во-первых, сам же Н. Кондратьев указывал, что план снабжения требовал точного знания ресурсов страны и потребностей. Таких данных не было даже до войны, а во время

⁴⁰ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 203.

⁴¹ Там же. С. 228.

войны всё постоянно менялось. Кроме того, план снабжения требовал, чтобы в действительном, а не теоретическом распоряжении центральной власти имелись заранее *определённые* ресурсы заготовленного хлеба. А таких ресурсов не было. Также было необходимо строго и точно учесть в каждом индивидуальном хозяйстве хлебные запасы и затем заставить владельца зерна отдать его избытки. Однако произвести учёт в 18,8 млн крестьянских хозяйств при явной цели отчуждения избытков хлеба и крайне недоброжелательном отношении населения было делом невозможным.⁴² Точно также это касается частной, особенно мелкой и ремесленной промышленности.

Во-вторых, судя по дороговизне, недостатку продовольствия, существованию чёрных рынков во всех воевавших европейских странах, то же самое происходило и в странах с более культурным населением, привыкшим к самоорганизации. Готовности к самопожертвованию во имя государственных интересов большинство населения всех стран явно не демонстрировало.

Развал рыночной торговли продовольствием и фактический провал государственных заготовок привёл к недостатку хлеба в основных промышленных центрах уже осенью 1915 г. и дальше положение только ухудшалось, несмотря на все усилия сменявших друг друга правительств. Государство оказалось неспособным обеспечить даже минимальное снабжение по карточкам, нормы выдачи по которым всё время уменьшались. В таких условиях население переходило к самоснабжению. Несмотря на ограничения свободной торговли основными видами продовольствия и затем товарами широкого потребления, а потом и полный запрет торговли большевиками, большая часть продовольствия в городе и промышленных товаров в деревне оказывалась у населения через вольный или «чёрный» рынок. Даже в разгар политики «военного коммунизма» 50—60% продовольствия население городов получало через чёрный рынок. Малорезультативными оказались муниципальные и кооперативные формы снабжения горожан. Более того, они внесли свой вклад в разложение денежной системы и нормальной торговли. Дело в том, что органы городского самоуправления и кооперативы при заготовке продовольствия пользовались некоторыми льготами со стороны государства: закупка по твёрдым ценам, перевозка по железной дороге вне очереди или по сниженным тарифам и т. д. Продавали они через свои торговые точки и через частные лавки, но в любом случае по ценам ниже рыночных и ниже себестоимости и, естественно, терпели убытки, которые компенсировались из государственного бюджета, увеличивая тем самым государственные расходы и являясь дополнительным стимулом к увеличению эмиссии.

Самоснабжение населения приняло форму мешочничества. Крестьяне везли в город хлеб небольшими партиями, горожане отправлялись в деревню с вещами. Это явление хорошо описано в статье А. Ю. Давыдова «Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918—1922 годы» (Вопросы истории. 1994, №3). Довольно быстро мешочничество приняло организованную форму – появились специализированные группы заготовителей, перевозчиков, сопровождавшихся вооружённой охраной, способной противостоять милицейским и чекистским заградотрядам, а также группы реализаторов.⁴³ Отметим только, что на чёрном рынке бумажные деньги не имели хождения, зато охотно принимались царские золотые монеты, а большей частью шёл натуральный обмен – одежда, обувь, ткани, керосин, спички, мыло и прочий ширпотреб на продовольствие. На рубеже 1980—1990-х гг. это получило название бартера.

⁴² Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 274, 210.

⁴³ Давыдов А. Ю. Проигранная война «красных»: нелегальная экономика 1917—1920 гг. // Вопросы истории. 2013, №11. С. 14—37.

Бартерный или натуральный обмен возобладал в 1917—1921 гг. в масштабе всего народного хозяйства России, что проявилось в его натурализации.

До войны государство содержало аппарат за счёт налогов на производителей материальных ценностей, идущих на потребление, и услуг (продовольствие, ткани, другой ширпотреб, перевозки и т.д.). Примерно половину государственных потребностей покрывала деревня в виде продуктов сельского хозяйства. Механика сводилась к тому, что сельское население значительную часть своих продуктов продавало для того, чтобы вырученными деньгами заплатить налоги. Государство, получив от деревни эти деньги, становилось распорядителем сельскохозяйственных продуктов, выброшенных на рынок, или непосредственно, закупаая для армии, или косвенно, передавая часть налоговых доходов чиновникам, служащим и рабочим государственных предприятий в виде зарплаты.

Вся стоимость сельскохозяйственных продуктов, выносившихся деревней на рынок, составляла около 2 млрд рублей (из 6 млрд валового продукта), что составляло не только налоговый фонд деревни, но и фонд оплаты промышленных товаров в порядке рыночного, эквивалентного обмена. Так как налоги с деревни составляли почти 1 млрд рублей в год, то, получается, что приблизительно *половину* всей своей товарной продукции деревня передавала государству перед войной фактически *безвозмездно*. Понятно, что если бы деревня вдруг перестала платить налоги и стала отдавать свою продукцию только в виде эквивалентного обмена на промышленные товары, то образовалась бы огромная нехватка продовольствия и начался бы голод среди городского населения и прежде всего среди государственных рабочих, служащих и чиновников. И именно это произошло в результате отмирания налоговой системы, когда из-за обесценения денег крестьянство перестало отдавать хлеб за бумажные деньги.

Продовольственный кризис разразился бы ещё в 1914 г., если бы государство не нашло выход в выпуске бумажных денег, которые крестьяне *прятали в кубышки*, не предъявляя их на рынок. И этот кризис начался, когда крестьяне перестали копить деньги.

Истощение денежных доходов лишало государство возможности платить крестьянам рыночную цену и заставляло его встать на путь углубления системы указных цен. В ответ на это деревня сократила предложение товара на рынок (меньше стала продавать хлеба), так как, имея большие запасы денег, крестьяне могли покупать городские товары, ничего не продавая. Спротивление деревни было столь сильным, что государство в декабре 1916 г. ввело хлебную принудительную развёрстку (т.е. «разверстало», составило план государственных заготовок по твёрдым или указным ценам по губерниям), механизм и методы которой были такими же, как в 1919—1920 гг.

Одновременно с этим всё шире стали применяться реквизиции, введённые ещё с августа 1915 г., однако сопротивление деревни опрокидывало все планы развёрстки, города и армия начинали голодать.

К концу 1916 г. в городах появляются хлебные карточки и государство оказывается вынужденным поставить вопрос о хлебной монополии. К концу февраля 1917 г. обострение хлебного кризиса даёт толчок восстанию в Петербурге, проходящему под лозунгами «хлеба и мира». В земледельческой России, после двух урожайных лет и при отсутствии экспорта хлеба, города и армия испытывали голод, которого не знала окружённая со всех сторон Германия, ввозившая до войны массу хлеба. Здесь наиболее ярко проявилось дезорганизующее влияние эмиссионной политики, перешедшей разумные пределы. Потому что мало было не хлеба вообще, а хлеба по *низким* ценам.

Временное правительство продолжило политику царского правительства в продовольственном деле: ввело хлебную монополию, повысило, но оставило твёрдые цены. Однако очень скоро разница между твёрдыми и рыночными ценами увеличилась и одновременное

ускорение темпа обесценения денег с 10—18% до 28% в месяц (июнь 1917 г.) ещё более ослабили желание деревни отдавать хлеб.

Война за хлеб стала выливаться в форму вооружённой борьбы. 20 августа 1917 г. министр продовольствия предписал принять исключительные меры для проведения хлебозаготовок, вплоть до применения вооружённой силы.

Таким образом, все элементы подрыва с её заградотрядами, конфискациями хлеба и подавлением хлебного легального рынка были подготовлены уже до Октябрьской революции. Советская власть, лишившаяся последних источников денежных доходов, неизбежно должна была довести до конца этот процесс, выявившийся ещё до неё: вместо отмершего денежного обложения деревни, она должна была построить *натуральное* обложение, сначала в форме твёрдых цен, а затем и в чистом виде.

Чем медленнее темп обращения денег у тех или иных групп населения, тем выше потери этих групп на эмиссионном налоге (т.е. от инфляции, обесценения денег), тем раньше эти группы проявляют тенденцию к отказу от услуг денежного механизма и переходу к непосредственному товарообмену. Поэтому, когда темп обесценения денег достиг 30—40—50 процентов в месяц, потери населения оказались настолько велики, что они превысили все невзгоды натурального обмена и привели к стихийному переходу к нему.

Быстрый процесс деградации денежной системы характеризовался тем, что реальная стоимость денежной массы, объём которой почти в два раза превышал довоенный (3,7 млрд рублей против 2 млрд на той же территории), снизилась к концу 1917 г. до 1,6 млрд, к середине 1918 г. до 500 млн, а к середине 1919 г. — до 200 млн рублей. Это падение ценности денег за 1 год в 7 раз свело к ничтожным размерам последний источник денежных доходов государства. Вместо 2,5 млрд рублей, полученных от эмиссии в 1917 г., государство в 1918 г. получило от неё 500 млн, а в 1919 г. — только 200 млн рублей.

Существовало и существует убеждение, что обнищание государства в 1918—1920 гг. было вызвано резким падением производительных сил. Но это падение не находилось ни в какой пропорции с падением государственных доходов, сократившихся к 1919 г. до 5% доходов довоенного времени и, примерно, до 2,5% доходов 1914—1915 гг. С другой стороны, развитие производительных сил в 1918 г. было не ниже, чем в 1922—1923 гг., однако в этот последний период бюджет государства, вернувшегося к налоговой системе, далеко превосходил бюджет 1918 г. Та же самая картина наблюдалась в Германии в конце 1923 г.

В конце 1917 — начале 1918 г. стихийная демобилизация армии на время сократила военные расходы, а широкое применение в 1918 г. системы чрезвычайных налогов на буржуазию дало новый источник доходов. Однако во второй половине 1918 г. действие этих факторов ослабло: начался рост Красной Армии, а с общей национализацией промышленности, домовладения и землевладения иссяк источник для чрезвычайного обложения.

В то же время начинается отрицательное действие на госбюджет национализированной промышленности. Из-за низких твёрдых цен на промышленную продукцию промышленность неизбежно должна была быть убыточной, но до национализации эта убыточность ослаблялась обходными маневрами хозяев предприятий, теперь она проявилась в полной мере. Включив промышленность в систему государственного хозяйства и подчинив её законам о твёрдых ценах, государство ещё более усилило дефицитность этого хозяйства. Расширение государственного хозяйства за счёт национализации промышленности в условиях существовавшей эмиссионной системы увеличило пропорционально этому расширению обратное действие этой системы на госбюджет, на который пала обязанность покрывать убытки промышленности.

Перед Советским государством встала сложная проблема: или со всей решительностью встать на путь восстановления финансово-денежной системы, или пытаться найти выход на пути разложения денежной системы до логического конца с тем, чтобы одним уда-

ром перейти к безденежному хозяйству. Государство пошло по второму пути по ряду причин. Первой из них была мощная инерция, которая свойственна всякому установившемуся методу финансирования государства, в данном случае инерция эмиссии и системы твёрдых цен.

Второй причиной была неизжитая ещё ненависть масс к налогу, как наиболее яркому выражению только что свергнутого буржуазно-помещичьего государства. Осознания экономической необходимости налога для функционирования государства и всего народного хозяйства тогда ещё не было. В то же время система твёрдых цен, которая *экономически* была более грубым орудием, чем налог, *политически* являлась всё же более приемлемой. Этому же способствовало то, что большевики (и рабочие) приложили немало сил до Октября, чтобы дискредитировать налог, поскольку он падал на трудящиеся массы, и ещё больше сил для того, чтобы укрепить систему твёрдых цен как метода борьбы с ненавистной спекуляцией и спекулянтами. При таких условиях отменить налоги и твёрдые цены означало дать оружие своему противнику в гражданской войне.

Ещё одной причиной являлась перегруженность правящей партии тяжёлыми задачами борьбы за сохранение своей власти в сложнейших условиях, когда приходилось использовать наличные методы добывания средств, какими бы грубыми они не были, и несмотря на то, что их длительное применение вело в безысходный тупик.

Одновременно с этим проявились и другие обстоятельства, чрезвычайно благоприятствовавшие отказу от восстановления денежно-финансовой системы. Пролетариат и его идеологи уже исторически выработали в себе отрицательное отношение к деньгам, в последние же годы перед революцией это отношение ещё более усилилось дезорганизацией денежного обращения, ложившейся тяжёлым бременем прежде всего на рабочих. Достаточно напомнить, например, что обесценение денег приводило к ограблению рабочих государством и предпринимателем из-за снижения реальной покупательной способности зарплаты при сохранении её номинального размера. Тем самым те беды, которые принесла пролетариату эмиссия, естественно, были отнесены на счёт денежной системы вообще, деньги стали символом спекуляции и ненависть к ней направлялась против всяких денежных отношений.

При таких настроениях рабочих легко получилось, что дезорганизация денежной системы, постепенное отмирание денег и появление натуральных отношений стали рассматриваться не как величайшие несчастья, свалившиеся на голову рабочих, а как положительные явления, которые знаменуют собой новые шаги вперёд в борьбе против капитализма: начавшаяся натурализация хозяйства, созданная разложением финансовой системы и денежного обращения, была принята и приветствовалась как переход к безденежно-плановому хозяйству.

Эти устремления были не причиной, а следствием разложения финансовой системы, но они превращаются затем в фактор дальнейшего углубления натурализации народного хозяйства. Советское государство далеко не сразу отказалось от денежной системы и не сразу перешло к сознательному усилению натуральных отношений. Ещё весной 1918 г. большевики собирались использовать деньги и торговлю для развития народного хозяйства в переходный период для создания материально-технических условий социалистического переустройства общества, что выразилось в ряде речей и статей Ленина, особенно в «Очередных задачах Советской власти».

Но резкое ухудшение политической и военной обстановки, углубление в связи с этим продовольственного кризиса, необходимость в создании в кратчайшие сроки мощной регулярной армии опрокинули надежды большевиков на более или менее мирное укрепление своей власти и восстановление народного хозяйства с помощью денег и торговли и подтолкнули их на продолжение и усиление прежней экономической политики, к укреплению

иллюзий о возможности немедленного перехода к плановому безрыночному и безденежному хозяйству.

Уже одного отказа от восстановления денежной и налоговой системы было достаточно, чтобы процесс натурализации государственного хозяйства, а отчасти и всего народного хозяйства, начавшийся ещё в 1916 г. и выявившейся к первой половине 1918 г., дошёл до логического конца. Однако советская власть теперь не оставалась пассивным наблюдателем этого процесса. Встав на путь непосредственного перехода к безденежным, безрыночным отношениям она активно форсировала этот переход, тем самым усиливая тенденции натурализации, стихийно возникавшие под влиянием распада денежно-финансовой системы. Причём, по мнению Д. Кузовкова, решающую роль играли не идеологические соображения, а чисто стихийные процессы, которые развивались из-за продолжающегося отказа от возврата к денежным налогам и тарифам. Но идеология, желание перейти сразу к социализму, сказались в том, что период натурализации экономики слишком затянулся и привёл к сильнейшему спаду производства во всех сферах. Только сопротивление основной массы населения, прежде всего крестьянства, вынудило большевиков повернуть на путь восстановления рынка и денежных отношений. Но и после этого большевики рассматривали восстановление рынка и денежного обращения всего лишь как временное отступление.

Технически восстановить налоговую систему было не так уж сложно, так как податный аппарат ещё сохранился. Но налоги на буржуазию давали мало, так как она была лишена уже доходов и имущества. Центральное значение имел вопрос о восстановлении обложения широких слоёв деревни, которое, несомненно, ликвидировало бы продовольственный кризис городов, что было ясно уже в то время. Но этому препятствовали в первую очередь политические соображения. Поэтому и Временное, и Советское правительства продолжали держаться за хлебную монополию и твёрдые цены, все более расширяя их круг, несмотря на сопротивление деревни.

Попытка введения натурального налога на хлеб по декрету ВЦИК от 30 октября 1918 г. окончилась неудачей из-за общего характера экономической политики и исчерпанности ресурсов деревни в результате продразвёрстки.

Резкое сокращение денежных доходов лишает государство возможности платить даже низкие твёрдые цены за хлеб и превращает хлебную монополию в почти незамаскированный натуральный налог, не имея возможности оплачивать труд государство прибегает к всеобщей трудовой повинности вплоть до милитаризации труда, приходится устанавливать и низкие твёрдые цены на промышленные товары и тем самым происходит частичная натурализация зарплат, на чём настаивали рабочие. Но продовольственные и промышленные товары, которых и так не хватало из-за сокращения производства, уходили на чёрный рынок с его высокими ценами и рабочие оказывались в ещё большем проигрыше.

Все отмеченные процессы взаимно влияют и усиливают друг друга и их совокупное действие ещё более суживает основу эмиссии и разлагает денежную систему, а тем самым ещё более усиливает натурализацию экономических отношений.

В условиях крайнего обесценения денег деревня, которая до войны половину товарной продукции отдавала бесплатно в виде налогов и половину в эквивалентный обмен на промышленные товары, теперь требовала полного товарного эквивалента на всю свою продукцию. А так как государство и город не обладали и не могли обладать таким эквивалентом, то создавалось непримиримое противоречие, которое не могло быть разрешено чисто рыночными методами.

Это противоречие призвана была разрешить хлебная монополия в сочетании с низкими твёрдыми ценами. Низкие твёрдые цены, дававшие государству возможность получить значительную часть продуктов без всякого эквивалента, были органической частью хлебной монополии, так как только при их наличии могло быть разрешено указанное противоречие.

Это основное назначение хлебной монополии и низких твёрдых цен и их взаимосвязь (брать у крестьян и у производителей ширпотреба часть продукции бесплатно) не было осознано тогда. Как не осознан и теперь многими истинный смысл всеобщей монополии государства на всё и вся и низких цен – ограбление сырьевых отраслей и сельского хозяйства, а также живущих на зарплату.

Но хлебная монополия в условиях гражданской войны и отсутствия готового аппарата была утопией и очень быстро выродилась в продразвёрстку (по декрету ВЦИК от 11 января 1919 г.).

Как менялось соотношение твёрдых и рыночных цен в копейках на пищевой паёк в 2700 калорий в губернских городах видно из таблицы 5.

Таблица 5

Цена пайка– 1919 –1920

– –январь– июль– январь– апрель

По твёрдым ценам— —5.02 –5.00 –10.23 –9.77

По «вольным» –24.58 –84.32 –344.35 –724.62

Таким образом, к апрелю 1920 г. государство платило деревне менее 2% стоимости её продуктов, 98% поступали в его распоряжение без всякого эквивалента (бесплатно).

Кроме продразвёрстки другими формами натурального налога (или натуральных доходов государства) были трудовая и гужевая повинности.⁴⁴

С трудовой повинностью происходит то же самое, что и с деньгами: введённая в силу вынужденных обстоятельств (никто работать бесплатно или за крайне низкую плату не хотел), она превратилась в глазах большевиков в одну из основ нового общественного строя. И вместо отказа от трудовой повинности в конце гражданской войны, её усиливали, доводя до всеобщей милитаризации труда.

Уже в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятого III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г. было записано: «В целях уничтожения паразитических слоёв общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность».⁴⁵

В выступлении на IX съезде РКП (б) 29 марта 1920 г. Ленин видел причины победы в Гражданской войне в дисциплине, организации и самопожертвовании, в которых большевики превзошли своих врагов. При переходе к мирному строительству Ленин ставил задачу сохранить и использовать это «величайшее историческое преимущество». Он говорил, что «важнейшие принципиальные соображения» заставляют нас «с решительностью направлять трудящиеся массы на путь использования армии для решения основных и очередных задач. Старый источник дисциплины, капитал, ослаблен, старый источник объединения – исчез. Мы должны создать дисциплину иную, иной источник дисциплины и объединения». Этот источник – принуждение. «Мы трудовую повинность и объединение трудящихся осуществляем, нисколько не боясь принуждения, ибо нигде революция не производилась без принуждения, и пролетариат имеет право осуществлять принуждение, чтобы во что бы то ни стало удержать своё».⁴⁶

К этому времени у большевиков накопился практический опыт осуществления трудовой повинности. 17 декабря 1919 г. в «Правде» были опубликованы тезисы Троцкого «О переходе к всеобщей трудовой повинности в связи с милиционной системой». Организационная основа предполагаемого типа социалистического хозяйства определяется в тезисах как целесообразное распределение живой силы с целью планомерной организации труда

⁴⁴ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. С. 149—180.

⁴⁵ Никольский С. А. Власть и земля. М., 1990. С. 92.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 248—249.

на основе её точного учёта и мобилизации. Эта система по Троцкому должна применяться: «До тех пор, пока всеобщая трудовая повинность не войдёт *в норму* (выделено мной – авт.), не закрепится привычкой и не приобретёт бесспорного и непреложного для всех характера (что будет достигнуто путём воспитания, социального и школьного, и найдёт полное выражение лишь у нового поколения), до тех пор, в течение значительного ещё периода, переход к режиму всеобщей трудовой повинности должен неизбежно поддерживаться мерами принудительного характера, т.е. в последнем счёте, вооруженной силой пролетарского государства».

Милитаризация труда неизбежна для общества, осуществляющего переход «к планомерно организованному общественному труду», – подчеркивалось в Тезисах ЦК РКП (б) «О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд», написанных Троцким. В них также говорилось о необходимости бороться с мещански-интеллигентскими и тред-юнионистскими предрассудками в этом отношении, доказывалась «неизбежность и прогрессивность всё большего сближения между организацией труда и организацией обороны в социалистическом обществе».

В другой раз Троцкий указывал, что поскольку социалистическое «государство считает себя обязанным и ответственным по отношению к каждому гражданину, то и каждый гражданин в свою очередь должен отдавать весь свой труд, все свои силы государству». А поэтому «и трудовая повинность, и милитаризация труда могут иметь свой смысл только в том случае, если у нас есть аппарат правильного хозяйственного применения рабочей силы на основании единого, охватывающего всю страну и все отрасли производственной деятельности хозяйственного плана».⁴⁷

Уже осенью 1918 г. из-за призыва в армию, бегства городского населения в деревню, для расширения производства на оборонных заводах стало не хватать рабочих. Советские органы власти начали прибегать к переброскам рабочей силы на особо важные предприятия, к мобилизации рабочих дефицитных специальностей и отзыву их из армии. При Наркомате труда в конце 1918 г. был образован отдел распределения рабочей силы с органами на местах для осуществления трудовой повинности, введённой Кодексом законов о труде (декабрь 1918 г.) для всего трудоспособного населения с 16 до 50 лет.⁴⁸

После опубликования тезисов Троцкого 27 декабря 1919 г. была создана межведомственная комиссия по трудовой повинности для выработки плана введения всеобщей трудовой повинности и его осуществлению. Комиссия разработала «Положение о всеобщей трудовой повинности», на основании которого обеспечивались рабочей силой все ведомства. Любой рабочий, получив распоряжение этой Комиссии, «должен был со своей трудовой книжкой в руках отправиться туда, где его присутствие необходимо, во имя хозяйственного плана страны. Трудовая повинность предполагает право государства, рабочего государства, приказать рабочему выйти из кустарных промыслов, не говоря уже о паразитарных рядах спекуляции, и перейти в центральные государственные предприятия, которые без этих категорий рабочих не могут работать». Личные и семейные интересы никакого значения для «рабочего государства», естественно, не имели, зарплаты была низкой, а паёк маленьким.

Троцкий на IX съезде РКП (б) 30 марта 1920 г. говорил: «В военной области имеется соответствующий аппарат, который пускается в действие для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. Это должно быть в том или другом виде и в области трудовой. Безусловно, если мы серьёзно говорим о *плановом хозяйстве* (выделено мной – авт.), которое охватывается из центра единством замысла, когда рабочая сила распределяется в соот-

⁴⁷ Никольский С. А. Власть и земля. С. 94—95.

⁴⁸ Дмитренко В. П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986. С. 93.

ветствии с хозяйственным планом на данной стадии развития... Она должна быть перебрасываема, назначается, командироваема точно так же, как солдаты». Необходим такой режим, «при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если он не выполнит – он будет дезертиром, которого карают». Этот взгляд нашёл отражение в тезисах ЦК РКП (б) к IX съезду партии «О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд»: «В переходной стадии в обществе, отягощенном наследием самого тяжкого прошлого, переход к планомерно организованному общественному труду невозможен без мер принуждения как в отношении к паразитическим элементам, так и в отношении к отсталым элементам крестьянства и самого рабочего класса. Орудием государственного принуждения является его военная сила. Следовательно, элемент милитаризации труда в тех или других пределах, в той или иной форме неизбежно присущ переходному хозяйству, основанному на всеобщей трудовой повинности».

Как говорил Троцкий, иногда, в Октябре или в периоды наступления на фронтах гражданской войны, удавалось «мобилизовать энтузиазм масс», но в целом добиться успехов в хозяйственном строительстве вне условий войны можно только путём правильной организации, с помощью «приказов». И «каждый рабочий должен сознавать, что принятый план работ нужно выполнить во что бы то ни стало, несмотря на все лишения и жертвы. Это есть боевой план рабочего класса России для сплочения рабочих масс. Пока ещё живы остатки прежнего, мы без репрессий, без кар по отношению к шкурникам, к дезертирам труда не можем обойтись...»

Дезертиром считался тот, кто не явился по трудовой мобилизации, уклонился от трудового учёта, не вышел на работу без уважительной причины, самовольно ушёл с работы или перешёл с одного предприятия на другое (даже для спасения себя и своих детей от голодной смерти). В одном из приказов предписывалось бороться с трудовым дезертирством «путём штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь».⁴⁹ Если же рабочие выражали недовольство своим положением, особенно плохим продовольственным снабжением, то к ним применяли насилие, вплоть до расстрела.

На IX съезде РКП (б) при обсуждении плана Троцкого по всеобщей мобилизации труда, возник вопрос о производительности труда. На это Троцкий ответил, что, во-первых, отсутствие принуждения для социалистической организации труда – дело «более или менее отдалённого будущего» (новых поколений) и поэтому сегодня выбирать не из чего. А, во-вторых, «неправда, что принудительный труд при всех обстоятельствах и при всех условиях непроизводителен. Весь вопрос в классовом содержании принуждения: кто, кого и для чего принуждает. Психологическая задача состоит в том, чтобы трудящийся был не только внешне, но и внутренне втянут в процесс труда, то есть так или иначе заинтересован в нём».

Социалистическому обществу «...высокая производительность труда не даётся сама собой. И мы стоим перед необходимостью применения сложнейшей системы средств и методов – агитационных, организационных, поощрительных и карательных – для того, чтобы повысить производительность труда на тех „принудительных“, то есть плановых, а не вольных рыночных основах, на которых строится *всё* (выделено мной – авт.) наше хозяйство».⁵⁰

К тому же необходимо учитывать, что с самого начала первостепенное внимание уделялось производству оружия, боеприпасов и снаряжения для Красной Армии и для обеспечения именно военного производства проводились трудовые мобилизации и на оборонных

⁴⁹ Никольский С. А. Власть и земля. С. 96—97.

⁵⁰ Там же. С. 101.

заводах в первую очередь вводилась милитаризация труда. А затем труд милитаризовался на транспорте, в органах продовольственного и военного снабжения Красной Армии, в топливной промышленности, всего более чем на 2 тысяч промышленных предприятий. На конец 1919 г. было милитаризовано 106,8 тыс. рабочих в тылу и 65 тыс. в прифронтовой полосе. Было взято на учёт и привлечено в производство более 50 тыс. специалистов.⁵¹

По мере угасания гражданской войны воинские части стали превращаться в трудовые армии для того, чтобы двинуть вперёд дело всеобщей трудовой мобилизации и «для использования в качестве рабочей силы или в качестве орудия принуждения, смотря по обстановке». Всего было создано 8 трудовых армий.⁵²

Ещё одним источником натуральных доходов государства было непосредственное использование товарных запасов национализированной промышленности, которые были реквизированы бесплатно, как практически бесплатно изымалась вся их продукция.

Расширение применения низких твёрдых цен на продукцию национализированной промышленности с 1918 г. способствовало общему снижению твёрдых цен, так как они, делая убыточной эту промышленность, вызывали дополнительные расходы государства, которое, покрывая убытки своей промышленностью, вызванные низкими ценами, всё меньше платило за хлеб по продразвёрстке.

По этой же причине государство всё более снижало реальную денежную плату рабочим и служащим государственного аппарата, промышленности и железных дорог.

В 1919—1920 гг., когда все денежные доходы государства снижаются до 10—20 млн рублей в месяц (и государство было вынуждено за счёт этой суммы оплачивать расходы на содержание Красной Армии, госаппарата, государственных железных дорог и промышленности) твёрдые цены на хлеб, а за ними и цены на промышленную продукцию превращаются в совершенно ничтожную величину. Это приближение к нулю тем более понятно, что основная часть оставшихся доходов от эмиссии шла не на оплату твёрдых цен при государственных заготовках, а на денежные выдачи рабочим и служащим, которые покупали продукты на чёрном рынке. Это способствовало росту вольных рыночных цен, что при уменьшении денежных доходов государства автоматически вело к снижению твёрдых цен, по которым платило государство. В результате ко второй половине 1920 г. *распределительные цены, которые устанавливались по твёрдым заготовительным* ценам, потеряли всякий смысл. Взимание твёрдых цен и их бухгалтерский учёт обходились едва ли не дороже получавшихся доходов. Необходимо было или резко повысить цены, или отменить их совсем.

Осенью 1920 г. заготовительные цены были повышены, а распределительные остались прежними, а затем были отменены полностью. 7 декабря 1920 г. была отменена плата за продовольственный паёк, а 22 декабря бесплатность была распространена на отпуск предметов ширпотреба, коммунальные услуги и проезд в городском транспорте. Но бесплатность снабжения распространялась почти исключительно на государственных рабочих и служащих, даже рабочие частных предприятий получали меньшие пайки.

По новой карточной системе не занятым в сферах государственных аппарата и хозяйства устанавливались незначительные нормы отпуска продовольствия.

Отмена платы за паёк и услуги государственных предприятий была не следствием приближения к безденежно-плановому хозяйству, а прямым выражением *безденежья* самого государства.

Процесс отмирания твёрдых легальных цен, с другой стороны, был процессом натурализации заработной платы. При темпе инфляции в 25—30% в месяц с 1919 г., потери рабочих стали столь велики (зарплата повышалась очень редко), что они начали стремиться к отказу

⁵¹ Дмитренко В. П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. С. 93.

⁵² Никольский С. А. Власть и земля. С. 100.

от денежных форм зарплаты и к получению натуральных выдач, которые избавляли рабочих от потерь на эмиссионном налоге (от инфляции как держателей бумажных денег) и от потерь при колебаниях реальной величины тарифов.

Это бегство рабочих от денег представляет полную аналогию с переходом к непосредственному товарообмену в деревне, который совершался в то же время.

Таким образом, несомненно, что рабочие активно поддерживали переход от денежной к натуральной оплате труда, но точно также несомненно, что их поведение определялось не теоретическими стремлениями к немедленной социализации хозяйства, а интересами самозащиты от огромных потерь, вызванных инфляцией.⁵³ Эти же причины определяли «бегство от денег» населения Советского Союза в последние годы его существования. Тем, кто в стремлении пролетариата получать паёк вместо обесценивающихся бумажных денег видит его тенденцию к немедленному социалистическому переустройству общества, тем придётся признать, что такой же тенденцией, и даже в ещё большей степени, было заражено с 1918 г. крестьянство, которое ещё больше, чем пролетариат освободило от «денежных покровов» свои экономические отношения.

Таким образом, мы видим, что борьба с рынком была начата не большевиками, что она не явление, присущее только гражданской войне пролетариата и буржуазии. Борьба с рынком была и там, где не было борьбы между пролетариатом и буржуазией за социализм (например, во время Французской революции), борьба с рынком является следствием эмиссионной политики, приводящей к галопирующей инфляции, отмиранию твёрдых цен и громадному росту цен чёрного рынка.

Политики «военного коммунизма» была не «грандиозным опытом пролетарски-натурального хозяйства» и не «рациональным распределением имевшихся запасов», как писали теоретики большевиков, включая Бухарина.

Система военно-коммунистического хозяйства 1918—1920 гг. была постепенно подготовлена предшествующими годами мировой войны. Война потребовала колоссального напряжения всех сил, поглотила не только прибавочный продукт (фонд накопления), не только огромную часть фонда производительного потребления пролетариата и крестьянства, но и значительную часть фонда восстановления. Поскольку непроемчивое военное потребление превысило размеры фонда накопления и повело к поглощению фондов восстановления и производительного потребления, постольку оно превратилось в *распределение готовых запасов*. И это произошло не только в России, но и в более богатых западных странах.

При этом в первые годы войны извлечение материальных ресурсов из экономики и концентрация их в руках государства происходили с помощью денег, которые государство получало разными способами: государственный кредит, бумажно-денежные эмиссии и повышение налогов, т.е. при помощи методов, опирающихся на денежные отношения и денежную систему. Эти методы прекрасно работали в первый период войны как на Западе, так и в России, не прибегая к непосредственному захвату ресурсов в их натуральном выражении (продовольствие, сырьё, промышленные изделия), используя одни денежные формы присвоения, государство с успехом выкачивало из экономики необходимые ему материальные ресурсы; денежная форма была наиболее рациональной и для распределения. В западных государствах эта форма мобилизации народного хозяйства осталась господствующей до самого окончания войны.

По иному развивались события в России, где при относительной слабости экономики, кредиты давали государству меньше и печатание денег достигло больших масштабов, чем на Западе. В России в последние годы войны (1916—1917) инфляция по абсолютным раз-

⁵³ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. С. 182—188, 192—194.

мерам и по темпам резко усилилась и гораздо раньше достигла тех пределов, за которыми произошло отмирание старой налоговой системы, а затем и системы государственного кредита. И вместо системы денежных доходов государство стало строить систему натуральных доходов: низкие твёрдые цены, продрозвёрстка, всеобщая трудовая и гужева повинности, непосредственное использование запасов промышленности заменили отмершие косвенные налоги, поземельное обложение, кредит, эмиссию, железнодорожные тарифы, легальную торговлю и т. д.

Таким образом, натурализация народного хозяйства началась с 1916 г. (низкие твёрдые цены), а переход к натуральному обмену – с деревни под влиянием быстрой инфляции.

Провести натурализацию государственных доходов может только политическая власть, опирающаяся на социальные слои, живущие на денежную зарплату, не имеющие никакой недвижимости и запасов материальных ценностей (частной собственности) и которые готовы поддержать политику этой власти из-за тяжёлого материального положения, вызванного инфляцией. В первую очередь, это, конечно же, пролетариат, доведённый до отчаяния и не отступающий перед непосредственным захватом материальных ценностей. Буржуазное государство в такой ситуации не может встать на путь универсального безденежного присвоения, так как такой путь, развязывая инстинкты пролетариата и близких ему слоёв, всегда грозит завести дело слишком далеко. Так было в Германии в период крушения германской марки (1923 г.) и на территории белогвардейских правительств в России.

Тем не менее, методы натурального присвоения сами по себе не содержат ни атома социализма. Применяя их, большевики отнюдь не строили социализм, а только использовали доступные для них формы мобилизации народного хозяйства, неприемлемые для буржуазного государства, построенного на частной собственности и рыночных отношениях.

Применяя продрозвёрстку, трудовую и гужевую повинности, милитаризацию труда, прибегая к непосредственному распределению продукции промышленности и т. д., большевики и ведомый ими пролетариат разрушали производительные силы страны, отталкивали от себя массы крестьянства, дискредитировали саму идею безденежного социалистического хозяйства,⁵⁴ точнее доказали невозможность такого хозяйства. Больше попыток его введения они не делали.

О масштабе разрушения народного хозяйства, вызванного инфляционной политикой на протяжении многих лет войн и «военного коммунизма», говорят следующие данные. Национальный доход сократился с 11 млрд рублей в 1917 г. до 4 млрд в 1920 г. Промышленное производство, которое ещё в 1916 г. было близко к довоенному уровню упало в 1920 г. в 7 раз по сравнению с 1913 г. Продукция промышленности уменьшилась до 44,1%, крупной – 12,8% от уровня 1913 г. Добыча угля составляла одну треть от довоенной, нефти в 1920 г. добывалось столько же, сколько в 1890 г., чугуна выплавлялось в 22 раза меньше, чем до войны. Производство хлопчатобумажных тканей сократилось в 18,5 раз – с 2850 млн аршин до войны до 153 млн аршин в 1920 г.⁵⁵

Особенно тяжёлый урон понесло сельское хозяйство. Валовая продукция сельского хозяйства в 1920 г. составляла 67% к 1913 г., в 1921 г. – 61%. В сравнении с 1917 г. посевные площади к 1920 г. сократились в расчёте на одно хозяйство в разных регионах от 1,4 до 2,2 раз. Упала урожайность зерновых. В Нечерноземье до войны собирали озимой ржи 55,8 пуда с десятины, озимой пшеницы – 51,3 пуда, яровой пшеницы – 49,3 пуда, а в 1920 г. – 44,2, 44,6 и 32,9 пуда соответственно. В черноземной полосе сокращение было

⁵⁴ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. С. 207—210.

⁵⁵ Поляков Ю. А., Дмитренко В. П., Щербань Н. В. Новая экономическая политика: Разработка и осуществление. М., 1982. С. 12—13; Дмитренко В. П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. С. 207.

ещё значительнее: рожь озимая – с 50,5 пуда до войны до 25 пудов в 1920 г., пшеница озимая – с 63,6 до 20,2, пшеница яровая – с 46,3 до 24,6.

Производство зерновых к 1920/21 году составило в потребляющей полосе около 95% довоенного уровня, а в производящей – менее 40%. А уровень изъятия составлял 11—12% в потребляющей и 30% в производящей.

Государство взяло на себя обязательства снабжать крестьян семенами, но не выполняло их в полном объёме. Предоставление семян сельскому хозяйству государством (в процентах к плану) составило в 1919 г.: яровых 41,6, картофеля – 34,6, огородных – 66,6 и в 1920 г. соответственно – 76,3, 53,9 и 88,8.⁵⁶

Та же самая ситуация была в промышленности – государство, изымая бесплатно всю продукцию предприятий, обещало снабжать их сырьём, материалами, топливом, пайками, но не было в состоянии выполнить обязательства в полном объёме.

Д. Кузовков даёт такую характеристику экономической политике тех лет: «Безденежное присвоение и распределение были так же малорациональны, как и разрушение мостов и железных дорог, но в условиях напряженной гражданской войны оно было не менее неизбежным, чем все другие разрушительные методы войны». ⁵⁷ А разрушительными методы безденежного, натурального присвоения и хозяйствования были потому, что лишали непосредственных производителей материальных благ малейших стимулов к работе и возможности даже сохранения уровня производства, не говоря уже о его расширении.

Для понимания причин возникновения и сущности военного коммунизма необходимо сказать об одном чрезвычайно важном моменте, на умолчание о котором большевистскими вождями-теоретиками указывал Д. Кузовков. Большевистские вожди не говорили о том, что система военного коммунизма была прежде всего методом извлечения материальных ресурсов для содержания *государственного аппарата* (включая армию), большевистское государство применило методы военного коммунизма не потому, что распад денежной системы парализовал рынок и рыночные методы распределения в народном хозяйстве, а, *прежде всего*, потому, что этот распад парализовал всю прежнюю систему *государственных доходов*, подорвал базу *государственного хозяйства* и прежде всего *хозяйства военного*. «Осаждённой крепостью» по существу было не народное хозяйство в целом, а *государственное хозяйство*.⁵⁸

Уже накануне революции до 66% промышленной продукции приходилось на производство оружия и снаряжения, в этих отраслях было занято более 50% рабочих (без учёта ряда производств, в значительной степени также работавших на оборону). На нужды гражданского населения шло не более 15—20% всей промышленной продукции.

С началом гражданской войны в руках Советского государства сохранилось только около 30% предприятий, выполнявших прежде военные заказы. Это обстоятельство также усиливало степень милитаризации государственного хозяйства.

Военные заказы Красной Армии к началу 1919 г. выполняли более 50 специализированных предприятий, производивших вооружение, и 330 заводов и фабрик, поставлявших одежду, обувь и другие предметы снаряжения. Всего на этих предприятиях было занято около 862 тыс. рабочих и служащих из общего числа занятых в промышленности 1,4 млн человек (61,5%). Из продуктов, распределявшихся государством в 1920 г., на нужды армии шло мяса – 60, сахара – 60, жиров – 40, мыла – 40, табака – 100, хлопчатобумажных тканей – 40 процентов всего количества.⁵⁹ Но в армии было около 5 млн человек, а всего населения –

⁵⁶ Симонов В. В. Выбор пути // Встречи с историей. Очерки. Статьи. Публикации. Выпуск 3. М., 1990. С. 20—21.

⁵⁷ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. С. 211.

⁵⁸ Там же. С. 218—219.

⁵⁹ Дмитренко В. П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. С. 92—93.

более 100 млн. Не случайно, умерло от голода, холода и болезней во много раз больше мирных жителей, чем погибло на фронтах гражданской войны с обеих сторон (от 12 до 15 миллионов человек по разным оценкам против примерно миллиона в боях).

Большевики превзошли своих противников в гражданской войне именно в способности довести степень милитаризации экономики до крайних пределов, сконцентрировать в своих руках максимум ресурсов, необходимых для ведения войны, в способности применять насилие не только в военной и политической сферах, но и в экономической, в том числе в отношении рабочих и особенно крестьян.

Д. Кузовков замечал, что в 1921—1923 гг. рынок приспособился даже к более высоким темпам инфляции и более глубокой дезорганизации денежной системы, чем они были в 1918—1920 гг.⁶⁰ Но это произошло после резкого сокращения Красной Армии (в 10 раз), государственного аппарата и соответственно государственных расходов. То, что в экономике России с начала рыночных реформ после 1992 г. никак не могут заработать рыночные механизмы, рыночные отношения лишней раз свидетельствует о сохранении больших непроизводительных государственных расходов на государственный аппарат, силовые структуры, военное производство и т. д.

Предложения меньшевиков и эсеров в годы гражданской войны отменить продразвёрстку, восстановить налоги, денежное обращение, торговлю и другие рыночные меры, многие из которых были осуществлены с переходом к нэпу, требуют некоторого комментария. В принципе, они были довольно реалистичными, но только в том случае, если ставилась цель восстановить экономику, накормить горожан, снабдить крестьян промтоварами. Но с помощью этих мер нельзя было накормить, одеть и вооружить 5-миллионную армию и содержать огромный государственный аппарат, выросший неимоверно после Октября. И дело даже не в отсутствии настоящих денег, а в огромных непроизводительных расходах, в проедании в течение нескольких лет не только фонда накопления, но и фондов воспроизводства и производительного потребления рабочих и крестьян. Сначала надо было сбросить огромную тяжесть этих расходов с экономики страны, а потом уже сам народ посредством вольного труда накормил бы и одел бы себя.

Метод непосредственного, безденежного присвоения и распределения не просто доступен только пролетариату. Его широкое распространение, использование в скрытом виде ещё царским и Временным правительствами, доведение до крайних пределов в виде продразвёрстки, попыток прямого продуктообмена между городом и деревней, физического устранения рынка и его субъектов, отмены платы за пайки и коммунальные услуги, всеобщей трудовой повинности, высокой степени милитаризации труда, вообще широкое распространение натуральных отношений являются отражением исторических особенностей России: громадного преобладания крестьянства с полунатуральным, патриархальным типом хозяйства, для которого переход к безденежному обмену, к отказу вообще от обмена с городом был делом сравнительно лёгким и простым (продовольствие своё, а дмотканые холсты, самолично выделанные шкуры и т. д. были не редкостью в деревне и в начале XX в.). Имели большое значение и тесные связи горожан с селом через деревенских родственников, владение землёй, наличие огородов, особенно в небольших городах, всё это помогало переносить лишения, вызванные разрушением рыночного снабжения городов, по крайней мере, не умереть от голода.

Кроме того, сказались античастнособственнические настроения большинства населения, не только крестьянства. Всё это делало возможным многое из того, на что на Западе не пошёл бы даже пролетариат. Тем более что источники натурального самоснабжения там

⁶⁰ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. С. 219.

ограничены из-за высокой степени вовлечённости сельского населения в рыночные отношения и развитости специализации сельхозпроизводителей.

Таким образом, военный коммунизм (в виде продразвёрстки, запрета торговли и замены её карточным распределением, отмены денег и натурализации экономических отношений, национализации промышленности и бесплатного использования государством произведённой продукции, трудовой повинности вплоть до милитаризации труда рабочих) был порождением исторических особенностей России. Только не стихийной тяги к безденежному социализму, а отрицательного отношения большинства населения к частной собственности, к безжалостной игре рыночных сил, к рыночным отношениям, сохранением высокой степени натуральности экономики. И это создавало условия для повторения военно-коммунистического опыта перехода к социализму в дальнейшем, что и произошло в конце 1920-х годов.

Глава 3. Экономика в советский период: переход на индустриальную стадию

3.1. Новая экономическая политика: что это такое

Придя к власти в октябре 1917 г., большевики не собирались строить социализм как первую стадию коммунизма в России. По их представлениям на тот момент социализм вообще нельзя было строить. Поэтому среди декретов II съезда Советов нет Декрета о национализации промышленности. Ленин тогда говорил и добивался установления только рабочего контроля над производством и распределением.

Социализм нельзя и не нужно было строить по той причине, что теория Маркса и Энгельса об общественно-экономических формациях не предусматривает «строительства» какой-либо формации вообще. Производительные силы новой формации складываются в недрах старой в тот период её жизни, когда старая формация уже исчерпала свои возможности развития и закономерно клонится к закату.

И только когда производительные силы (экономический базис) старой формации окончательно становятся тормозом развития общества, а производительные силы (экономический базис) новой формации достигли достаточно высокого уровня и их победе и полноценному росту мешает только надстройка (политическая, социальная, культурная) происходит **переход** к новой общественно-экономической формации. Подчёркиваю, именно переход, так как основа, базис новой формации, уже существует и на достаточно высоком уровне.

Революция, которые знаменуют переход от одной общественно-экономической формации к другой – это революции политические и социальные. Их задача – свергнуть устаревший политический строй, лишить привилегий и власти господствующие классы старого общества и дать возможность для складывания социально-политической, культурной и идеологической надстройки новой формации. Экономический базис которой, ещё раз подчеркну, уже имеется и он достиг достаточно высокого уровня, с точки зрения марксистов.

Ленин считал себя правозверным марксистом и поэтому и не мог ставить задачу строительства социализма после свершения пролетарской социалистической революции. Не случайно, большевики часто называли события октября 1917 г. всего лишь переворотом, а определение Великая Октябрьская социалистическая революция утвердилось окончательно только в 1930-е гг., а другие определения стали караться строжайшим образом.

Но Ленин был выдающимся политиком и достаточно умным человеком, чтобы понимать, что Российская империя начала XX в. экономического базиса для коммунистической общественно-экономической формации не имеет. Около 80% населения составляли крестьяне, их хозяйства преобладали в аграрном секторе экономики, а ведь крестьянство для марксистов – это сословие феодального общества и оно должно было исчезнуть ещё на стадии капиталистической формации. Вместе с помещичьими латифундиями. Крестьянские хозяйства и имения помещиков должны были быть заменены крупным аграрным производством капиталистического типа.

Ещё весной 1918 г. Ленин считал возможным и необходимым использование рыночных механизмов для восстановления и дальнейшего развития экономики страны с целью создания предпосылок для перехода к социализму. Он и в дальнейшем говорил неоднократно о необходимости подтягивания экономического и культурного уровня России до уровня наиболее развитых стран, которые считались уже готовыми к переходу к социалистической формации (Германия, Великобритания, Франция, США, прежде всего). Именно поэтому рос-

сийские социал-демократы, включая меньшевиков, были последовательными сторонниками индустриализации страны и составляли наиболее «буржуазные» аграрные программы.

Помочь российскому пролетариату подтянуть экономический базис до необходимого уровня должен был пролетариат более развитых стран. Но для этого пролетариаты этих стран должны были совершить мировую или хотя европейскую пролетарскую коммунистическую революцию. Именно поэтому лозунг мировой коммунистической революции был одним из главных у большевиков до и после прихода к власти. Он чётко заявлен в знаменитых Апрельских тезисах Ленин. Без этой революции захват власти большевиками становился ничем неоправданной авантюрой. О чём собственно и говорили меньшевики, считавшие курс на социалистическую революцию уже в 1917 г. преждевременным.

Именно ожиданием мировой революции и желанием ускорить её свершение объясняется наступление Красной армии на Варшаву в 1920 г. Это наступление не диктовалось военными задачами – части Красной армии вышли на историческую границу между Украиной и коренной Польшей и вполне могли на ней остановиться. Но желание подтолкнуть пролетарскую революцию в Польше, а потом и в соседней Германии взяло верх над другими соображениями.

Именно поэтому большевики создали III, Коммунистический, Интернационал, помогали зарубежным компартиям финансами, людьми, советами.

Но после окончания Первой мировой и Гражданской войн ситуация в России и мире изменилась. Начался процесс стабилизации в капиталистических странах и на международной арене. Перспектива свершения мировой коммунистической революции скрылась в тумане, который становился всё плотнее.

И вот тогда, в начале 1920-х гг. перед вождями большевиков встал выбор: что делать. Форсированный переход к социализму с помощью мировой коммунистической революции не получился.

Левые (Троцкий, Преображенский, Пятаков и другие) остались на прежних позициях и продолжали считать, что без мировой революции социализм в крестьянской России недостижим. Но и отказываться от власти они не собирались. Их идеи сводились к необходимости проведения в Советской России сверхиндустриализации милитаристского типа для превращения страны в военный оплот мировой коммунистической революции и всемерному её подталкиванию всеми доступными способами. Форсированную индустриализацию (за 1—3 года) предлагалось провести в основном за счёт ограбления деревни путём неэквивалентного обмена.

Ленин не успел выработать чётких представлений о том, что надо делать. Но он высказал ряд идей (о роли кооперации, электрификации, власти пролетариата), на основе которых была построена теория о возможности построения социализма в отдельно взятой стране, т.е. в Советской России: наличие диктатуры пролетариата, вооружённой самой «передовой» идеологией, многочисленное население и богатейшие природные ресурсы. Основным разработчиком этой теории стал Н. Бухарин. Эта теория означала более плавный эволюционный способ индустриализации с учётом интересов населения и использованием до поры до времени рыночных механизмов.

Каменев и Зиновьев занимали промежуточную позицию – строить социализм надо, но построить его невозможно без мировой социалистической революции.

Сталин занимал особую позицию. До конца 1920-х гг. он поддерживал Бухарина и его сторонников, Председателя Совнаркомов СССР и РСФСР А. Рыкова и главу профсоюзов М. Томского. Но после полного разгрома левых, Сталин встал на путь форсированной индустриализации, а Бухарин и его сторонники неожиданно для себя оказались «правыми уклонистами» и с ними началась ожесточённая борьба, закончившаяся их полным разгромом.

Отличие индустриализации по Сталину от идей леваков заключается прежде всего в отношении к коллективизации, которую Троцкий и его единомышленники не признали.

Надо иметь в виду, что все вожди большевиков, включая сторонников теории построения социализма в одной стране поддерживали идею о неизбежности свершения мировой коммунистической революции. Различия были в деталях – когда и как она произойдёт, насколько открыто и активно можно её подталкивать и ускорять.

Дело в том, что все они сходились на необходимости как можно более быстрой индустриализации России. А провести её в более или менее короткий срок без импорта машин и технологий было невозможно.

Идеи необходимости индустриализации страны и неизбежности мировой революции оказывали огромное влияние на экономическую политику большевиков в 1920—1930-е гг., определяли способы, методы и темпы индустриализации, а также политику в отношении крестьянства.

Существенные коррективы в теории и конкретные планы большевистских вождей вносили настроения и поведение рабочих и крестьян.

Именно марксистские представления о необходимости индустриализации и преобразовании сельского хозяйства на основах крупного машинного производства привели большевиков к чрезмерному забеганию вперёд во время военного коммунизма, к доведению этой политики до её крайних пределов к концу 1920 г. Они же определили первоначальные планы большевиков по восстановлению экономики.

Несмотря на тяжелейшее положение в экономике, большевики во главе с Лениным по окончании в основном Гражданской войны в конце 1920 г. не собирались отказываться от политики военного коммунизма. Именно тогда была национализирована мелкая кустарная промышленность, отменена плата за коммунальные услуги, проезд в общественном транспорте, за пайки, хотя перелом в Гражданской войне создавал возможности для возврата к товарно-денежным отношениям. Большевики считали возможным восстановление промышленности и сельского хозяйства, а также их дальнейшее развитие на основе общественной (читай государственной) собственности и государственного централизованного управления народным хозяйством сверху донизу как предпосылке скорейшего перехода к социализму. С помощью концентрации в своих руках промышленности и продразвёрстки (фактически бесплатного изъятия хлеба у крестьян) большевики смогли вооружить, одеть и накормить 5-миллионную Красную Армию, что явилось одной из важнейших причин их победы в Гражданской войне. Они надеялись с помощью политики военного коммунизма, т.е. сохранения основных рычагов управления экономикой в руках государства, бесплатного изъятия промышленной и аграрной продукции у непосредственных производителей и её распределения государственными органами между потребителями (производственными и частными) – в кратчайшие сроки восстановить экономику страны.

При этом, для скорейшего создания экономической базы марксистского социализма как первой стадии коммунизма, предполагалось начать с восстановления и развития тяжёлой промышленности. А затем уже на её основе двигать вперёд сельское хозяйство и лёгкую промышленность в виде крупных производств, ликвидировав мелкое крестьянское хозяйство и разного рода мелкие частные, кустарные и артельные предприятия. С этой целью производилось дальнейшее продвижение к безрыночному и безденежному хозяйству путём отмены платежей, расширения прямого продуктообмена и ликвидации даже мелких частных заведений. С этой же целью на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. был принят план электрификации России (ГОЭЛРО), предусматривавший восстановление и строительство крупных предприятий обрабатывающей промышленности. Там же Ленин произнёс свою знаменитую фразу: «Социализм – это Советская власть плюс электрификация всей страны».

Для осуществления этого плана необходимо было несколько лет, после чего крестьяне получили бы машины, удобрения, электричество и «счастливые» двинулись бы дружно за рабочим классом в социализм и отказались бы от своего собственного клочка земли. Но для этого нужно было ещё дожить, а чтобы дожить был необходим хлеб, который могли дать только крестьяне и который можно было забрать у них только бесплатно по продразвёрстке.

Вообще большевики видели в мелком крестьянском производстве и торговле, порождавшим, по мнению Ленина, капитализм и создававшим возможность его реставрации в России главные препятствия на пути скорейшего создания материальной основы социализма. Об этом Ленин говорил на VIII Всероссийском съезде Советов.

Выход Ленин видел в продолжении применения государственного принуждения, в сохранении и укреплении аппарата этого принуждения для развёртывания «военной кампании» среди крестьянства против остатков косности, темноты и недоверия, чтобы добиться уже весной 1921 г. расширения посевных площадей. К этому он и призывал на съезде Советов.

Но из этого ничего не получилось. Крестьянство ответило на продолжение политики военного коммунизма массовыми восстаниями. Уже в 1920 г. начались крупные крестьянские волнения на Украине и в Тамбовской губернии. Тамбовские повстанцы под руководством Антонова насчитывали в начале 1921 г. около 50 тысяч человек. Огромного размаха достигли крестьянские восстания в Западной Сибири в феврале-марте 1921 г., только в Ишимском уезде было до 60 тысяч восставших. В марте этого же года вспыхнуло восстание матросов Кронштадта, когда-то опоры большевиков. Были также выступления рабочих, так называемые «волынки». Крестьянам хотелось жить нормально после окончания войны, а производить хлеб, который всё равно отберут, желания у них не было, поэтому продолжилось сокращение посевных площадей. Рабочие хотели улучшения своего положения. Тем более что власть теперь была, по уверениям большевиков, у рабочих и беднейших крестьян. Зимой 1920—1921 гг. достиг своего пика развал в промышленности, окончательно встал железнодорожный транспорт, даже собранный по продразвёрстке хлеб не удавалось вывезти и он замерзал на станциях под открытым небом, особенно в Сибири. Государство, взяв всё в свои руки, оказалось неспособным наладить работу заводов и транспорта, силой заставить людей работать за нищенскую пайку было невозможно, а ничего другого, кроме лозунгов, большевики предложить не могли.

В результате большевики на X съезде РКП (б) были вынуждены пойти на замену продразвёрстки продналогом, который устанавливался в начале года, был в два раза меньше продразвёрстки и его нельзя было менять, и разрешить свободу местного оборота, т.е. местной торговли. Ленин на съезде заявил, что большевики слишком далеко зашли в деле национализации промышленности и торговли, закрытия местного оборота, что было несомненной ошибкой, которая в значительной степени объясняется условиями войны. Что, хотя свобода торговли поощряет кулака, но бороться с этим надо не запретительными мерами, а государственным объединением и мерами сверху, т.е. дать крестьянину машины, товары и этим победить кулака, втягивая крестьянина в подконтрольные государству кооперативы.

Постепенно происходит пересмотр последовательности восстановления экономики: не с тяжёлой промышленности, а с кустарной и мелкой, а также с сельского хозяйства.

17 мая 1921 г. было отменено Постановление Совнаркома о национализации всех предприятий с числом работающих более 5 при механическом двигателе и более 10 – без него, так как не хватало промышленных товаров для обмена на хлеб, а национализированная промышленность не справлялась с задачей увеличения производства.

Летом 1921 г. происходит ухудшение обстановки из-за исчерпания промтоварного фонда, недовольства рабочих своим положением (в их жизни ничего не изменилось по срав-

нению с периодом военного коммунизма), засухи в Поволжье и крепнет убеждение в необходимости углубления нового экономического курса.

9 августа 1921 г. вышел «Наказ СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики» (тогда и появилось выражение «новая экономическая политика» или нэп). Он предусматривал переход государственных предприятий к работе на «началах точного экономического расчёта», предполагал сокращение числа предприятий, находящихся в ведении ВСНХ и его местных органов, приведение их количества в соответствие с имевшимися у государства ресурсами, остальные намечалось сдать в аренду или закрыть. В «Наказе» указывалось на возможность перехода к денежной форме обмена и необходимости платности всех хозяйственных услуг. Потом были декреты о развитии свободы маневра государственных предприятий, переходе к добровольному найму рабочей силы.

Осенью 1921 г. происходит окончательный срыв прямого продуктообмена. Ленин приходит к выводу, что торговля – основное звено, за которое надо ухватиться и что строительство социализма должно вестись на основе активного использования товарно-денежных отношений и развития государственного капитализма.

К концу 1921 г. появились первые успехи: расширение посевов озимых на 20%, рост добычи угля в Донбассе на государственных предприятиях за год в 6 раз.

Ю. Голанд так подводит итог первым месяцам нэпа: «Изучение опыта первого года нэпа позволяет лучше понять логику процесса перехода от одной системы хозяйствования к другой, принципиально от неё отличающейся (т.е. речь идёт о разных методах восстановления народного хозяйства – принуждением или интересом – авт.). Сначала было найдено ключевое звено, определяющее общее направление перемен. Таким звеном явился переход к продналогу. Предоставление крестьянам права торговли излишками сельхозпродуктов неизбежно влекло за собой восстановление рыночных отношений, по крайней мере между городом и деревней. Для того, чтобы было чем торговать с крестьянами, потребовалось снять ограничения с развития кустарно-ремесленной и частной промышленности, ибо государственные предприятия не в состоянии были полностью справиться с этой задачей. Но раз появились конкуренты, то для борьбы с ними на свободном рынке надо было расширить права государственных предприятий. Отсюда остро встала необходимость перехода от административно-бюрократической системы управления к экономическим методам».⁶¹

Среди промышленных предприятий в середине 1920-х гг. преобладали частные. По выборочной переписи ЦСУ в марте 1923 г. в Европейской России было всего 165 781 промышленно-кустарное предприятие, из них 88% были частными, 3% – кооперативными, 7% – государственными и 2% – концессии.⁶² Но частные предприятия были в своей массе мелкими и мельчайшими. В крупной промышленности госпредприятия выпускали более 96% валовой продукции и использовали 98% рабочей силы. С учётом мелкой промышленности государственный сектор выпускал 79,3% промышленной продукции.⁶³

Одним из способов сокращения расходов государства на содержание промышленных предприятий была сдача их в аренду частным лицам и коллективам. Но аренда шла плохо с самого начала из-за сопротивления местных органов власти. Одну из главных причин этого явления председатель ВСНХ П. Богданов позднее определял так: «... Местные органы не слишком стремились создавать себе конкурентов в лице арендаторов и ставили известные затруднения при сдаче в аренду, предоставляя к сдаче только те предприятия, которые или требовали значительной затраты на их пуск, или не могли конкурировать с государственными предприятиями».

⁶¹ Голанд Ю. 1921 год: на крутом повороте // Политическое образование. 1989, №4. С. 48—53.

⁶² Сироткин В. Уроки НЭПа // Известия. 1989, 11 марта.

⁶³ Поляков Ю. А., Дмитренко В. П., Щербань Н. В. Новая экономическая политика... С. 122.

Ю. Голанд указывает, что стремление к монополии ярко проявилось ещё в период военного коммунизма. Тогда главки ВСНХ не только пресекали административными методами деятельность частных конкурентов, но и стремились не допустить выпуска «своей» продукции на предприятиях других главков. По существу, аппарат управления хотел уйти от ответственности за провалы в работе, для оправдания которых при отсутствии рынка и конкуренции всегда находились тысячи причин. Эту позицию органов хозяйственного управления часто поддерживали партийные комитеты. Осенью 1921 г. некоторые губкомы партии выступили против сдачи предприятий в аренду. При таком отношении местных органов власти и партийных комитетов солидные арендаторы не хотели рисковать своим капиталом, опасаясь, что арендный договор может быть в любой момент расторгнут. Поэтому в роли первых арендаторов нередко выступали разного рода спекулянты и мошенники, которые использовали аренду лишь как способ быстро нажиться на распродаже имевшихся запасов материалов и сырья.⁶⁴

В результате аренда государственных предприятий не получила широкого распространения, так как её масштабы заранее ограничивались, а на самом деле оказались ещё меньше. Так в начале 1922 г. к сдаче в аренду было определено 7113 предприятий, из них сдано к 1 июля 3573, к 1 сентября этого года – 3874 или 54%. На 1 октября 1923 г. к сдаче в аренду было намечено 8632 предприятия, а сдано было 6220 или 72%.

По данным на 1 сентября 1922 г. среди арендаторов частные лица составляли 50% (среди них бывшие владельцы – 26%), потребительские кооперативы – 22, трудовые артели – 14, государственные учреждения – 12 и прочие арендаторы – 2%. Арендный договор заключался на определённый срок – от 1 года до 6 лет, 72,6% предприятий были сданы на срок до 3 лет. Короткий срок аренды также не способствовал росту доверия арендаторов к власти и не вызывал желания вкладывать большие капиталы в развитие производства.

Арендные предприятия были главным образом мелкие и средние, занятые в основном производством потребительских товаров. В 1924/25 г. на арендованных государственных предприятиях производилось 3% валовой продукции промышленности. Но в отраслях местной промышленности эта доля поднималась до одной трети. Эти предприятия играли заметную роль в снабжении товарами крестьян и переработке сельскохозяйственной продукции. Среди арендных предприятий около 50% составляли предприятия пищевой и кожевенной промышленности, 33 – деревообрабатывающей, металлообрабатывающей и химической, 13% – силикатной и текстильной.

С 1924—1925 гг. сдача государственных предприятий в аренду стала сокращаться, а в 1928 г. после постановления СНК СССР от 15 мая 1928 г. была прекращена.⁶⁵

Ещё более ограниченные масштабы носила концессионная деятельность. На 1 октября 1928 г. инвестиции иностранного капитала в концессиях оценивались в 58 млн руб. или 0,6% по отношению к капиталу всей промышленности. Привлечённые кредиты оценивались в 20—30 млн руб. в год. Общий объём капиталов, с участием Советского государства, определялся в 90 млн руб. В 1926/27 г. концессии охватывали 0,5% действующих предприятий и 0,7% всех рабочих страны. Их доля в общем объёме продукции государственной промышленности составляла в 1924/25 г. – 0,2%; 1925/26 – 0,4; 1926/27 – 0,5; 1927/28 – 0,6%, в том числе в производстве средств производства в 1924/25 г. – 0,4%; 1925/26 – 1,0; 1926/27 – 1,2%. Заметно было участие концессий только в некоторых добывающих отраслях (марганец, золото, свинец) и производстве одежды и галантереи.⁶⁶

⁶⁴ Голанд Ю. 1921 год: на крутом повороте. С. 51.

⁶⁵ Лапина С. Н., Лелюхина Н. Д., Федоровская Е. С. Государственная собственность и рынок: опыт нэпа // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 68—69.

⁶⁶ Лапина С. Н., Лелюхина Н. Д., Федоровская Е. С. Государственная собственность и рынок: опыт нэпа. С. 67.

Такие малые масштабы притока иностранного капитала не должны вызывать удивления. Большевики отказались платить по долгам царского времени, как государственным, так и частным, национализировали предприятия иностранной буржуазии и возвращать их собственникам или выплачивать компенсации отказывались. В условиях провозглашения курса на полную ликвидацию частной собственности и мировую коммунистическую революцию, создавать концессионные предприятия в Советской России рисковали в основном авантюристы и проходимцы.

Трудности, с которыми сталкивалось развитие аренды государственных предприятий и концессии, закономерны. Идеология и политика Советского государства строились на представлениях о том, что нэп – кратковременный этап переходного периода от капитализма к социализму. Коммерческий расчёт государственных предприятий, концессии, аренда должны были в короткие сроки сойти на нет. Сначала в промышленности, а затем и в сельском хозяйстве должно было утвердиться единообразное хозяйствование по единому государственному плану.

Как пишут современные историки, соединение в лице пролетарского государства функции собственника средств производства и хозяйствующего субъекта рассматривалось как коренная черта социализма, главная предпосылка планового ведения хозяйства. Переход к нэпу, подчёркивалось в резолюции «О промышленности» XII съезда РКП (б) (апрель 1923 г.), не вносит принципиальных изменений в соотношение этих функций: «...Поскольку государство остаётся не только собственником, но и хозяйствующим субъектом в отношении большинства производительных сил промышленности и транспорта и в отношении кредитных средств, постольку плановое начало при нэпе по объёму немногим отличается от планового начала в эпоху «военного коммунизма». В резолюции провозглашалось «неограниченное» право государства «распоряжаться всем свободным от обязательств достоянием трестов...», вмешиваться в «текущую работу хозяйственных органов». Такие установки ограничивали сферу применения новых форм реализации государственной собственности, создавали сильные ограничения для развития рынка.⁶⁷

27 октября 1921 г. было принято постановление СНК о мерах по развитию самостоятельности хозяйственных органов. По нему все предприятия делились на две группы – снятые с государственного снабжения и оставленные на нём. Органы государственного управления не имели права требовать от первых безденежного отпуска готовой продукции. Предприятия второй группы получили право реализовывать на рынке только ту часть своей продукции, которую им разрешали распорядительные органы, но не более 50%.⁶⁸

Хозяйственный или коммерческий расчёт являлся основной формой деятельности крупных промышленных предприятий страны. Но в литературе 1920-х гг. эти понятия нередко разграничивались. Хозяйственный расчёт означал нерыночный режим деятельности государственных предприятий, коммерческий расчёт – рыночный режим. Считалось, что хозяйственный расчёт направлен только на экономию материальных расходов и свойственен безденежному, натуральному хозяйству. Коммерческий расчёт, напротив, присущ денежному хозяйству. Он «заботится не только об уменьшении расходов, но и об увеличении доходов или, иначе, об увеличении денежной разницы между доходами и расходами, т.е. о прибыли».

Нерыночный режим хозяйствования распространялся на оборонную промышленность, электроэнергетику, некоторые важнейшие отрасли промышленности (металлургию и др.), транспорт. Все эти отрасли финансировались из госбюджета, но они были обязаны экономить материальные ресурсы, им давались задания по снижению себестоимости.

⁶⁷ Там же. С. 65.

⁶⁸ Голанд Ю. 1921 год: на крутом повороте. С. 51.

(Правда, непонятно, как они могли это делать, не будучи включёнными в рыночную экономику, ведь только в условиях рыночного механизма определения цен, в условиях сравнения на рынке затрат разных производителей на выпуск аналогичной продукции определяются средние затраты на выпуск однотипной продукции и определяется её себестоимость в соответствии с её качеством. А иначе экономить можно и за счёт снижения качества продукции, и за счёт закладывания первоначально завышенных норм расходования сырья и материалов и т.д., а потом получать премии за экономию материальных ресурсов, расходуя их на единицу продукции больше, чем на предприятиях рыночной экономики. Так и было все годы Советской власти).

Рыночный режим хозяйствования действовал в отраслях лёгкой промышленности. В отраслях тяжёлой промышленности преобладал «план»: фондированное снабжение важнейшими ресурсами, плановое распределение подавляющей части произведённой продукции. А отрасли лёгкой промышленности финансировались в основном за счёт кредитов, сырьё, за исключением хлопка и других фондируемых его видов, приобретали на свободном рынке, на нём же реализовывали большую часть своей продукции. В тяжёлой промышленности 62% всей произведённой продукции поступало в плановое распределение, в лёгкой – только 12%. Накопления предприятий лёгкой промышленности предполагалось использовать на развитие тяжёлой.⁶⁹

Свобода хозяйственной деятельности государственных предприятий ограничивалась также предписанием приобретать на вольном рынке необходимые товары в первую очередь у кооперативов, затем у кустарей и только в крайнем случае – у «частных лиц вообще».

Становление хозрасчётной формы хозяйствования государственных предприятий связано с образованием трестов в 1921—1923 гг. Основным производственным звеном теперь стал трест, который становился самостоятельным предприятием с правом юридического лица. Фабрики и заводы, вошедшие в состав треста, теряли статус предприятия и назывались заведениями, т.е. несамостоятельными основными частями объединения и не имели права юридического лица, своего счёта в банке и т. д. Тресты подчинялись главным управлениям ВСНХ или непосредственно его президиуму. Преобладали мелкие тресты (63% их общего числа объединяли в среднем 7 предприятий и 359 рабочих). Крупные тресты составляли около 11%, в среднем один трест охватывал 13—14 предприятий и 12,5 тыс. рабочих. Такие тресты создавались в текстильной и металлургической промышленности.⁷⁰

Но даже крупные тресты в большинстве случаев не были подлинными производственными объединениями – это были просто переименованные главки времён «военного коммунизма». Г. Цыперович даёт им такую характеристику: «Новые организации (тресты и управления) не дали государству, по крайней мере не дали сразу, именно того, для чего они организовывались вместо главков и центров. Тресты и управления должны были установить не механическое, а органическое объединение предприятий, добиться наивысших результатов в деле комбинирования, а также в деле отбора предприятий, наиболее рационально поставленных, способных выпускать наилучший и наиболее дешёвый товар. В действительности лишь очень немногие тресты и управления сразу пошли по этому пути. Главки и центры, преобразованные в тресты и управления, оказывали самое решительное сопротивление „хозяйственному расчёту“, хотя на словах как будто руководились им».⁷¹

Даже так называемый полный хозрасчёт трестов на самом деле был половинчатым, непоследовательным, что отражало их двойственное положение в народном хозяйстве. По решениям XII съезда РКП (б), Декрету о трестах 1923 г. и по другим документам трест

⁶⁹ Лапина С. Н., Лелюхина Н. Д., Федоровская Е. С. Государственная собственность и рынок: опыт нэпа. С. 69—70.

⁷⁰ Там же. С. 71.

⁷¹ Лацис О. Выйти из квадрата. М., 1989. С. 180.

являлся и самостоятельной хозрасчётной единицей, и нижней ступенью государственного управленческого аппарата, деятельность которого определялась вышестоящими органами. Отделения от государственного аппарата и превращения в самостоятельного товаропроизводителя не произошло.

«Хозрасчётные тресты» не были собственниками своих основных фондов, эти фонды были изъяты из рыночного фонда и управлялись ВСНХ и наркоматами. Тресты не имели права продать, заложить их, сдать в аренду, возвести здания и сооружения. Они самостоятельно распоряжались только оборотными фондами, явно недостаточными для хозяйствования и к тому же ежегодно утверждаемыми ВСНХ. Производственные задания устанавливались «сверху». Вышестоящие органы утверждали сметы доходов и расходов, отчёты и балансы, назначали и смещали правления трестов, вмешивались в процессы ценообразования и сбыта продукции. Широко практиковались принудительные цены на товары, предназначенные для свободной продажи, убыточные госзаказы. Доход трестов рассматривался как доход казны. На нужды трестов оставлялось до 20% прибыли: в резервный фонд, специальный фонд улучшения быта рабочих, на премирование администрации и работников. Размер отчислений средств из прибыли трестов и план их использования устанавливался ежегодно ВСНХ или ВСНХ по согласованию с Наркомфином.

Трестовский хозрасчёт не распространялся непосредственно на производство, на деятельность входивших в трест предприятий, результаты работы предприятий обезличивались в едином балансе треста. Принципы оплаты труда не соответствовали хозрасчётным отношениям, зарплата рабочих гарантировалась административно-правовыми мерами, т.е. системой норм и тарифов, оплата за выполненную работу не была связана с результатами деятельности предприятия.⁷²

Так или иначе, с переходом к нэпу и отказом от наиболее одиозных черт военного коммунизма началось восстановление промышленности, сокращение безработицы (после некоторого её увеличения в начале), повышение уровня удовлетворения потребности населения в промышленных товарах, который, однако, в середине 1920-х гг. составлял немногим более половины к уровню 1913 г. (соответственно 25 руб. 65 коп. и 47 руб. 23 коп.). Уменьшилось госбюджетное финансирование промышленности. В 1925/26 г. в капиталовложениях в промышленность амортизация и собственная прибыль составили 59%. Общие итоги развития промышленности в 1922—1928 гг. таковы: валовая продукция выросла в 3,3 раза, в том числе производство средств производства в 5,2, а предметов потребления – в 3 раза.

Вместе с тем тресты не смогли стать образцом эффективного хозяйствования. Себестоимость промышленной продукции возросла в 2—2,5 раза по сравнению с уровнем 1913 г. Соответственно и цены на промышленные товары в 1926 г. в 2 раза превышали цены 1913 г. и были выше в 2,4—2,5 раза, чем в ведущих капиталистических странах. Ощущалась острейшая нехватка промышленных товаров: трестирование привело к резкому усилению монополизма в промышленности.⁷³ Стремясь покрыть издержки производства и получить больше прибыли тресты и синдикаты стали устанавливать высокие цены на свою продукцию. В результате промышленность оказалась в тяжелейшем кризисе сбыта, а крестьяне неплатёжеспособными. К осени 1923 г. возникли «ножницы цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары в соотношении 3:1. Этому способствовали также хороший урожай 1922 г. и успешное проведение заготовительной кампании, что привело к снижению цен на сельхозпродукцию.⁷⁴

⁷² Лапина С. Н., Лелюхина Н. Д., Федоровская Е. С. Государственная собственность и рынок: опыт нэпа. С. 71—72.

⁷³ Там же. С. 72—73.

⁷⁴ Неретина Л. А. Реорганизация государственной промышленности в 1921—1925 гг.: принципы и тенденции развития // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 80—81.

Для выхода из создавшегося кризиса правительство прибегло к административному снижению оптовых цен, но оно на деле не сопровождалось снижением розничных цен, складывающихся на рынке.

Вроде бы отпущенные на свободу, тресты постоянно испытывали на рынке большие трудности. Трестам не хватало оборотных средств. Они не были собственниками основных производственных фондов и не могли получить кредиты под залог имущества, сдавать часть его в аренду или продавать. Поэтому «хозрасчётные» тресты стали активно заниматься снабженческо-сбытовой деятельностью, продавать свою продукцию в условиях инфляции в начале нэпа по убыточным ценам. Погоня за вечно недостаточными оборотными средствами привела к так называемому разбазариванию промышленности, чему способствовало предписание Наркомфина о трате ассигнований на закупку сырья и материалов в двух-трёхдневный срок. С другой стороны, тресты, пользуясь монопольным положением, часто придерживали продукцию, что вело в условиях всеобщего дефицита к затовариванию, образованию неликвидов при острой нехватке товаров на рынке.

В результате в 1922 г. государственная промышленность понесла убытки в размере 150—200 млн руб. золотом. Страх перед рынком, желание его контролировать привели к созданию синдикатов, объединявшие крупные тресты на акционерных началах. Синдикаты были оптовыми торговцами и должны были стать противовесом частному посредничеству в торговле трестов. Синдикаты прежде всего возникали в отраслях лёгкой промышленности, чья продукция пользовалась большим спросом. Такие синдикаты организовывались добровольно на паях трестов. Другой тип синдикатов, как правило, в тяжёлой промышленности, был организован сверху по инициативе ВСНХ в обязательном порядке. Продукция таких трестов реализовывалась только через синдикат государственному потребителю.

С монополизацией рынка синдикатами стало нарастать их регулятивно управленческое влияние на производство: повышались требования к трестам по ассортименту, себестоимости, качеству выпускаемой продукции. На основе генеральных договоров тресты сдавали синдикатам теперь не менее 80% продукции вместо 15—20% ранее. Утверждённый Президиумом ВСНХ в октябре 1925 г. «план завоза» и «распределения» промтоваров усилил централизованное снабжение промышленности по фондам и нарядам через синдикаты, которые контролировали теперь целые отрасли промышленности.

Усиление роли ВСНХ и синдикатов-монополистов в управлении промышленностью означало возврат к отраслевому принципу управлению ею из центра. В конце 1920-х гг. после очередной реорганизации ВСНХ синдикаты превратились из снабженческо-сбытовых органов в административных исполнителей распределения материальных фондов.⁷⁵

Не соответствует представлениям о нэпе как времени господства рыночных отношений в экономике СССР и финансово-денежная политика государства. Уже вскоре после проведения денежной реформы, которая привела к появлению твёрдой денежной единицы — червонца, Советское государство возвращается к инфляционному методу финансирования государственных расходов путём чрезмерной эмиссии бумажных денег и введения безналичного денежного оборота. Так, Госплан определил в 1926 г. увеличение денежной массы на 76% при снижении уровня оптовых цен на 8%.⁷⁶ А на примере политики военного коммунизма известно, что в таком случае у государства только два пути: или допустить рост цен в соответствии с ростом денежной массы (но тогда зачем печатать бумажки), или встать на путь административного регулирования цен, прежде всего введения твёрдых цен. Прак-

⁷⁵ Там же. С. 82—84.

⁷⁶ Бокарев Ю. П. Денежная политика середины 20-х годов и крушение рынка // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 114.

тика административного определения цен к 1925 г. уже широко использовалась. При этом методы установления были более чем антирыночными.

В апреле 1926 г. были образованы центральная, республиканские и местные межведомственные комиссии по снижению розничных цен, наделённые широкими полномочиями, а осенью были расширены права Наркомторга СССР в деле регулирования цен. Так началось окончательное превращение цен из активных элементов экономики в простую единицу учёта количества продукции.

В условиях рыночной экономики цены на недостающие товары повышаются, что, с одной стороны, ограничивает их потребление, а с другой – делает прибыльным их производство и приводит к его росту, что способствует ликвидации дефицита. Советские государственные органы поступали всегда прямо противоположным образом. Так в постановлении Совета труда и обороны (СТО) «О снижении розничных цен на недостаточные товары государственной промышленности» от 2 июля 1926 г. были детально регламентированы сроки и размеры снижения цен, меры по уменьшению торгово-накладных расходов, планы борьбы со спекуляцией, предусматривались даже «перевыборы» руководства кооперативов в случае нарушения ими предельных торговых накидок и срыва намеченного комиссиями 10% снижения цен на дефицитные товары.

Окончательно ликвидировало последние следы рыночных отношений в промышленности введение в 1927 г. среднего процента прибыли, определяемого для всей промышленности, её отраслей и предприятий. Средняя норма прибыли была включена в калькуляции отпускных цен, а вся прибыль сверх этой нормы должна была передаваться государству для перераспределения среди убыточных предприятий.⁷⁷

О квалификации вождей партии и государства, определявших экономическую политику государства, есть яркое свидетельство Ф. Дзержинского. В своём последнем выступлении на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) 20 июля 1926 г. он говорил прямо и откровенно, что «поражён в величайшей степени тем обстоятельством, что один из них [Л. Каменев], будучи Наркомторгом... а другой заместителем председателя ВСНХ [П. Пятаков] проявили полное незнание и незнакомство с теми вопросами, о которых они здесь трактовали... чтобы рассказать вам об опасностях частного капитала, – «кто кого», он [Каменев] ... обнаружил свое полное незнание и непонимание этого вопроса...»

Теперь об оптовых ценах. И здесь то же невежество и незнание... А если вы посмотрите на весь наш аппарат... если вы посмотрите на наш неслыханный бюрократизм, на нашу неслыханную возню со всевозможными согласованиями, то от всего этого я прихожу прямо в ужас... вы [Каменев] занимаетесь политиканством, а не работой».⁷⁸

И это о вождях и теоретиках партии большевиков, что же говорить об остальных руководящих кадрах. В Президиумах ВСНХ СССР и РСФСР было 90,9% коммунистов, из них примерно 40% имели низшее образование.⁷⁹ Среди членов правления промышленных трестов была большая доля рабочих, в подавляющем большинстве своём имевших только начальное образование. Рубить шашками таким руководителям экономики было куда привычнее, чем налаживать производство, торговать, конкурировать с частником...

Казалось бы, после проведения реформ денежного обращения (введение твёрдой денежной единицы – червонца) и налоговой системы (вместо натурального сельскохозяйственного налога был введён денежный), процесс денатурализации народного хозяйства должен был завершиться и в таком случае должны были расти авторитет Наркомфина и Гос-

⁷⁷ Бокарев Ю. П. Денежная политика середины 20-х годов и крушение рынка. С. 16—117.

⁷⁸ Дегтярев Г. П. НЭП: идеологические тупики хозяйственной реформы // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 133.

⁷⁹ Неретина Л. А. Реорганизация государственной промышленности в 1921—1925 гг.: принципы и тенденции развития. С. 81—82.

банка и их роль в разработке и осуществлении новой экономической политики с точки зрения строгой финансовой дисциплины и контроля, но, главным образом, ограничения эмиссии в разумных пределах. Однако на самом деле авторитет Наркомфина и Госбанка стал неуклонно снижаться, так как контроль над денежной эмиссией фактически был отдан государственным органам, которые тем или иным образом были заинтересованы в инфляционной политике для пополнения по первому требованию основного и оборотного капитала.⁸⁰

Существовала и существует точка зрения, что задачей государства в период нэпа было овладение рыночными механизмами. И. А. Исаев пишет, что в условиях хозяйственного кризиса 1923 г. была сделана ещё одна попытка сочетать регулирование с «рыночной стихией». Однако роль последней была определена как «враждебная» и «иррациональная» и дальнейшее формирование хозяйственных механизмов для управления экономикой проходило уже под знаком усиления административно-командных начал.

Тот же И. А. Исаев считает, что «при системе смешанной экономики рынок и конкуренция не могли без участия регулирующего начала обеспечить автоматическое послекризисное восстановление системы». В результате сильного давления на частный капитал уже в 1924 г. частный торговец проявил явное стремление к уходу с легального рынка и изъём из оборота часть своих капиталов, кооперация же была не готова занять место частного сектора. Было очевидно, что полное вытеснение частного предпринимательства является преждевременным. Поэтому задачей «новой торговой практики», полагает И. А. Исаев, «стала стабилизация хозяйственной ситуации и одновременное усиление планового регулирующего начала» И дальше самое интересное: «Механистическое противопоставление плана и рынка не отвечало практическим хозяйственным нуждам и ситуации и вся система нэпа могла быть условно определена формулой: „рынок плюс план“. Стихийные же тенденции, хотя и не исчезали в продолжение всего периода нэпа, однако не определяли путей дальнейшего развития всего народного хозяйства в целом или даже трансформации его частного сектора. Им не удалось перерасти в самостоятельный регулятор, несмотря на то, что неоднократно складывалась ситуация максимального их усиления, как это произошло осенью 1923 г. Ошибка экономистов, как „правого“, так и „левого“ уклонов, заключалась в смешении категорий „рынок“ и „стихийный регулятор“. Если категории и институты рынка могли быть вполне эффективно использованы в процессе построения хозяйственных планов, то „стихийный регулятор“ был определён враждебен плановому началу. Само же плановое начало вовсе не означало преодоления рынка, понимаемого как рыночно-меновая форма, но лишь преодоление... его „стихийной души“». ⁸¹

Категории и институты рынка нельзя сочетать с построением хозяйственных планов казённой экономики, ибо «стихийная душа» рынка и есть его *суть*, без которой рыночной экономики просто не бывает. Для преодоления стихии рынка надо овладеть всей полной информацией (и не только экономической, но и природно-климатической, политической и т.д.) в прошлом и настоящем. И вносить изменения в общую картину мгновенно, как только она изменится, т.е. непрерывно и так же непрерывно принимать решения, передавать эти решения исполнителям и добиваться столь же мгновенного их выполнения. А все это означает желание уподобиться всезнающему и всемогущему Богу. Государственное же регулирование экономики в условиях рыночных отношений не означает ликвидации рыночных механизмов ценообразования, а всего лишь косвенное влияние на них и борьбу с монополизмом и его отрицательными последствиями. Основным отрицательным следствием моно-

⁸⁰ Симонов Н. С. Из опыта финансово-экономической реформы 1922—1924 гг. // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 110—111.

⁸¹ Исаев И. А. НЭП: рыночная перспектива // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 96—97.

полизма и является подавление рыночного способа установления цен и замена его произвольным, по усмотрению монополиста.

Не лучше было положение с допущением рыночных отношений в сельском хозяйстве и восстановлением сельскохозяйственного производства. При этом наибольшее отставание отмечается по качественным показателям. Большой интерес в этом отношении вызывают данные, содержащиеся в записке работника Наркомата земледелия К. Савченко на имя Сталина от 10 мая 1927 г.

К. Савченко пишет, что посевная площадь в абсолютной величине в 1926 г. возросла до 96,1% к уровню 1913 г., но на душу населения – только до 90,5%. Скота в переводе на крупный в абсолютных цифрах было 91,8% к 1913 г., а на душу сельского населения – 86,8, лошадей соответственно 80% и 75,6%. Вся валовая продукция сельского хозяйства равнялась 85,5%, а товарная его часть только 63,9% на душу сельского населения к уровню 1913 г. Сельскохозяйственный экспорт составлял всего 42% к довоенному.

Савченко подчёркивает, что «последние два года отмечался рост урожайности на десятину, но это результат благоприятных природных условий. Рост посевных площадей, увеличение скота, урожаи последних двух лет вскружили нам головы. Лозунг – не командовать мужиком мы забыли. От поворота лицом к деревне (не на бумаге, а на деле) мы отказались, и сельское хозяйство деморализовано, сельское хозяйство впало в кризис, социальная справедливость подмокла». Лозунг «лицом к деревне» действовал до 1925 г. и сельское хозяйство быстро поднималось, но потом стимул к подъёму ослаб, он парализован.

По словам того же Савченко, быстрый подъём сельского хозяйства испугал часть партийцев (оппозицию), боясь открытого признания страха перед подъёмом сельского хозяйства они одели тогу борцов с кулачеством, крича об этом призраке, под видом борьбы с кулаком начали штурмовать сельское хозяйство. В результате в нём начался спад. Посевная площадь технических культур выросла в 1925 г. по отношению к 1924 г. на 125%, а в 1926 г. к 1925 г. – только на 94, из них лён вместо 125% – только на 100,4 (это вместе с потребительским, а в товарных районах сократился на 3,7%, а к 1913 г. составляет 85,6%); конопля вместо 120% в 1925 г. дала 98, подсолнечник вместо 120% – только 80, табак вместо 152% – 80, свёкла вместо 163% – 111 (а к 1913 г. – только 86,8% абсолютной величины), хлопок 132 и 112%, кукуруза 166 и 83%, при этом урожайность упала ниже убогого довоенного уровня.

Поголовье крупного рогатого скота в 1926 г. составляло 108% к уровню 1913 г., но тоже стало сокращаться: в центральных районах поголовье коров уменьшилось на 0,6%, а молодняка старше года – на 23,2, до года – на 14,1, свиней стало меньше на 3,3%. Падение поголовья скота является грозным признаком, который свидетельствует о низком уровне сельского хозяйства, о том, что урожайность не растёт, деревня не может прокормить больше довоенного уровня скота и количество его вследствие отсутствия кормов падает, а регулирование цен на молочные продукты, частично налоги, а в довершение опасность за лишнюю корову попасть в кулаки, лишиться избирательного права довершают дело сокращения скота.⁸²

Современные исследования показывают, что только в 1922—1924 гг. хлебозаготовки велись преимущественно на рыночной основе, хотя и тогда шло уже усиление государственного и кооперативного заготовительного аппарата. В 1924—1925 гг. роль и централизация государственно-кооперативного заготаппарата ещё более усилились, началось административное наступление на частный хлеботорговый капитал. В 1926—1927 гг. была окончательно восстановлена хлебная государственная монополия, а рыночный механизм ценообразования заменён на директивный.⁸³

⁸² Письмо К. Д. Савченко И. В. Сталину 10 мая 1927 г. // Известия ЦК КПСС. 1989, №8. С. 202—204.

⁸³ Ильиных В. А. Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях нэпа (1921—1927 гг.) //

Вредные последствия растущего государственного вмешательства наглядно иллюстрирует Савченко. Так, осенью 1924 г. лимитная цена на хлеб была установлена 58 коп. за пуд, хлеб бедняков скупил «кулак и спекулянт», добавляя по 2 коп., а весной 1925 г. хлеб на месте без перевозки продавался по 5—6 руб. пуд (район засухи и Центрально-Черноземный район). Он пишет: «Каменев выступал даже с предложением об откачке от кулака. Лозунг об откачке тоже не прошёл даром: крепкий хозяин считал – не для чего производить, ибо откачают, да и в кулаки попадешь, а слабый думал – зачем напрягать усилия и производить, авось мне подкачают. Мне лично это говорили крестьяне в Курской, Пензенской, Смоленской губерниях. Это называется стимулом к повышению производительности труда – можно ли было придумать больше глупости. А к 1926 г. начали регулировать цены на разные продукты сельского хозяйства – и всё под самым святым предлогом борьбы с кулаком и помощи бедноте, и помогли ей, как волк помог лошади, когда остались хвост и грива.

«Срегулировали» яйца, которые скупил спекулянт, «срегулировали» масло так, что рабочим осенью и зимой 1926—1927 гг. приходилось по полсуток стоять в очереди за фунтом подсолнечного масла, а коровье масло летом 1926 г. за счёт недоплаты мужику ели все и главным образом спекулянты и городские обыватели, а крестьянин был вынужден сократить поголовье коров, защищая себя от убытков».⁸⁴ Подобные примеры государственного головотяпства, бездарного вмешательства в производство можно приводить до бесконечности. Стоит ли удивляться нараставшим трудностям с продовольствием и сельскохозяйственным сырьём к концу 1920-х гг.

Ещё об одной проблеме стоит сказать особо. Это проблема обеспеченности сельского хозяйства живым и мёртвым инвентарем, которая была на уровне 77%, а сельскохозяйственным – 67,4% к убогому довоенному уровню.⁸⁵ Положение ухудшалось опережающим ростом цен именно на сельхозинвентарь по сравнению с сельхозпродукцией. Так, до войны крестьянин, чтобы оплатить стоимость плуга, должен был продать 6 пудов пшеницы, а в 1923 г. – 24; чтобы купить сенокосилку – соответственно – 125 и 544 пуда.⁸⁶ Чрезмерно высокой была стоимость потребительских промышленных товаров по сравнению с 1913 г.

В середине 1920-х гг. капитал зажиточного крестьянского хозяйства в СССР составлял 800—2000 руб., а американского фермера – 8—12 тысяч руб.⁸⁷ И как результат, в 1927 г. Г. Кржижановский писал, что «за счет деревни мы не располагаем никакими ресурсами для осуществления намечаемого нами плана индустриализации... При низком уровне производительности труда и низком душевом доходе деревня живёт на пороге физиологических норм существования и не может служить сколько-нибудь заметным источником для социалистического накопления».⁸⁸

Считается, что к 1925 г. восстановление промышленности в основном закончилось и страна была готова к рывку в виде ускоренной индустриализации и коллективизации. По официальным данным национальный доход СССР в 1928 г. вырос на 19% к уровню 1913 г. (США на 40%). Но фактическая картина была другая. По подсчётам Г. Ханина национальный доход СССР в 1928 г. был ниже довоенного на 12—15%, а на душу населения – на 17—20%.⁸⁹ После 1925 г. наблюдается снижение темпов роста производительности труда и промышленного производства. В чём причина расхождений между официальными цифрами и расчётами Г. Ханина? В особенностях советской статистики.

НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 174.

⁸⁴ Письму К. Д. Савченко И. В. Сталину 10 мая 1927 г. С. 204.

⁸⁵ Там же. С. 204.

⁸⁶ Поляков Ю. А., Дмитренко В. П., Щербань Н. В. Новая экономическая политика... С. 74.

⁸⁷ Горинов М. М. Альтернатива Г. Я. Сокольниковой // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 123.

⁸⁸ Роголина Н. Л. Новая экономическая политика и крестьянство // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 142.

⁸⁹ Ханин Г. Почему и когда погиб нэп? // ЭКО. 1989, №10. С. 70.

До 1925 г. советская статистика исчисляла развитие промышленности примерно так же, как это делают в большинстве стран: данные о производстве продукции в натуре за предшествующий год сравниваются со сведениями за год последующий. Но так как видов продукции много, то берут те, которые наиболее полно характеризуют общий темп развития индустрии, например, производство электромоторов в штуках и суммарной мощности.

Но по мере централизации управления положение стало меняться. Предприятиям начали задавать директивный план, в том числе по общему объёму производства и, соответственно, требовать отчёта о выполнении этого плана по выпуску всей продукции. По сумме заводских отчётов определялся общий темп развития. Так как счёт теперь шёл не в натуральных единицах, а в рублях (иначе невозможно сравнить деятельность различных предприятий и суммировать результаты работы разнопрофильных производств), то отчёты стали врать. Счёт в рублях может быть точным только в случае неизменности оптовых цен и номенклатуры изделий, а так не бывает, тем более что во второй половине 1920-х гг. начинается уже не только восстановление старых предприятий, но и строительство новых. И уже в 1926 г. председатель ВСНХ Ф. Дзержинский заметил: «Я утверждаю, что цифры, которые дают нам тресты, раздуты, что они фантастичны. Та отчётность, которую мы собираем, есть фантастика, квалифицированное враньё... При этой системе выходит так, что ты можешь врать сколько угодно».

В Конъюнктурном институте Наркомата финансов ещё исчислялись в научных целях индексы физического объёма, а в ЦСУ тем же способом – производительность труда. Но эти индексы с каждым годом всё резче расходились с официальными отчётами. Возникло как бы две статистики. Одна сигнализировала о громадных скоростях индустрии, другая – о более скромных достижениях. К началу 1930 г. исчисление индексов прикрыли.⁹⁰

По существу в 1920-е гг., в период нэпа, была предпринята попытка научиться согласовывать элементы государственного хозяйства в его казённых формах в их взаимодействии как между собой, так и с рыночной стихией, опираясь при этом на твёрдую валюту, на организацию кредита, на накопление и маневрирование материальных фондов, на укрепление хозрасчёта государственных трестов. Другими словами, пытались соединить административно-командные, бюрократические методы управления казённой промышленности с элементами косвенного влияния на частный и кооперативный сектора экономики через финансовые способы регулирования, изгнав в то же время «стихийную душу» рынка, создать, таким образом, условия для преимущественного развития тяжёлой промышленности. Сделать это хотели тогда, когда ещё не восстановились в полном объёме сельское хозяйство, перерабатывающая и лёгкая промышленность и не создали платёжеспособного спроса на продукцию тяжёлой промышленности. Но волевой, административный, нерыночный, неэквивалентный перелив материальных и финансовых ресурсов из сферы сельского хозяйства, лёгкой и перерабатывающей промышленности в отрасли тяжёлой ограничивал возможности для развития этих отраслей экономики. Одновременно он не создавал здоровых основ для развития тяжёлой промышленности. Продукция которой, во-первых, была убыточной, во-вторых, всё больше состояла в производстве вооружений и средств производства для себя самой же и для производства вооружений, а не для тех отраслей, которые работали на широкий рынок, на удовлетворение потребностей людей, т.е. создавали реальные ценности.

Результаты оказались плачевными. Не получилось ни развития тяжёлой промышленности, тем более ускоренного, ни обеспечения достаточно высокого уровня жизни населения. О первом говорят данные о продолжающемся отставании СССР в темпах развития промышленности от Запада и обеспеченности Красной Армии в вооружениях. В 1927 г. ВСНХ

⁹⁰ Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Уроки горькие, но необходимые. М., 1988. С. 238—239.

констатировал, что по большинству основных предметов вооружения заводы военной промышленности не могут при всём напряжении покрывать потребности военного ведомства. В некоторых случаях они способны удовлетворять потребности лишь на 10—15%, больше половины изделий – не более чем на 50%. Наиболее слабым звеном оставалось производство боеприпасов и сложной военной техники (автобронетанковая и авиационная промышленность находились в зачаточном состоянии).⁹¹

О неспособности государства обеспечить население продовольствием и товарами широкого потребления говорят введение карточек в крупных городах уже в 1927 г., их нехватка и дороговизна в конце 1920-х гг., рост недовольства советской властью не только среди крестьян и частных собственников, но и среди рабочих.

В этих условиях правящая верхушка стояла перед выбором: или взять курс на форсированную индустриализацию с военным уклоном и раздуванием военного психоза в обществе, или признать своё поражение, свою неспособность справиться с управлением государством и уйти с политической арены. Выбор её известен.

⁹¹ Симонов Н. С. «Крепить оборону Страны Советов» («Военная тревога» 1927 года и ее последствия) // Отечественная история. 1996, №3. С. 156.

3.2. Индустриализация. Первые пятилетки

В сущности, после окончания восстановления народного хозяйства произошло восстановление старой структуры экономики, старых противоречий между социально-экономическими укладами и внутри них. При всей задавленности частнохозяйственного, рыночного уклада он всё же контролировал почти всю розничную торговлю, а в деревне, в расцвет нэпа, всю, в промышленности ему просто не дали развернуться административными мерами. Следовательно, вновь встали задачи преобразования деревни, задышавшейся и в 1920-е гг. от безработицы, малоземелья, нехватки капиталов, преобразования мелкокрестьянского производства в крупное производство промышленного типа.

Таким образом, вновь встала проблема путей индустриализации России. Или через свободу рыночных отношений, частной собственности и предпринимательства, что предполагает развитие в первую очередь аграрного сектора и промышленных отраслей, работающих на широкое потребление и на сельское хозяйство. Или через государственную модернизацию при опережающем росте тяжёлой индустрии в интересах государства и производстве в основном вооружения и средств производства для тяжёлой и оборонной промышленности.

В силу разных причин Советский Союз пошёл по второму пути. Окончательный выбор пути произошёл в ходе первой пятилетки. Причём первоначально левацкая идея скачка, сверхиндустриализации, бытовавшая во внутрипартийных спорах все 1920-е годы, по крайней мере, на словах и открыто, отрицалась сталинской группировкой.

В выступлениях Сталина и партийных резолюциях этого времени постоянно подчёркивалось коренное отличие социалистической индустриализации от капиталистической – первая происходит в условиях улучшения уровня жизни, а вторая – ухудшения. Так в резолюции XV съезда ВКП (б) «По отчету Центрального Комитета» прямо записано: «Генеральная установка на индустриализацию нашей стране должна сопровождаться решительным курсом на *рационализацию* производства и управления. Рационализация производства вместе с улучшением и упрощением государственного и кооперативного аппарата на предстоящий период является узловой задачей. В интересах повышения материально-культурного уровня жизни пролетариата, а также в интересах рационализации производственного процесса партия провозгласила постепенный переход к семичасовому рабочему дню, при дальнейшем повышении жизненного уровня рабочего класса, что является принципиальным отличием наших методов рационализации от методов капитализма, где рационализация, наоборот, сопровождается понижением жизненного уровня масс и удлинением рабочего дня. Призывая все партийные, хозяйственные, профессиональные и советские организации со всей энергией взяться за разрешение этой важнейшей задачи – социалистической рационализации, XV съезд ВКП (б) считает, что только на её основе возможно осуществление индустриализации страны (включающей в себя индустриализацию и сельского хозяйства), рассасывание безработицы, изживание бюрократических извращений пролетарского государства, растущее удовлетворение потребностей рабоче-крестьянских масс, их дальнейший культурный рост, преодоление главных трудностей социалистического строительства.⁹²

Но одновременно в резолюции XV съезда ВКП (б) «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» в 1927 г. было предписано: «Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности

⁹² Хрестоматия по истории КПСС. Т. 2. М., 1989. С. 132.

в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время».⁹³

Тем не менее в резолюции говорилось о необходимости обеспечения таких пропорций между накоплением и потреблением, чтобы добиться длительно наибольших темпов развития, отвергалась максимальная перекачка средств из сельского хозяйства в промышленность, ставилась задача роста сельскохозяйственного производства, подчёркивалась необходимость развития местной мелкой промышленности для изживания безработицы и насыщения рынка товарами и расширенного потребления рабочих и крестьянских масс. Производственную кооперацию крестьян предполагалось развивать постепенно и без насилия. Основным источником средств на индустриализации предполагались накопления в самой промышленности за счёт роста производительности труда.

Казалось бы, съезд предусмотрел многие трудности, многие опасности, которые подстерегали страну на пути ускоренной индустриализации и сами директивы были плодом долгой и тщательной работы по их подготовке.

В соответствии с директивами XV съезда ВКП (б) было разработано два варианта первой пятилетки – отправной и оптимальный. Разница между этими вариантами была в 10—15%, в зависимости от конъюнктуры внешнего рынка, так как основным источником валюты для импорта машин и оборудования был хлеб, мировые цены на который не зависели от воли Советского правительства. Но сначала оптимальный план стал считаться единственно возможным, а затем постановлениями ЦК ВКП (б), Совнаркома и ЦИК СССР были повышены плановые показатели по некоторым видам продукции. Был выдвинут лозунг «Пятилетку – в 4 года!», а принимавшиеся годовые планы приобретали всё более форсированный характер.

Прежде чем подводить итоги первой пятилетки, оценивать её результаты, как и результаты «планового» периода российской экономики, следует поставить вопрос: а возможно ли вообще директивное планирование, когда на пять лет вперёд расписывается: сколько и что производить, кому и где? Для составления такого плана необходимо обладать всей полнотой информации о *всех* сторонах жизни общества в момент составления плана, предвидеть научные открытия и технические разработки на несколько лет вперёд, знать точную динамику изменения численности и половозрастного состава населения и многое другое, что невозможно по определению. Какой же выход нашло советское руководство?

А очень простой: ликвидировало правдивую статистику, заменив её удобной, но лживой. В результате планирование шло наобум, хотя формально работа проделывалась гигантская и в ходе подготовки первого пятилетнего плана и всех последующих. При разработке первого пятилетнего плана была собрана масса всевозможных сведений, запрашивались мнения всех крупнейших экономистов (включая А. Чаянова, Н. Кондратьева и других, которых потом репрессировали), предлагали всем подавать свои соображения (так появилась записка К. Савченко).

Но одновременно изменили методику исчисления индексов экономического развития, перешли к счёту в рублях без учёта инфляции. К началу 1930 г. прикрыли исчисление индексов физического объёма и производительности труда по прежней методике, ликвидировали Конъюнктурный институт, а вместо самостоятельного ЦСУ создали отдел статистики в Госплане, т.е. статистиков подчинили плановикам (чтобы не мешали).

Между тем оптовые цены галопировали, ежегодный их рост измерялся двухзначной цифрой, в ходе первой пятилетки быстро обновлялся ассортимент продукции, возникали новые отрасли промышленности – идеальная почва для роста цен.

⁹³ Там же. С. 136.

Несколько примеров того, к чему это привело. В 1930 г. вышла книжка Ю. Бердичевского (начальника планового отдела крупного завода в Одессе) «Учёт и планирование производительности труда», в которой сообщалось, что производительность труда на заводе по общепринятому методу (в рублях) поднялась за год на 90%, а если исключить рост цен – то только на 10%. В 1931 г. Ехович (сотрудник Союзсельмаша) в газете «Экономическая жизнь» писал, что в стоимостном выражении объём производства в отрасли возрос с 1913 г. в 9 раз, а количество отработанных человеко-часов – лишь в 2 раза. Как это могло быть, учитывая низкую в ту пору квалификацию работников (вчерашних крестьян), плохое питание, нехватку оборудования?

Центральное управление дорожного транспорта сообщало в 1930 г. о работе отрасли: «Сколько фактически перевезено – точно неизвестно... Надо признать со всей откровенностью, что мы не знаем, каким хозяйством мы руководим».

В конце 1931 г. пришлось создавать Центральное управление народнохозяйственного учёта (ЦУНХУ) во главе с В. Осинским, которое навело некоторый порядок в статистике. Но это продолжалось недолго, в 1935 г. В. Осинского сняли, через два года были арестованы почти все его ближайшие сотрудники.⁹⁴

Характерно, что окончательное утверждение планов первой и второй пятилеток происходило спустя год (!?) после их официального начала, да и остальные пятилетки принимались, как правило, в начале их первого года, а не заранее. Обобщая исследование по составлению второго пятилетнего плана Р. Девис и О. Хлевнюк пришли к выводу: «Конкретное изучение обстоятельств разработки и принятия планов второй пятилетки прежде всего подтверждает факт, который вряд ли нуждался в подтверждении: высшей инстанцией, в конечном счёте определявшей принципы экономической политики, было Политбюро, которое, в свою очередь руководствовалось мнением Сталина. Однако это не раз доказанное положение, как свидетельствуют приведенные материалы, лишь отчасти характеризует механизм принятия решений».

Отрезвление после кризиса на рубеже пятилеток сопровождалось нарастанием относительного «разномыслия» в различных структурах партийно-государственного аппарата. Не имея больше возможности беспрекословно подчиняться принципам форсированного развития и вынужденные считаться с социально-экономическими реальностями, различные инстанции, не исключая и высшее политическое руководство, всё чаще предлагали решения, противоречившие политике «большого скачка». Всё откровеннее проявляли себя прагматичные ведомственные интересы, ранее абсолютно подавленные «единой волей». Корректировка же «генеральной линии», придание ей большей гибкости происходили в результате сложного взаимоучёта интересов и позиций различных государственных инстанций: хозяйственных наркоматов, Госплана, Наркомфина, руководства правительства. Политбюро и Сталин чаще всего выступали в роли арбитра, который хоть и обладал решающим голосом, но должен был считаться с претензиями нередко конфликтующих сторон. В советской партийно-государственной системе весомость этих претензий напрямую зависела как от степени приоритетности задач, которые решало то или иное ведомство, так и от влияния его руководителя. Некоторую роль в разработке экономической политики мог играть, например, такой внеэкономический фактор, как членство Куйбышева или Орджоникидзе в Политбюро».⁹⁵

⁹⁴ Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра. С. 239–241.

⁹⁵ Дэвис Р., Хлевнюк О. В. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994, №3. С. 106.

— — — — ных) —

Электро

энергия,

млрд. КВт— 22 — — — 5— —13,5 —1935 —

Уголь,

млн. т —75 — — —35,5 —64,4 —1933 — —

Нефть,

млн. т —22 —45—46 —11,6 —21,4 —1934 — 1952

Чугун,

млн. т —10 —17 —3,3 —6,2 — 1934 —1950

Мин. Удобра

ния в ус. ед.

млн. т —8 — — — — 0,1 — 0,9 — 1954— —

Тракторы,

тыс. штук— 53 —170 — 1,3 — 48,9 — 1933 — 1956

Сталь,

млн. т —10,4 — — — 4,3— 5,9 — 1935— —

Автомобили,

тыс. штук —100— 200 — 0,84 — 23,9 — 1935 — 1937

Комбайны,

тыс. штук— — — 40 — — — 10 — — — — 1937

Хлопчат

бум. ткани,

млн. м —4700 — — — 2678 — 2694— — 1951 — —

Шерстяные,

млн. м —270 — — — 86,8 — 88,7 — 1957 — —

Сахар,

тыс. т — 2600— — — 1283— 828 — 1951 — —

По всем историческим меркам это был блестящий успех. Капиталистическая индустриализация ни в одной стране не показывала подобных темпов, несмотря на то, что развитие промышленности во всех крупных капиталистических странах опиралось на внешние источники финансирования (колонии, займы, контрибуции) и происходило в благоприятных внешнеполитических условиях.

Судя по всему, первоначальный замысел Госплана (попадание в «вилку» между отправным и оптимальным вариантами плана) был в основном реальным, по крайней мере, в отношении количественных показателей. И, добавим, тяжёлых отраслей промышленности, в лёгкой промышленности и сельском хозяйстве выполнение плановых заданий было невозможным в любом случае.

Но попытка ещё более ускорить индустриализацию страны, совершить «большой скачок» нанесла народному хозяйству сильнейший удар, разрушила финансово-денежную систему, породила долгострой, развалила сельское хозяйство и лёгкую промышленность, привела к снижению жизненного уровня населения. Темпы прироста промышленной продукции в первой пятилетке резко падают в последние два года (Таб. 7, в процентах по годам).⁹⁷

Таблица 7

— — Первый— Второй— Третий— Четвертый— Пятый

⁹⁷ Лацис О. Выйти из квадрата. С. 238—239.

Отправной
вариант –21,4– 18,8– 17,5 – 18,1 – – 17,4
Оптималь-
ный – – 21,4 – 21,5 – 22,1 – 23,8 – – 25,2
Годовые
планы– 21,4 – 32,0 – 45,0 – 36,0 – 16,5
Фактические
темпы –20,0 – 22,0 – 20,5 – —14,7 – 5,5

Уже в ходе первой пятилетки усиливается милитаризация экономики. Это выражалось в постоянном увеличении доли капитальных вложений в военную промышленность, в реконструкции старых и строительстве новых военных заводов по производству стрелкового оружия, артиллерии, боеприпасов, военного снаряжения. Практически заново создавалась авиационная промышленность с преобладанием выпуска военных самолётов, с нуля появилась танковая промышленность, началось перевооружение военного флота. В гражданских отраслях усиливалось военное направление при одновременном сокращении производств, направленных на удовлетворение мирных потребностей. Так бурно росшее авто-тракторостроение сразу приобрело чётко выраженное военное направление. В химической промышленности свёртывались гражданские заказы и строились химкомбинаты для обеспечения военных нужд. Доля военных заказов в судостроении выросла с 20 до 50% за годы первой пятилетки. Шёл процесс милитаризации изобретательства, конструкторской работы, создания научно-исследовательских институтов, лабораторий, бюро – они создавались прежде всего для обеспечения военного производства и на военных заводах. Параллельно происходила «военизация» системы образования и подготовки кадров, которая была должна готовить рабочих и инженерно-технических работников для военной промышленности.

Тем не менее, в первую пятилетку только 50—60 крупнейших объектов оборонного значения снабжались и финансировались более или менее удовлетворительно. Самым узким местом военной промышленности была кадровая проблема. Огромный урон военному производству нанесло преследование старых специалистов в конце 1920-х гг.

Как результат, в 1931 г. в военной промышленности план оказался невыполненным. План по военной продукции был выполнен на 77%, хотя процент роста по отношению к предшествующему году составил 68%. Особенно напряжённое положение сложилось во Всесоюзном авиационном объединении (ВАО) – 55% выполнения плана, в Снарядном тресте – 60%, Оружейно-арсенальном объединении (ОАО) – 74%. Это был несомненный признак расстройств военной промышленности, убытки которой составили 68,9 млн руб.

О проблемах, возникших в снабжении РККА, докладывал в Комиссию обороны новый начальник вооружений Тухачевский. Самый низкий процент выполнения военных заказов, особенно новых образцов, по сведениям Тухачевского, дало ОАО. О возрастании незавершённого капитального строительства и выпуска неготовой продукции в 1931 г. докладывал в Политбюро зампред Госплана И. С. Уншлихт. По орудийному и химическому объединению «недодел» составлял 30 и 28%. Кроме того, если и раньше в военной промышленности, как и в других отраслях, значительным был удельный вес бракованной продукции, то 1931 г. можно с полным основанием назвать «годом брака». Так, если в 1927/28 г. в Ружейно-пулемётном тресте брак в процентах к предшествующему году составлял 45,7%, в 1928/29 г. – 36,2, в 1929/30 г. – 28, то в 1931 г. – 125,5%. Поставки в армию не соответствовали техническим условиям. Как отмечалось в одном из документов Военведа, приходилось браковать целые партии.

Невыполнение заданий было связано с обстоятельствами, характерными для всей промышленности СССР: распылением средств и постоянным недофинансированием капи-

тального строительства, незначительными затратами на жилищное строительство, бытовое и культурное обустройство работников. Несомненно, военная промышленность пользовалась приоритетным вниманием руководства страны, но средств постоянно не хватало и ей. Кроме того, имела место текучесть кадров на заводах и фабриках. Наибольшие размеры она приняла в металлургии и топливных отраслях, однако и в военной промышленности ситуация была неблагоприятной. Если в 1930 г. на военные заводы поступили 226 тыс. рабочих, а уволились 129 тыс., то в 1931 г. было принято 242 тыс., а уволилась 171 тыс. человек. Причиной возрастания текучести кадров был стремительный рост на заводах выходцев из деревни, бежавших от коллективизации. В поисках более приемлемых условий труда и быта они без конца странствовали по стройкам и предприятиям. Часть их оседала на заводах, однако, уровень их подготовки для работы в промышленности был крайне низким. «Самотёку» на предприятиях противопоставлялся организованный плановый набор (оргнабор) рабочей силы и её плановое распределение. По оргнабору в военную промышленность в 1931 г. было принято около 30 тыс. человек, в том числе примерно 13 тыс. колхозников и 6 тыс. единоличников, тем не менее преобладал «самотёк». Вдобавок в Ружтресте работали ещё около 8 тыс. сезонных рабочих, занятых лесозаготовками. Фактором, препятствующим выполнению плановых заданий, был очень низкий уровень квалификации ИТР – выдвиженцев из рабочего класса взамен специалистов-«вредителей», да и самих рабочих. Недостаток кадров руководство на первых порах вынуждено было компенсировать за счёт выдвижения людей, не подготовленных к той или иной профессиональной деятельности.⁹⁸

Строительство большого количества предприятий, оборудованных западными станками и прочим оборудованием, не сопровождалось соответствующим ростом производительности труда и повышением качества продукции. В высшем советском политическом и хозяйственном руководстве наметились два варианта решения этих проблем. Разногласия наглядно проявились в стахановском движении – в причинах его возникновения, оценке стахановского движения и его влиянии на производительность труда и уровень доходов рабочих. В этом отношении вызывает большой интерес статья М. А. Фельдмана. Различия в выборе дальнейшего пути развития олицетворяются в 1935—1936 гг. в деятельности наркома тяжёлой промышленности (НКТП) С. Орджоникидзе и Сталина.

Летом 1935 г. руководство НКТП во главе с С. Орджоникидзе подготовило ряд проектов, существенно менявших курс социально-экономической политики в советской индустрии. Одним из них была широкомасштабная программа обязательного технического обучения и переобучения рабочих без отрыва от производства, связанная с «социалистическим соревнованием».

Составной частью проектов было преобразование «социалистической организации труда», поскольку функции планирования, производства, снабжения и сбыта на советских предприятиях разделялись по административному принципу и были плохо скоординированы. Между тем, закупленные за рубежом, прежде всего в США, заводы с системой поточно-массового производства могли эффективно работать лишь при обеспечении соответствующих условий: непрерывного поступления сырья и материалов, наличия инженерных кадров нужной квалификации, дисциплинированных и квалифицированных рабочих. Поездки советских специалистов на американские заводы, обобщение опыта первых лет второй пятилетки привели руководство НКТП к пониманию необходимости единства трёх названных выше задач.

К середине 1930-х гг. советская промышленность в основном освоила технологии массового производства и строительства крупных индустриальных объектов. Сборочные

⁹⁸ Соколов А. К. «Особое напряжение»: кадры советского Военпрома в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Отечественная история. 2007, №4. С. 84—85.

конвейеры, сложнейшее оборудование, масштабное производство современных образцов машиностроения стали очевидным свидетельством успехов индустриализации.

Успешное выполнение относительно умеренных плановых показателей 1934 и первой половины 1935 г., более или менее стабильные отношения между высшим партийным руководством и экономическими наркоматами, казалось бы, создавали благоприятные предпосылки для проведения реформы на производстве.

Однако самостоятельность действий Орджоникидзе вызывала насторожённость Сталина. К тому же выполнение программы обязательного технического обучения и переобучения рабочих без отрыва от производства требовало немалых средств. Между тем с июля 1935 г. Сталин добился необоснованного экономически увеличения капиталовложений на второе полугодие 1935 г. в новое строительство (и, соответственно, роста плановых показателей) почти в полтора раза. Исходя из этого, в принципе, стахановское движение несло в себе серьёзный риск для правительственной программы максимизации инвестиций. Кроме того, поощрение прогрессивной оплаты труда давало возможность рабочим по собственному желанию увеличивать потребление, подталкивая государство к сокращению инвестиций.

Даже с учётом постоянной практики корректировки годовых планов наркоматов, масштаб увеличения капиталовложений в июле 1935 г. свидетельствовал об очередном повороте «генеральной линии»: ставке на новый производственный скачок. В рамках этого «скачка» Сталин рассматривал стахановское движение с чисто утилитарных позиций: как возможность без существенных капиталовложений резко повысить производительность труда рабочих, главным образом, за счёт интенсификации их труда, а также веры, что освоение новых технологий само по себе может творить чудеса. Характерно, что во второй половине 1935 г. нормы выработки промышленных рабочих были увеличены от 13—20% в чёрной металлургии до 55% в авиационной промышленности.

Примечательно, что решение Сталина и Политбюро ЦК ВКП (б) об увеличении капиталовложений на второе полугодие 1935 г. было принято в июле 1935 г., то есть до начала стахановского движения. Таким образом, для Сталина и его ближайшего окружения стахановское движение было не более чем вспомогательным инструментом.

Сопоставление стандартной ситуации для самых различных предприятий промышленности СССР в сентябре-декабре 1935 г. – щедрого денежного вознаграждения первых стахановцев; предоставления квартиры с мебелью, осуществлённых в кратчайшие сроки; вал публикаций о стахановцах в газетах и журналах, сюжеты в кинохронике – приводит к выводу о запланированном и реализованном по команде сверху широко рекламируемом эксперименте.

На эту же мысль, в частности, наводит откровенный рассказ участника областного слета стахановцев военной промышленности Среднего и Западного Урала, проходившего в декабре 1935 г. в Свердловске, начальника участка на Пермском авиамоторном заводе о том, как выбирались стахановцы. Администрация отобрала наиболее подготовленных рабочих и создала им соответствующие условия. Об этом же говорит и стенограмма первого областного совещания стахановцев в Свердловске в ноябре 1935 года. Характерно то, что все выступления рабочих – первых стахановцев – отличались очевидным прагматизмом: при ритуальном упоминании Сталина и партии упор делался на высочайшие заработки и покупке ранее недоступных одежды и обуви.

Уже при рождении стахановского движения во второй половине 1935 г. наглядно проявились два подхода к развитию советской промышленности и освоению новых технологий.

Первый – предложенный руководством НКТП – лежал в русле управленческих подходов развитых индустриальных стран.

Второй, связанный со Сталиным и его партийным окружением, основывался на максимальной интенсификации труда занятых на производстве.

Различные подходы к стахановскому движению нашли отражение в документах Декабрьского (1935 г.) Пленума ЦК ВКП (б), единственный раз в истории коммунистической партии рассмотревшего специальным вопросом проблемы организации труда (стахановского движения) и технической учёбы рабочих. По мысли Сталина, стахановское движение должно было произвести революцию в промышленности. Но на первый план (и это вошло в резолюции пленума) Сталин выдвигал борьбу с «врагами стахановского движения».

Обращает на себя внимание противоречие между высказыванием на пленуме секретаря ЦК А. А. Андреева – «все справочники по нормированию должны быть выброшены как хлам» – и словами наркома НКТП Орджоникидзе о том, что пересмотр норм должен быть связан с технической модернизацией рабочих мест и учётом мнения самих рабочих. Приведённые факты убедительно говорят о различных подходах к методам достижения целей.

С одной стороны, стахановское движение рассматривалось Сталиным как упрощённый и экономичный вариант увеличения норм выработки. Инструментом достижения цели выступала невиданная ранее агитационно-пропагандистская кампания: во всех средствах массовой информации систематически подчёркивался факт высоких и сверхвысоких заработков стахановцев. Фамилия стахановца сопровождалась цифрой заработка и указанием на то, что рабочий-передовик получил квартиру с «меблировкой». Цифры впечатляли: стахановцы получали в 5—10 раз больше, а в ряде случаев их дневной заработок превышал месячный у обычных рабочих.

Ещё одним инструментом стало запугивание всех сомневающихся во «всепобеждающей» силе стахановского труда. Так в декабре 1935 г. прокурор СССР издал циркуляр, приравнивавший антистахановские действия к терроризму.

С другой стороны, решения Пленума ЦК ВКП (б) содержали основы самой серьёзной программы повышения культурно-технического уровня рабочих крупной промышленности из тех, что принимались в 1930-е годы. Сочетание подготовки рабочих в рамках профтехшколы и непосредственно на производстве давало возможность существенно повысить квалификацию рабочих кадров. Анализ источников позволяет сделать вывод о планах Наркомата тяжёлой промышленности и руководителя НКТП Орджоникидзе обучить основную массу рабочих на курсах повышения квалификации к 1942 г., и на КМСТ (курсах мастеров социалистического труда) – к 1947 году. КМСТ создавались для наиболее квалифицированных рабочих. Успешно окончившие курсы получали звание мастера соцтруда. Количество рабочих профессий, подготовка по которым становилась обязательной, было увеличено до 500. Новые учебные планы предусматривали овладение рабочими элементами материаловедения, изучение оборудования и инструмента, некоторых основ экономических знаний. В основу обучения рабочих было положено постижение стахановских методов труда.

Для реализации указанных планов в отраслях крупной промышленности при наркоматах, главках, предприятиях была создана централизованная система руководства профессиональной подготовкой рабочих. В частности, на предприятиях возникали Советы по техническому обучению рабочих во главе с директором. Деятельность самих предприятий оценивалась по состоянию массовой технической учёбы рабочих. К преподаванию привлекли ведущих специалистов предприятий, учёных, преподавателей вузов. В кратчайшие сроки (всего за 70 дней) было написано и издано 253 учебника по техминимуму для рабочих 403 различных профессий.

Таким образом, отличия новой (с декабря 1935 г.) системы технической учёбы рабочих без отрыва от производства были следующими: во-первых, обязательность обучения для всех рабочих. По сути, государство (правда, в лице одного наркомата) провозгласило лозунг всеобщего технического образования. Во-вторых, обязательность обучения преду-

сматривала и последовательность прохождения рабочими стадий профессиональной подготовки, включая высшее звено – КМСТ, готовящих высококвалифицированных рабочих. КМСТ (курсы с двухлетней общеобразовательной и технической подготовкой) существенно отличались от предшествующей системы подготовки рабочих кадров, так как действующие в 1933—1935 гг. производственно-технические курсы второй и третьей ступеней за отведённое время обучения могли готовить только рабочих массовых профессий. В-третьих, возникала централизованная система руководства профессиональной подготовкой рабочих, адекватная системе управления в промышленности. В-четвёртых, государство впервые вкладывало крупные инвестиции в подготовку рабочих кадров непосредственно на производстве. В-пятых, создавался разветвлённый и централизованный штат преподавателей системы технической учебы рабочих без отрыва от производства.

По замыслу руководства НКТП стахановское движение могло развиваться только в неразрывной связи с системой технической учёбы рабочих без отрыва от производства.

На предприятиях тяжёлой промышленности создавался централизованный (от цеха до главка) штат инструкторов стахановских методов труда. Обобщение опыта передовых рабочих и обсуждение проблем стахановского движения велось на страницах специально созданного в январе 1936 г. журнала «Стахановец». На предприятиях создавались и стахановские школы, где квалифицированные рабочие передавали свой производственный опыт. В то же время, следует отметить, что развитию системы передачи передового опыта сильно мешал отказ администрации предприятий и ведомств финансировать труд руководителей стахановских школ. Только с мая 1940 г. это препятствие было устранено.

Немаловажно и то, что стахановское движение увязывалось с принципиальным изменением оплаты по труду (декларировалась прямая зависимость заработной платы от величины выработки). Это понималось рабочими и руководителями НКТП как стержень стахановского движения.

Однако – и в этом заключался корень проблемы – система оплаты труда, предусмотренная стахановским движением, оказалась несовместима с финансовой самостоятельностью предприятий. Постановление ЦИК и СНК от 19 апреля 1936 г. «О фонде директора», во-первых, сводило все виды премий в один премиальный фонд – директорский. Во-вторых, рамки фонда были ограничены 4% от чистой прибыли предприятия, из которых только 2% могли быть направлены на премирование. В-третьих, в связи с созданием фонда директора ликвидировались фонды улучшения быта рабочих. Этим документом государство наглядно показывало своё подлинное отношение к нуждам рабочих. В этой связи стахановское движение можно рассматривать и как заведомо неудачную попытку усовершенствования материального стимулирования рабочих за счёт расширения премиального фонда.

В реальности, система заработной платы позволяла власти манипулировать рабочими: восхваляя «знатных» стахановцев, призывать остальных трудящихся к максимальной интенсификации труда. Но в этих же самых выступлениях прослеживается, частично или полностью, скрытая информация, отражающая подлинные взгляды и настроения рабочих, черты социально-культурного облика. К ним можно отнести указание на то, что материально-бытовое положение рабочих на момент начала стахановского движения было тяжёлым: заработки и расценки малы, нормативы высоки, возможность купить нужные товары и продукты невелика. Такую оценку своей трудовой жизни, как видно, далекую от восторженной и иллюзорной, дали, например, сами рабочие-стахановцы областного слета военной промышленности уральского региона в декабре 1935 г.

С началом стахановского движения ситуация мало изменилась: на заработанные деньги в магазинах купить что-нибудь практически было невозможно. В таких условиях едва ли не единственным выходом было приобретение заводской администрацией одежды и обуви для стахановцев. Комиссия советского контроля при СНК СССР, проверявшая поло-

жение рабочих на Урале в конце 1935 г., выявила, что заявки на приобретение товаров учитывались и выполнялись далеко не у всех стахановцев, а только у узкого круга «знатных рабочих», включённых в особые списки. Судя по величине заработков, на Уралмаше, например, к кругу «знатных» были причислены 15 стахановцев (примерно 0,1% от численности трудового коллектива). Поэтому недовольство основной массы рабочих реалиями стахановского движения относилось не к стахановцам вообще, а к избранным властью «героям труда».

Фактически, в составе каждого трудового коллектива существовал слой рабочих-стахановцев, имевших более высокие заработки. Заметим, что внутри этого слоя следует выделять как большинство рабочих, получавших повышенную, но не столь высокую зарплату, так и незначительное количество «особых» стахановцев, превращённых пропагандой в символы героического рабочего класса. Например, в июне 1936 г. только 5,7% из 2500 стахановцев Уралмаша получали зарплату, превышавшую вдвое заработок рабочего, причем только 30 рабочих-уралмашевцев зарабатывали от 1000 до 1500 руб., или в 4—6 раз больше, чем в среднем по заводу. На 30 165 рабочих-металлургов треста «Востоксталь» в 1939 г. приходилось 48 «знатных» стахановцев (примерно 0,16% от численности трудового коллектива).

В своей массе стахановцами были вчерашние неграмотные или малограмотные рабочие. Из 500 наиболее известных стахановцев – 60,7% являлись выходцами из деревни; почти половина имела трудовой стаж 3—4 года. Получалось, что опорой ВКП (б) выступали рабочие, пришедшие на производство в начале 1930-х годов.

Судьба стахановского движения была во многом решена в январе 1936 года. По инициативе Сталина с первого дня 1936 г. набирала силу кампания за проведение «стахановских суток» на каждом рабочем месте. Вера в магическую силу приказа ещё раз давала о себе знать. 20 января 1936 г. газеты страны сообщили о начале «Стахановской пятидневки» на всех предприятиях, как о свершившемся факте. Анализ материалов позволяет сделать вывод: «штурм рекордов» начался без учёта материальных стимулов для основной массы рабочих. Газеты января 1936 г. печатали диаграммы роста ежедневного выпуска промышленной продукции. Но в конце января кривая показателей устремилась вниз. Однако тут же последовал призыв высшего руководства страны к «стахановскому году».

За счёт чего же намечалось превзойти плановые рубежи? Прежде всего, за счёт усиления интенсивности труда советских рабочих. Так, на Мотовилихинском (Молотовском) орудийном заводе рабочие в январе 1936 г. вместо положенных 150 часов отработали 250—300. На предприятиях треста «Востоксталь» в 1936 г. сверхурочно было отработано 996 тыс. часов. Это привело к увеличению травматизма металлургов на 20% в сравнении с 1935 годом. Более чем на треть вырос травматизм на военных заводах Урала; заметно увеличился удельный вес бракованной продукции. Например, в январе 1936 г. бракованными оказались 77% снарядов Серовского механического завода.

Итоги января 1936 г. – «месяца рекордов» – были ошеломляющими: не только не произошло ожидаемого рывка в экономике, но, напротив, в ряде отраслей был зафиксирован спад промышленного производства.

Рядовые рабочие восприняли стахановское движение как попытку заставить их больше работать за ту же зарплату. Осенью 1935 г. враждебное отношение к стахановцам отмечалось в докладах НКВД и сообщениях партийных работников.

Общество нуждалось в анализе происходящего. Но с февраля 1936 г. тема стахановского движения практически, пусть на время, исчезает со страниц газет и журналов. Молчание выдавало неудовольствие руководства ВКП (б): плоды патерналистской политики государства оказались отличными от замыслов. Слой высокооплачиваемых рабочих-стахановцев был невелик – и это тоже было естественно в условиях регламентации фондов заработной платы.

Хотя по официальным данным стахановское движение во второй половине 1930-х гг. набирало силу, на самом деле всё обстояло иначе.

В докладной записке инструктора промышленного отдела ЦК ВКП (б) секретарю ЦК Н. И. Ежову о состоянии стахановского движения в Свердловской области в 1936 г. отмечалось, что даже на крупных заводах Урала в стахановцы произвольно записывали тысячи людей, нередко и тех, кто перевыполнял план на 3—5%. Это способствовало безудержному росту зарплаты вне связи с ростом производительности труда. Так Пермский (Мотовилихинский) оружейный завод, формально насчитывая 4500 рабочих-стахановцев (около трети рабочих предприятия), в то же время не выполнял производственный план.

«На деле идет сокращение числа стахановцев в черной металлургии» – проговорился журнал «Стахановец» в августе 1937 г. Аналогичным было положение в других отраслях: основная масса рабочих, расценив увеличение норм выработки при сохранившихся ставках оплаты как обман, не желала подменять повседневный труд героическим перенапряжением. Стахановское движение из реальной формы организации труда сотен тысяч рабочих в 1935—1936 гг. переходило, начиная с 1937 г., в мифологическую сферу. Ситуация, как и с движением ударников, повторялась: при ставке на количественные показатели роста и экономии на заработной плате вместо миллионов плановых «плакатных стахановцев» в реальную жизнь входили «бумажные» стахановцы.

Курс на экономию средств на подготовку рабочих кадров также наглядно проявился во второй половине 1930-х гг. Сталинское руководство могло провозгласить высокую цель сближения культурно-технического уровня рабочих и инженерно-технических работников, но тратить каждый год на обучение одного рабочего на КМСТ по 500 руб. при альтернативе расходов в 35—40 руб. в стахановских школах и 60 руб. на курсах техминимума власть не желала. Например, за 1938—1940 гг. расходы на техническую учёбу рабочих-металлургов СССР сократились в два раза: с 30 до 15 млн рублей. Близки к этому были и сокращения указанных расходов по всем отраслям промышленности.

Противостояние различных подходов к реализации экономической политики закончилось во второй половине 1936 г. Летом этого года дело дошло до серьёзных разногласий между хозяйственным и политическим руководством страны по поводу стахановского движения. В очередной раз это недовольство проявилось в конце июня 1936 г. на совете при НКТП. Совет при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР, проходивший 25—29 июня 1936 г., представлял собой вполне конкретный форум: собрание хозяйственных руководителей (заместителей наркома, руководителей главков, директоров 112 крупнейших предприятий тяжёлой промышленности), освящённое присутствием члена Политбюро ЦК ВКП (б) Оржоникидзе. Состав участников Совета заведомо претендовал на место в политической жизни СССР: объективно, это было одно из наиболее заметных и значимых событий 1936 г.

Заседание Совета было важным событием в жизни страны уже в силу состава его участников. Только газета «Известия» сообщила данные о социальном составе Совета. Из 334 членов – 112 чел. являлись директорами крупнейших предприятий страны. Из них 50 чел. получили высшее техническое образование. Ещё 163 чел. являлись инженерами. На Совете присутствовали 6 академиков и 9 профессоров; были приглашены и лучшие стахановцы. Таким образом, 25—29 июня 1936 г. в Москве собралась хозяйственная элита СССР.

На заседаниях Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР директорский корпус нашёл возможность высказаться. Пять дней работы Совета демонстрируют решимость значительной части его участников положить конец репрессиям против хозяйственных руководителей. Уже в первый день работы Совета, В. М. Бажанов, заместитель начальника Главугля и начальник треста Донбассуголь, отвечая на обширную критику инженерно-технических работников со стороны партийных организаций, печатных орга-

нов за «вредительское отношение к стахановскому движению», подчёркивал: в Донбассе, на родине стахановского движения, были многочисленные перегибы, большая группа инженеров и техников была незаслуженно обвинена в саботаже. Извращения стахановских методов работы необходимо искоренять путём убеждения массы инженеров и техников, путём разъяснения инженерам и техникам, как нужно внедрять стахановские методы работы. Развитие стахановского движения, преодоление массовой текучести рабочих кадров, по мнению Бажанова, зависело от технической модернизации рабочего места, совершенствования системы оплаты труда.

Речь Бажанова во многом задала тон остальным докладчикам. Показательным было прозвучавшее вскоре выступление А. Г. Стаханова – короткое, достаточно конкретное, и... ни разу не упомянувшее имя Сталина. Отметив первые положительные достижения инструкторов по внедрению стахановских методов труда, сам Стаханов указал на плохое использование техники – врубовых машин и отбойных молотков.

Директор Уралмаша Л. С. Владимиров отметил: «Стахановское движение в промышленности охватило только самую верхушку рабочих. Как правило, стахановцами у нас являются члены партии, комсомольцы и передовая часть рабочих – это в лучшем случае». Такое пронизательное высказывание резко отличалось от общепринятого парадного освещения стахановского движения. «Существующее у некоторых товарищей мнение, что инженерно-технический персонал не хочет идти в ногу со стахановским движением, – продолжал Владимиров, – неправильно. Беда заключается в том, что мы еще до сих пор не переключили инженерно-технический персонал на творческую плодотворную работу. Инженер и техник часто работают не головой, а ногами». Поясняя последнее заявление, Владимиров отметил: «Мы недостаточно разгрузили инженерно-технический персонал и не поставили его в такие условия, чтобы он мог более плодотворно работать». Кого же Владимиров имел в виду под собирательным «мы»? Думается, для участников Совета было ясно: под видом самокритики, речь шла о высшем партийном руководстве.

В заключительном выступлении Орджоникидзе назвал обвинения в адрес инженерно-технического персонала чепухой. Он также подчеркнул, что развитие стахановского движения зависит от научного подхода к организации рабочего труда. Орджоникидзе высмеял утверждения о близости производительности труда советских и американских рабочих. На одном и том же оборудовании, по его словам, американский рабочий выпускал продукции в 9 раз больше, чем наш.

И всё-таки главный посыл прозвучал у Орджоникидзе в конце его доклада. «Пора нам отказаться от планирования выполнения плана по валовой продукции», – заявил он. «Надо планировать выполнение программы не по валовой продукции, а по товарной – сколько готовой продукции мы выпустили для нашего населения, для нашего народного хозяйства». Как видно, хозяйственная элита СССР, сформулировав иные подходы к курсу экономического развития страны, вышла на иное понимание самого содержания такого курса. Отметим, что работа Совета при народном комиссаре тяжёлой промышленности СССР 25—29 июня 1936 г. завершала более чем годовую напряжённую дискуссию высшего руководства страны, формально, по вопросам руководства стахановским движением, по сути – по проблемам социально-экономического развития. Судя по материалам Совета, представители директорского корпуса во главе с наркомом тяжёлой промышленности не стали послушными и безмолвными.

Обсуждению назревших проблем Сталин и его сподвижники предпочли физическое уничтожение тех, кто в глазах вождя выглядели антипартийными вольнодумцами. 29 августа 1936 г. до ареста Пятакова оставалось две недели; до гибели большинства управленцев – участников Совета, включая Орджоникидзе – полгода.

События 25—29 июня 1936 г. несут черты исторической закономерности. Это было логическое проявление длительной борьбы двух подходов к реализации государственной политики: рационального и идеалистического. Период нэпа привёл к появлению в большевистском руководстве группы хозяйственников, которые в значительной степени методом проб и ошибок, интуитивно вышли на понимание процесса государственного управления как целенаправленной деятельности, связанной с реализацией государственно-властных полномочий субъектами публичной власти, регламентированной юридическими нормами. Для них в процессе государственного управления основную роль играли экономические знания, направленные на анализ последствий государственной деятельности. Выработка и реализация экономической политики была связана с использованием рациональных альтернативных вариантов, использующих сравнение с идеальной моделью.

Генетическое продолжение такой политики вывело Орджоникидзе в последний час работы Совета на понимание качества распоряжения ресурсами как наиболее надёжного показателя учета общенациональных интересов. В свою очередь, параметрами этого показателя объективно должны были выступать соразмерность объявленных мер и имеющихся ресурсов, социально-приоритетное, целевое и подконтрольное их использование.

Репрессии против работников НКТП, директорского корпуса, инженеров и техников в конце 1936 г. – зимой 1937 г., гибель Орджоникидзе подвели черту под историей проекта НКТП.

В дальнейшем сталинское руководство было вынуждено использовать наработки НКТП 1936 г. по повышению квалификации рабочих. Согласно данным обследования Госплана, весной 1941 г. из 2640 тыс. рабочих 9 промышленных наркоматов по уровню производственной квалификации 42,3% относились к категории квалифицированных, 35,5% – полуквалифицированных, 22,2% – неквалифицированных. С наиболее сложными задачами оборонного характера могли справиться только рабочие 6—8 разрядов, удельный вес которых, например, на предприятиях-гигантах машиностроения колебался от 10% на ЧТЗ до 23% на Пермском оружейном заводе.

Во-вторых, были повышены требования к точности и строгому выполнению норм технологического процесса и чертежей. Началось массовое применение на заводах современных контрольно-измерительных приборов, расширено число измерительных лабораторий, были сделаны первые шаги по автоматизации станков.

Менее результативной оказалась кампания борьбы за качество продукции, подкреплённая, главным образом, жёсткими административными и карательными мерами, начавшаяся на предприятиях наркомата вооружений (октябрь 1939 г.), а затем и в остальных отраслях промышленности.

В итоге, пишет М. А. Фельдман, если рассматривать стахановское движение только как форму «социалистического соревнования», очевидно, что оно, с момента зарождения до реального исчезновения после 1936 г., носило искусственный, мифологический и агитационно-пропагандистский характер, прикрывая на деле возросшую интенсивность труда советских промышленных рабочих.

Если проследить судьбу проекта НКТП 1935 г., нацеленного на комплекс изменений в курсе социально-экономической политики в советской индустрии, то картина складывается несколько иная. Несмотря на гибель практически всех инициаторов проекта НКТП, даже фрагментарная его реализация обусловила ряд позитивных изменений в рабочем социуме, прежде всего, существенное повышение уровня технической подготовки рабочих. Это, в свою очередь, позволило к началу Великой Отечественной войны справиться с напряжёнными заданиями последних предвоенных месяцев, снизить масштаб бракованной продукции.

В истории стахановского движения отразилась и судьба «Советского проекта» в целом. Конкуренция со странами капитализма заставляла руководителей СССР обращаться к опыту реализации новейших управленческих технологий на Западе в различных областях, в том числе в сфере труда. Однако выборочность и фрагментарность использования передового опыта в управлении «человеческим фактором» не позволяли добиться устойчивого роста экономики и последовательного развития социально-трудовых отношений. Репрессии 1930 – начала 1950-х гг. против сторонников рациональных методов управления могли смениться в последующий период «мягкими мерами наказания». Общим же оставалось непонимание со стороны партийных руководителей (и отрицание) закономерностей экономических и социальных процессов в реальной жизни, а также игнорирование приоритета потребностей людей в рамках государственной политики.⁹⁹

Из-за лживости советской статистики, трудно подвести точные итоги индустриализации во время довоенных пятилеток. Но в любом случае успехи в индустриальном развитии были значительными. По данным Н. Шмелёва и В. Попова в натуральных показателях добыча угля возросла в 1928—1940 гг. почти в 5 раз, нефти – почти в 3 раза, производство электроэнергии выросло почти в 10 раз, минеральных удобрений – почти в 3 раза, автомашин, тракторов, комбайнов, станков и машин разного рода – в десятки и сотни раз.

К концу 1930-х гг. Советский Союз вышел на второе место в мире по объёму национального дохода, догнал Францию по объёму промышленного производства и существенно сократил разрыв с США, Германией и Великобританией.¹⁰⁰

Но при этом произошло достаточно резкое падение темпов роста как национального дохода, так и промышленного производства к концу 1930-х гг. Падение темпов развития было вызвано переходом от восстановления к новому строительству и усилением государственного бюрократического вмешательства в экономику, точнее почти полного её огосударствления (незначительный частный сектор ещё долго сохранялся в виде приусадебных хозяйств колхозников, промышленной и кустарной кооперации в городах, полностью подконтрольных государству). Утверждение монопольного положения казённой экономики привело к резкому снижению её эффективности и снижению жизненного уровня народа.

Ещё в 1926 г. в спорах о путях индустриализации, когда лидеры оппозиции (Каменев, Зиновьев, Троцкий и др.) требовали нажима на крестьянство, большинство партийного руководства во главе со Сталиным и Бухариным противопоставляло им иной план. Предлагалось путём рационализации, режима экономии, ограничения бюрократизма снизить затраты промышленности и увеличить её накопления. И одновременно расширить поставки товаров для деревни, чтобы получить больше хлеба для города и экспорта. XV съезд ВКП (б) придерживался именно такой политики. Попытка «скачка» в 1929—1930 гг. нанесла этой политике двойной удар: во-первых, не получилось запланированных накоплений в промышленности, во-вторых, возрос спрос на товары в городе, так как рост промышленности обеспечивался не за счёт повышения производительности труда, а за счёт увеличения численности занятых. Оставалось или свернуть индустриализацию, или получить дополнительные ресурсы путём увеличения изъятия средств из сельского хозяйства и ограничения потребления городского населения. Темпы и методы коллективизации тем самым прямо связаны с темпами и методами индустриализации.

Экономический смысл коллективизации состоял, во-первых, в том, чтобы создать механизм перекачки средств из сельского хозяйства на индустриализацию и обеспечить

⁹⁹ Фельдман М. А. Место стахановского движения в предвоенной советской истории // Вопросы истории. 2015, №8. С. 4—17.

¹⁰⁰ Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 74.

строительство и промышленные предприятия рабочей силой. Само же сельскохозяйственное производство в годы первой пятилетки понесло тяжёлый урон, что видно из таблицы 8.

Таблица 8

— — — 1928 г. — — 1932/33 гг. — — 1932 г.

— — — — По 5-летнему плану — фактически

Все посевные

площади,

млн. га — — 113,0 — — 141,3 — — 134,4

в т.ч.

зерновых — — 92,2 — — 111,4 — — 99,7

Валовой

сбор,

млн. т:

зерновых — — 73,3 — — 105,8 — — 69,9

хлопка —

сырца — — 0,79 — — 1,91 — — 1,27

сахарной

свеклы — — 10,1 — — — — — — 6,6

Урожайность,

ц/га:

зерновых — — 7,9 — повысить на 35% — — 7,0

сахарной

свеклы — — 132 — — то же — — 43

хлопчатника — 8,1 — — то же — — 5,9

льноволокна — 2,4 — — то же — — 2,0

картофеля — — 82 — — то же — — 71

овощей — — 132 — — то же — — 79

Поголовье скота,

млн. голов:

лошади — — 32,1 — — около 38 — — 21,7

крупный

рогатый скот — 60,1 — 80,9 — — 38,3

в т.ч. коровы — 29,3 — 35,5 — — 22,3

свиньи — — 22,0 — — 34,8 — — 10,9

овцы — — 97,3 — — — — — — 43,8

Производство:

мясо, млн. т — 4,9 — — — — — — 2,8

молоко, млн. т — 31,0 — — — — — — 20,6

шерсть, тыс. т — 182 — — — — — — 69

яйца, млрд.

штук — — 10,8 — — — — — — 4,4

Деревня понесла огромные людские потери в результате раскулачивания. Данные обследований государственных органов в 1927 г. показывают процент кулацких хозяйств максимум в пределах 3,2—3,9. А к осени 1929 г. число «кулаков», т.е. более или менее состоятельных крестьян падает из-за применения чрезвычайных мер (2,5—3%, 600—700 тыс. семей по данным В. Данилова).

Раскулачено же было в ходе коллективизации намного больше, по оценке В. Данилова 1—1,1 млн хозяйств, объединявших 4—5 млн человек. По расчётам академика ВАСХНИЛ В. Тихонова было ликвидировано не менее 3 млн крестьянских хозяйств (11—12% всех дво-

ров) с примерно 15 млн человек. Часть раскулаченных была приговорена за «контрреволюционную» деятельность к расстрелу и заключению в концлагерях, большая часть отправлена на стройки пятилетки и лесоповал в качестве спецпереселенцев.¹⁰¹

Во-вторых, экономический смысл коллективизации состоял в укрупнении сельскохозяйственного производства, в появлении больших пахотных площадей, на которых только и было возможно применение сельскохозяйственной техники – тракторов, сеялок, комбайнов. Тем самым были созданы предпосылки для роста производительности труда в аграрном секторе экономики.

Строго говоря, в соответствии с принятым курсом на создание индустриальной экономики вовсе не нужен был общий рост сельскохозяйственного производства. Абсолютно необходимо было лишь такое изменение его структуры и повышение эффективности труда, при котором можно было бы, во-первых, уменьшить число занятых в сельском хозяйстве пропорционально расширению занятости в промышленности, во-вторых, поддерживать при меньшем числе занятых производство продовольствия на уровне, не допускающем длительного голода, в-третьих, обеспечить снабжение промышленности продукцией, незаменимой техническим сырьём.

Коллективизация создала механизм жёсткого контроля над деревней и очень сильно упростила и облегчила изъятие сельхозпродукции из деревни: отбирать подчистую у колхозов и совхозов было куда легче, чем у миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств, тем более после устранения наиболее активных и энергичных мужиков.

Поэтому не правы Н. Шмелёв и В. Попов, считающих, что в коллективизации не было экономического смысла и что и без неё, без особого напряжения, крестьянские хозяйства обеспечили бы не меньшие темпы индустриализации, хлеба хватило бы и на экспорт, и для растущих городов.¹⁰² Но это неверно, так как для этого надо было бы платить крестьянам настоящую цену за его труд, а не те копейки, что платило государство за хлеб накануне первой пятилетки и не удавалось бы забирать его *бесплатно*, как после коллективизации. Только коллективизация позволяла повышать хлебозаготовки и экспорт даже при падении производства. (Таб. 9).

Таблица 9¹⁰³

Показатели – – 1932 г. – – 1933 г. – – 1934 г.

Валовой сбор

(млн. ц) – – 698,7 – – 684,0 – – 676,5

Урожайность

зерна (ц с га – – 7,0 – – 6,7 – – 6,5

Сдано зерна

(млн. ц) – – 187,8 – – 232,9 – – 268,0

в т.ч. в порядке

закупок – – 2,8 – – 4,1 – – 33,6

Сдано зерна в

% к валовому

сбору – – 26,9 – – 34,0 – – 38,1

О значении, которое придавали увеличению экспорта зерна советские руководители того времени, свидетельствуют материалы «особых папок» Политбюро ЦК ВКП (б). Плановые расчёты валютных поступлений на 1932 г. на заседании политбюро 16 января этого

¹⁰¹ Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. С. 66–67.

¹⁰² Там же. С. 86–88.

¹⁰³ Зеленин И. Е. Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) // Отечественная история. 1992, №6. С. 55.

года составляли: по хлебу 167,9 млн руб., по нефти – 85,9 млн, по лесу – 98,7 млн. Инициатором неуклонного роста экспорта зерна и другого продовольствия был Сталин. В августе 1930 г. он в письмах Молотову требовал резкого увеличения вывоза хлеба. Сталин объяснял свою настойчивость тем, что «остаётся 1—1,5 месяца до поступления на рынки американского хлеба», и тогда валютное положение СССР может стать отчаянным. Он требовал вывезти 130—150 млн пудов зерна. Позднее он, ссылаясь на сообщение наркома снабжения А. И. Микояна о том, что ежедневный вывоз хлеба составит 1—1,5 млн пудов, категорически отвергал подобные цифры: «**Этого мало.** Надо поднять до 3—4 млн., **как минимум.** Нужно **бешено форсировать** вывоз». Постоянное внимание росту экспорту хлеба и другого продовольствия политбюро ЦК ВКП (б) уделяло и в последующие годы, в том числе во время страшного голода 1932 г.¹⁰⁴

Государственные заготовки и закупки по государственным ценам или в форме натуральной оплаты (например, колхозами услуг МТС) становятся основными видами поступления сельхозпродукции в город. Государственные же цены были до начала 1950-х гг. чрезвычайно низкими. В 1931—1932 гг. заготовительные организации платили за 1 ц ржи 4,5—8,4 руб., тогда как даже в специализированных по зерну совхозах себестоимость зерна в 1933 г. достигала 22,9 руб. Средняя заготовительная цена на зерно в СССР в 1940 г. была 8 руб. 63 коп. за 1 ц, а себестоимость его производства в совхозах – 29 руб. 70 коп. Для колхозов в этот период даже не считали себестоимость производства, так как они рассчитывались с государством через натуроплату за работу МТС и обязательные поставки сельхозпродуктов государству. В колхозах, как артелях, не было заработной платы, колхозники получали натуроплату в зависимости от количества отработанных в общественном хозяйстве дней (трудодней).¹⁰⁵

К концу 1930-х гг. повысилась производительность труда в сельском хозяйстве (в основном в растениеводстве, особенно зерновом) благодаря широкому применению сельскохозяйственной техники (тракторов, сеялок, комбайнов и др.). Массовое использование тракторов и другой сельхозтехники возможно только на больших площадях пашни, в чьей бы собственности она не находилась, просто при частной собственности применение техники гораздо эффективнее. Примерно тот же объём сельскохозяйственного производства обеспечивался теперь гораздо меньшим количеством рабочих рук, вопреки утверждениям Н. Шмелёва и В. Попова. Они сами противоречат себе, говоря, что число занятых в сельском хозяйстве снизилось всего лишь с 37 млн человек в 1929 г. до 35 млн в 1938 г. Людские потери деревни только в результате раскулачивания и голода 1932—1933 гг. были намного больше, чем 2 млн. Доля занятых в сельском хозяйстве сократилась с 80% всего населения в 1928 г. до 56% в 1937 г. и 54% в 1940 г.¹⁰⁶

Ошибка Н. Шмелёва и В. Попова проистекает из-за упрощения проблемы в целом. Они пишут, что уже в середине 1920-х гг. встал вопрос о том, какой быть новой, социалистической экономике, «куда, в какие отрасли направить средства в первую очередь» и при понимании всеми необходимости индустриализации, широкого обновления производственного аппарата в промышленности расхождения были только по одной проблеме – взять новое технически совершенное оборудование можно было только за границей, а для этого нужна была валюта. А валюту можно было получить только за зерно, поэтому проблема упира-

¹⁰⁴ Гинцберг Л. И. Массовый голод в сочетании с экспортом хлеба в начале 30-х годов. По материалам «особых папок» политбюро ЦК ВКП (б) // Вопросы истории. 1999, №10. С. 120.

¹⁰⁵ Безнин М. А., Димони Т. М. Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930 – 1980-х годов // Отечественная история. 2005, №6. С. 115, 108.

¹⁰⁶ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы. М., 1989. С. 79.

лась в хлебозаготовки. Хлеб для экспорта получили в результате коллективизации, но можно было, по их мнению, и рыночными методами, через повышение закупочных цен.

Проблема на самом деле глубже: в способе индустриализации – казённом или рыночном; в характере самой индустрии – милитаристском или потребительском, направленном на удовлетворение интересов государства прежде всего или всего общества. Н. Шмелёв и В. Попов, как и большинство исследователей, недооценивают *структуру* и *характер* крупной промышленности, возникшей в СССР в результате первых пятилеток. Такого перекаса в сторону тяжёлой промышленности, производства средств производства для неё самой, такой милитаризации промышленности и всей экономики *не могло быть* при рыночных формах индустриализации. Потому что милитаризованная, замкнутая на саму себя, тяжёлая промышленность не могла окупиться даже в самой отдалённой перспективе, не могла создать достаточного производства машин для лёгкой, пищевой промышленности и сельского хозяйства. Поэтому нужен был не просто хлеб, а дешёвый, *очень дешёвый* хлеб, иначе невозможно было получить большой прибыли на мировом рынке, тем более в условиях экономического кризиса на Западе.

Милитаристский характер индустриализации в СССР, с перекасом в сторону тяжёлых отраслей не создавал основ для повышения жизненного уровня населения как в деревне, так и в городе, не стимулировал заинтересованность в повышении производительности труда. Не случайно первые пятилетки сопровождались резким усилением масштабов применения принудительного труда как в сельском хозяйстве, так и в строительстве и промышленности.

27 июня 1929 г. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило постановление «Об использовании труда уголовно-заключённых», по которому все осужденные на срок три года и больше передавались в исправительно-трудовые лагеря. (Для сравнения: год спустя, 28 июня 1930 г., Международная организация труда приняла конвенцию, по которой члены МОТ брали на себя обязательства «упразднить применение принудительного или обязательного труда во всех его формах в возможно короткий срок»).¹⁰⁷

Уже к середине 1930 г. была создана основательная сеть ИТЛ, в которых десятки тысяч заключённых занимались постройкой железной дороги Усть-Сысольск – Пинюг, тракта Усть-Сысольск – Ухта, валили и разделявали лес, перерабатывали рыбу, строили химические и целлюлозно-бумажные заводы (например, Березниковский комбинат), делали кирпич для Сибкомбайнстроя и Кузнецкстроя и т. д.

Аппетит приходит во время еды. В июне 1930 г. было принято решение о строительстве Беломоро-Балтийского канала. Строительство было поручено ОГПУ и в нём приняло участие более 100 тысяч заключённых и спецпоселенцев. Огромные объёмы работ на Беломорканале приходилось проделывать вручную из-за слабой механизации труда. Канал стоил в четыре раза дешевле, чем первоначально рассчитывали. Но это был единственный случай экономии затрат, так как работали преимущественно спецпоселенцы (раскулаченные). Их практически не охраняли, управленческий персонал низшего звена также состоял из спецпоселенцев. Но при использовании преимущественно труда заключённых в последующем, затраты на охрану съедали экономию на оплате их труда и содержания.

Почти полное разрушение механизма саморазвития экономики при окончательной ликвидации частной собственности и частнопредпринимательской деятельности в конце 1920-х гг., крайне низкая материальная заинтересованность в результатах своего труда как рабочих, так и крестьян буквально вынуждали власти прибегать к массовому использованию принудительного труда. К 1935 г. в сфере принудительного труда было занято прибли-

¹⁰⁷ Иванова Г. М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997. С. 31—32, 86—87.

зительно 2 млн 85 тыс. человек: 1 млн 85 тыс. – в спецпосёлках, 1 млн – в ГУЛАГе; к 1 января 1941 г. – около 1 млн 930 тыс. в ГУЛАГе и 930 221 человек на поселениях.¹⁰⁸

В 1940 г. ГУЛАГ действовал уже в 17 отраслях, плановый объём товарной продукции составлял 2659,5 млн руб., (в отпускных ценах). В лесной промышленности – 730,3 млн руб., в деревообрабатывающей – 412,2 млн, швейной – 359,8 млн, горно-металлургической – 297,3 млн, металлообрабатывающей и машиностроительной – 233,9 млн, рыбной – 138,3 млн, текстильной – 127,8 млн, топливодобывающей – 126,3 млн рублей.¹⁰⁹

Валовой объём промышленной продукции, выпускаемой ГУЛАГом, рос довольно быстро: в 1938 г. было выпущено продукции на 1,5 млрд руб., в 1939 г. – на 2,5 млрд руб., в 1940 г. – на 3,7 млрд руб., план на 1941 г. составил 4,7 млрд руб. При этом доля потребительских товаров в общем объёме промышленной продукции ГУЛАГа была относительно невелика и в планах на 1941 г. составляла 1,1 млрд руб.

Перед войной промышленные предприятия НКВД давали: никеля – 46,5%, олова – 76, кобальта – 40, хромитовой руды – 40,5, золота – 60, лесоматериалов – 25,3%.

Наряду с промышленным производством важнейшим элементом лагерной экономики было капитальное строительство. В 1940 г. на долю НКВД приходилось 11% всех капитальных вложений Советского Союза. В 1941 г. наркомат осуществлял строительство ряда крупных военно-промышленных объектов, общая стоимость которых ориентировочно оценивалась в 45 млрд руб. Из этой суммы на долю НКВД приходилось более 11 млрд руб., в том числе 3,6 млрд руб. – капитальные работы по строительству спецобъектов. Объёмы капитального строительства НКВД ежегодно возрастали: в 1938 г. они составляли 3,1 млрд руб., в 1939 г. – 3,6 млрд руб., в 1940 г. – 4,4 млрд руб. На 1941 г. правительство запланировало наркомату капитальных работ на сумму 7,4 млрд руб., что составляло 167% от фактического объёма работ, выполненных в 1940 г.¹¹⁰

Массовое применение принудительного труда приводило к бесхозяйственности, огромным непроизводительным расходам, бессмысленной расточительности сил и талантов миллионов заключённых, способных принести неизмеримо большую пользу в нормальных условиях. Система по существу рабского труда являлась препятствием к развитию новых технологий, механизации труда как по причине отсутствия экономических стимулов к их использованию из-за применения «дешёвых» рабочих рук, так и из-за того, что сложную технику нельзя было доверить каторжникам. По итогам 1939 г. механизированная вывозка леса по Наркомату лесной промышленности составляла более 90%, а по ГУЛАГу – 67. И это не потому, что у НКВД не было необходимой техники, наоборот, формально он был оснащён лучше других ведомств, но использовал свои ресурсы хуже. В одной из докладных 1939 г. говорилось: «Удвоенная или даже утроенная численность работающих выполняла работу и за механизмы». Проверка строек ГУЛАГа и управления железнодорожного строительства НКВД в 1940 г. показала, что значительная часть машин и механизмов бездействовала. Экскаваторы использовались в течение 40% возможного рабочего времени, камнедробилки – 16,5, бетономешалки – 21, тракторы и мотовозы – 11%. Мощный импортный экскаватор «Любек» пролежал на Волгострое без действия три года, на строительстве автомагистрали Москва – Минск 112 самосвалов работали не более двух месяцев в год и т. д.¹¹¹

Несмотря на увеличение количества заключённых и усиление их эксплуатации (обычный срок пребывания на тяжёлых работах был около трёх месяцев), на улучшение тех-

¹⁰⁸ Горинов М. М., Дощенко Е. Н. 30-е годы // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 182.

¹⁰⁹ Эбеджанс С. Г., Важнов М. Я. Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. 1994, №6. С. 189.

¹¹⁰ Иванова Г. М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. С. 97–99.

¹¹¹ Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 годы // Свободная мысль. 1992, №13. С. 83–84.

нической оснащённости гулаговских строек и предприятий, большинство из них планов не выполняло. В 1939 г. план капитального строительства ГУЛАГ выполнил только на 88%, а производительность труда заключённых составила 88—89% от плановой. В 1940 г. план ввода новых предприятий в целом по НКВД был выполнен на 82,3%, а по Главному управлению лагерей лесной промышленности – на 37,7%, по Главпромстрою – на 60,6% и т. д.¹¹²

И такое положение сохранялось вплоть до окончательного краха экономической системы, построенной на казённой собственности и всевластии чиновничества. Как символ эпохи и предвестника её скорого краха можно рассматривать строительство комплекса зданий для высшей партийной школы в Новосибирске в 1980—1990-е гг. – этот питомник идеологических кадров КПСС буквально под окнами его обкома строили заключённые.

Переход к форсированным методам индустриализации, подчинение экономики идеологии и политике ради прикрытия правящей верхушкой своих просчётов и своей неспособности справиться с гигантскими экономическими проблемами привели к росту диспропорций, нестыковок, о чём говорил Завенягин, к умножению аварийности из-за изношенности оборудования и работы механизмов на пределе, в нерасчётных режимах, нарушений техники безопасности, спешки и авральности, рекордомании.

Отрицательные последствия форсированного развития индустрии, массового использования принудительного труда, погони за рекордами стали всюю проявляться уже в середине 1930-х гг. И тогда по установке февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. все трудности стали списывать на происки «врагов народа», на массовое вредительство. Характерно, что из некоторых выступлений на этом пленуме видно, что на местах до пленума часто ничего не говорили о вредительстве, видя более реальные причины аварий и других недостатков. После пленума всё стали списывать на вредительство и волна кровавых репрессий поднялась особенно высоко.

Примечательным являются причины отмены карточной системы в середине 1930-х гг. и упорное нежелание центральных органов власти возобновлять её в любом виде в период продовольственных затруднений в предвоенные годы. Е. А. Осокина пишет: «Затянувшаяся карточная система 1931—1935 гг. породила множество проблем. Из-за искусственно низких «карточных» цен, скудных пайков обороты государственной и кооперативной торговли оставались низкими. В результате, выплаченные населению в виде зарплаты деньги не возвращались в госбюджет через торговлю. Это явление получило точное определение – замораживание товарооборота. Оно питало дефицит госбюджета, что не позволяло наращивать капиталовложения в промышленность, приводило к задержкам выплаты зарплаты. Главным источником пополнения госбюджета оставалась эмиссия. Денежная масса в обороте быстро росла, тогда как количество товаров увеличивалось незначительно.

Экономика билась в порочном круге нехватки товаров, дефицита госбюджета и падения производства. Вырваться из него можно было, восстановив материальные стимулы к труду. Люди должны были вновь увидеть смысл в зарабатывании денег. Не скудный паёк, а магазины, полные товаров, служба быта, предлагающая разнообразные услуги, весёлый досуг должны были вернуть интерес к работе, поднять производство и усилить приток денег в госбюджет. Сталин сказал, что нужно возродить «моду на деньги»».¹¹³

Некоторые меры – развитие государственной коммерческой торговли, небольшое снижение планов госзаготовок, льготы крестьянской торговле, сокращение экспорта продовольственных товаров, увеличение вложений в производство предметов потребления, сферу услуг, сокращение вне рыночного потребления при сохранении запретов на частную собственность, на наём рабочей силы и на крупномасштабное предпринимательство дали незна-

¹¹² Иванова Г. М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. С. 101—103.

¹¹³ Осокина Е. А. Легенда о мешке с хлебом: кризис снабжения 1936/37 года // Отечественная история. 1998, №2. С. 94. 96

чительное облегчение и проблемы по существу не решали. Не случайно, с началом индустриализации одним из основных и самых выгодных товаров для государства становится водка, дававшая львиную долю поступлений в госбюджет, но наносившая огромный вред моральному и физическому здоровью народа.

При оценке первых пятилеток и отказа от нэпа почти все сходятся на том, что продолжение нэпа обещало небольшие темпы роста, а курс на ускоренную индустриализацию с помощью государственных рычагов дал всё же гораздо более высокие темпы, что считается, опять же почти всеми, положительным явлением. Положительным фактом признаётся почти единодушно превращение страны в мощную индустриальную державу. Но проблема заключается не в процентах роста, не просто в темпах роста, а в *характере, направленности* индустриального развития. В случае продолжения и углубления новой экономической политики, т.е. развития на рыночных основах с частной собственностью, росли бы в первую очередь сельское хозяйство, лёгкая и перерабатывающие отрасли промышленности, на их основе и для удовлетворения *их* потребностей развивались бы и отрасли тяжёлой промышленности. А затем уже – и производство вооружения, но в такой степени, чтобы не подрывать жизненные силы общества, других отраслей экономики, не снижать уровень жизни. Но это была бы уже другая история.

Можно ли оправдать эти народные жертвы на алтарь индустриализации необходимостью преодолеть отставание от развитых стран Запада угрозой неизбежной агрессией со стороны империалистических стран? Нет и нет. Ведь советская индустриализация (или сталинская, как некоторым хочется её называть) была невозможна без массированного ввоза машин, станков, оборудования из этих самых империалистических стран, использования их технологий. Россия к тому времени уже не один век была частью европейского и даже мирового рынка как поставщик сырья и продовольствия и покупатель промышленных изделий. Запад с конца 1920-х гг. переживал сильнейший в мировой истории экономический кризис и был жизненно заинтересован в советском рынке.

Новая мировая война, вероятнее всего, была тогда неизбежна. Но не из-за строительства социализма в СССР, а из-за глубоких противоречий между ведущими странами мира, прежде всего между Германией и Великобританией. В таких условиях Советский Союз имел благоприятные возможности провести индустриализацию не меньшими темпами, но с меньшими жертвами для населения. Для этого надо было только отказаться от идеи мировой коммунистической революции, по крайней мере, меньше о ней кричать. Необходимо было хотя бы пообещать выплату компенсаций за конфискованную собственность иностранных капиталистов и возврат кредитов царского времени. Это было сделано после Второй мировой войны и отнюдь не отразилось отрицательно на «социалистическом» характере советского общества.

В таком случае можно было рассчитывать на западные кредиты для закупки техники за рубежом, не надо было бы тогда форсировать коллективизацию и проводить раскулачивание. Советский Союз мог бы вступить в новую большую войну вместе с союзниками, несмотря на различия в идеологии и политическом строе, как царская Россия.

Причины того, что этого не случилось, что история пошла совсем иным путём заключаются не в Сталине и даже не в большевистской партии. Они лежат в особенностях российской истории, в соотношении классовых сил в стране. В том, что к капитализму, к рыночной экономике и соответствующей политической системе Россия тогда была просто не готова.

3.3. Советская экономика накануне и во время Великой Отечественной войны

Планомерную и масштабную подготовку к войне советское руководство начало уже в середине 1920-х гг., когда страна ещё не восстановилась полностью после предыдущих войн, несмотря на то, что непосредственной угрозы нападения на СССР ни тогда, ни на рубеже 1920—1930-х гг. не было. Промышленно-финансовые круги Запада были настолько заинтересованы в экономическом сотрудничестве с СССР, в освоении его громадного рынка в условиях мирового экономического кризиса, что закрывали глаза на материальную и моральную поддержку со стороны СССР и ВКП (б) Коминтерна, левацких экстремистских группировок и непрерывные призывы к мировой коммунистической революции. Германия не имела достаточных вооружённых сил для нападения, более того, она являлась наиболее близким партнёром СССР в торгово-экономическом и военном сотрудничестве.

Тем не менее в 1925 г. наркомат военно-морских дел разработал проект «Положения о подготовительном к войне периоде», разделив его на два периода: 1) с момента осложнения международных отношений до момента выявления возможности вооружённого столкновения и 2) от момента выявления возможности вооружённого столкновения до объявления мобилизации. Полагая, что 1-й этап подготовительного к войне периода уже начался Политбюро ЦК ВКП (б) в постановлении от 27 июня 1927 г. поручило А. Рыкову «в закрытых заседаниях Совнаркома СССР и РСФСР поставить вопрос о немедленной разработке в наркоматах (каждому по своей линии) мероприятий, способствующих поднятию обороны страны, и мероприятий, обеспечивающих усиленный темп всей работы и быстрое устранение наиболее существенных недочётов, особенно нетерпимых в настоящих условиях».

В конце 1927 г. в наркоматах были образованы мобилизационные отдел или бюро, в правительствах союзных республик и исполкомах краев, областей и даже части районов – мобилизационные управления и отделы. В 1927 г. все наркоматы составили также планы мобилизационных работ, даже Наркомат почт и телеграфа, Маслотрест, Главлён, Союзмо-локо и т. д.

В 1928—1929 гг. была разработаны пятилетние программы строительства вооружённых сил и заказов на предметы вооружения.

Программа производства вооружений оказалась нереалистичной и не была выполнена даже наполовину, но, как пишет Н. Симонов, сам приступ к её выполнению означал утрату, казалось бы, найденной в конце 1927 г. после колоссальных трудов по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства плановой перспективы. Хотя в утверждённом пятилетнем плане интересы обороны учитывались вполне (удельный вес потребностей военной промышленности по отношению ко всему объёму промышленной продукции составлял на конец пятилетки: по металлу (прокат) – 36,2%, по химии – 62,4, по хлопку – 12), Народный комиссариат по военным и морским делам (НКВМД) добивался ещё большего развёртывания мощностей согласно мобилизационному плану строительства вооружённых сил. Как будто война должна была начаться в самом скором будущем.

В конечном счёте Политбюро ЦК ВКП (б) во всём поддержало НКВМД и признало необходимым иметь на конец первой пятилетки численность полностью отмобилизованной армии в 3 млн человек. Количество боевых самолётов на вооружении должно было составлять 3000, танков – 3000, лёгких пушек – 3759, тяжёлых пушек – 798, зенитных орудий среднего калибра – 1218, зенитных орудий малого калибра – 712, орудий большой мощности – 120, а также 150—180 тыс. автомобилей и необходимое количество тракторов. Политбюро разрешило устанавливать размеры ассигнований на оборону не ниже уровня оптимального варианта первой пятилетки, а в случае необходимости – с превышением этих пределов.

Политбюро предложило также правительству ускорить в первые три года пятилетки темпы строительства во всех отраслях, имеющих оборонное значение. В постановлении Политбюро также особо подчёркивалась необходимость создания материальных резервов на случай войны: двухмесячный запас продовольствия для Красной Армии, запасы топлива, сельскохозяйственного сырья и импортных товаров.

Столь масштабные и спешные приготовления к войне оказали своё влияние на характер коллективизации. Сектор обороны Госплана СССР в записке от 5 апреля 1929 г. прямо писал: «В плане развития сельского хозяйства крупнейшим фактором оборонного значения является рост обобщественного сектора. Не приходится сомневаться, что в условиях войны, когда особенно важно сохранение возможностей регулирования, обобщественный сектор будет иметь исключительное значение. Не менее важно наличие крупных производственных единиц, легче поддающихся плановому воздействию, чем многомиллионная масса мелких, расплывчатых хозяйств. Удельный вес обобщественного сектора в товарной продукции зерновых в конце пятилетки составит 39%, что соответствует полной годовой потребности Красной Армии в военное время».¹¹⁴

На основе вышеизложенных фактов следует непреложный вывод, что форсированная индустриализация в СССР с конца 1920-х гг. проводилась исключительно в военных целях и была продиктована слабостью положения правящего режима внутри страны, стремлением правящей верхушки создать себе достаточную опору внутри страны в виде сильной армии и мощного репрессивного аппарата, а все издержки и падение уровня жизни населения списать на военную угрозу со стороны капиталистических держав. И это в то время, когда почти все они установили дипломатические отношения с СССР и были крайне заинтересованы в экономических связях с ним. А многие до сих пор почему-то считают, что в годы первых пятилеток советские люди строили социализм.

Каковы же были результаты этой гонки вооружений, насколько советскому руководству удалось реализовать свои масштабные планы перевооружения армии и подготовки её к большой войне?

В выступлении перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. Сталин заявил, что за 3—4 года Красная Армия претерпела серьёзные изменения к лучшему, если раньше было 120 дивизий, то теперь их стало 300, из которых одна треть механизированные. «Об этом не говорят, но это вы должны знать. Из 100 дивизий – 2/3 танковые, а 1/3 моторизованные», – сообщил он.

Но реальность была другой. В Красной Армии числилось тогда 29 мехкорпусов, имевших по две танковых и одной механизированной дивизии. Но эти соединения ещё не были реальной боевой силой: 9 из них начали формироваться в конце 1940 г., 20 – в марте 1941 г. Лишь каждый десятый корпус получил необходимое количество танков, ещё 5 соединений были укомплектованы танками лишь наполовину, а 17 корпусов имели менее половины положенных по штату танков, причём 10 из них располагали 20—30% штатной численности; 17-й и 20-й мехкорпуса имели соответственно 3,5% и 9% боевых машин. Для полного укомплектования механизированных соединений требовалось около 32 тыс. танков, из них свыше 16 тыс. новых. По плану на 1941 г. намечалось выпустить 4 тыс. Т-34 и КВ.

Основу советского танкового парка в 1941 г. составляли устаревшие тихоходные лёгкие Т-26 и скоростные БТ. При вступлении Тимошенко в должность наркома обороны в армии насчитывалось 9012 Т-26, 7,3 тыс. БТ, 470 трёхбашенных Т-28, 60 неповоротливых Т-35 и всего 9 КВ. Через год, к 1 июня 1941 г., имелся 18 691 боеготовый танк, из которых 10% были танки первой линии (636 КВ и 1225 Т-34). 90% танков второй линии были

¹¹⁴ Симонов Н. С. «Крепить оборону Страны Советов» («Военная тревога» 1927 года и ее последствия) // Отечественная история. 1996, №3. С. 158—161.

не только устаревших конструкций, но и находились в эксплуатации по несколько лет, их двигатели и ходовая часть были изношены, слабость ремонтной базы и нехватка запчастей ограничивали возможности старых танков, их нельзя было использовать в большом наступлении. Что и проявилось уже в первые часы войны.

Не лучше было положение в советской авиации, на вооружении которой в 1940 г. стояло 497 безнадежно устаревших бомбовозов ТБ-3, 1090 дальних бомбардировщиков ДБ-3, 3480 фронтовых бомбардировщика СБ. К современным машинам можно было отнести только 20 ближних бомбардировщиков СУ-2 (ББ-1), 10 ЯК-4 (ББ-22) и 10 четырёхмоторных летающих крепостей Пе-8 (ТБ-7), т.е. из 5,1 тыс. бомбардировщиков лишь 40 машин (0,8%) отвечали современным требованиям. Кроме того, имелись 4058 тихоходных бипланов Р-5, Р-10, Р-3ет, построенных в первой половине 1930-х гг., и 6215 истребителей И-15, И-16, И-153, уступавшим немецким «мессершмиттам» по скорости, скороподъёмности и мощности вооружения. По количеству советская авиация превосходила любую армию мира, но по качественным характеристикам резко уступала германской. Только за полтора года до начала войны вместо двух конструкторских бюро (одно занималось истребителями, другое – бомбардировщиками, наглядный пример концентрации средств, кончившийся плачевно) было создано 20 новых КБ. В напряжённой конкурентной борьбе (и именно благодаря ей) в кратчайший срок коллективы Ильюшина, Петлякова, Лавочкина, Микояна, Яковлева создали современные и уникальные машины: бронированный штурмовик Ил-2, скоростной пикирующий бомбардировщик Пе-2, истребители ЛаГГ-3, МиГ-3 и Як-1. Но даже несмотря на то, что эти машины запускались в серийное производство ещё до окончания испытаний, к январю 1941 г. было выпущено всего 64 Як-1, 20 МиГ-3 и 2 Пе-2.¹¹⁵

Причины создавшегося положения лежат не в нехватке времени. Массированное перевооружение германской армии началось только после прихода Гитлера к власти в 1933 г., т.е. гораздо позже, чем советской. Но отсутствие честной конкуренции среди конструкторов и производителей военной техники и вооружений, недоверие малокомпетентных вождей к принципиально новым решениям, к умным и талантливым создателям оружия и военачальникам сказались как на состоянии советской военной промышленности, так и на состоянии тяжёлой промышленности в целом.

Так были репрессированы и пропали в лагерях авторы идей реактивной артиллерии (будущих «Катюш») и принципиально нового танка (будущего Т-34), в результате чего разработка новых видов вооружения запоздала на несколько лет. Да и сами конструкции не сразу были оценены должным образом, что также повело к потере времени. Видные советские военачальники и военные теоретики, ещё в начале 1930-х гг. разрабатывавшие концепции войны в принципиально новых условиях, которые сложились с появлением новых типов современных вооружений (авиации, танков), предсказавшие большую роль в будущей войне крупных танковых, механизированных и авиационных соединений, создавшие уже тогда такие соединения в Красной Армии были репрессированы, соединения ликвидированы, а их идеи преданы забвению.

Много примеров некомпетентного вмешательства в работу конструкторов и создателей вооружения со стороны Сталина и его назначенцев, отрицательного влияния на работу военной промышленности репрессий 1930-х гг. содержатся в воспоминаниях Наркома вооружений в предвоенные годы Б. Ванникова («Знамя», 1988, №1—2).

Накануне войны в результате репрессий, некомпетентного управления, падения жизненного уровня рабочих произошло снижение темпов роста в тяжёлой индустрии. Например, в чёрной металлургии производство в 1933—1937 гг. возросло в 2—3 раза, а за 1938—1940 гг. всего лишь на 3—8%, притом среднегодовой прирост во второй пятилетке был

¹¹⁵ Печенкин А. А. Была ли возможность наступать? // Отечественная история. 1995, №3. С. 50—52.

равен примерно 40—60%, а в третьей – только 1—3. И хотя темпы роста выпуска военной продукции в предвоенные годы были высоки, они сдерживались трудностями в отраслях, от которых они получали материалы, оборудование и т. д.

К тяжёлым потерям и издержкам привело территориальное размещение оборонной промышленности, которое определялось не столько геостратегическими соображениями, сколько наличием развитой инфраструктуры в Центральном, Северо-Западном и Южном промышленных районах. К началу войны не только не было проведено даже частичного перемещения важнейших оборонных производств в отдалённые от возможного театра военных действий районы, Сталин не только игнорировал предупреждения маршала Шапошникова о необходимости этого, Сталин в 1940 г., по свидетельству Б. Ванникова, дал указание о строительстве на Украине 4 заводов для производства артиллерии и стрелкового вооружения. Их строительство началось и все материалы вошли в состав наших потерь в первые дни войны. И это несмотря на наличие строгих решений о строительстве подобных объектов только в восточных районах.

В результате свыше 80% общего количества предприятий оборонной промышленности, в том числе 94% авиационных заводов и более 80% заводов Наркомата вооружений, оказались с лета 1941 г. в зоне боевых действий и в прифронтовых районах. Это потребовало огромных усилий для их эвакуации и налаживания производства на пустом месте. План расширения военного производства на востоке страны к началу войны не был выполнен, там к 1941 г. не было выпущено ни одного танка, не было даже прокатных станов для изготовления броневой стали и т. д. и т. п.¹¹⁶

Причины плохого положения дел с вооружением и военной промышленностью накануне войны лежат не только в некомпетентности вождей и репрессиях, они лежат гораздо глубже, в принципиальной невозможности планового управления экономикой из одного центра в силу бесконечного обилия и многообразия информации, которую необходимо учитывать, обрабатывать, оценивать и принимать на её основе абсолютно безошибочные решения, что лежит за пределами возможностей человеческого разума, даже самого гениального. Отсюда проистекают решения по шаблону, выбор наиболее простых и вроде бы понятных решений, но неверных в далёкой и не очень далёкой перспективе. Поэтому Сталин отдавал приказ строить военные заводы по сути в возможном районе боевых действий не потому, что не знал, что надо делать, а потому что так было проще, так ему казалось легче решить проблему, надеялся, что обойдётся, авось пронесёт. Решения также принимались на основе личных симпатий, лоббирования групповых и территориальных интересов. И так велось планирование до Великой Отечественной войны, во время войны и после неё.

В то же время, когда производитель независим от государства, но заинтересован в получении выгодных военных заказов, дела идут куда лучше. Примером может служить сама Россия накануне Первой мировой войны, когда частный капитал совершил в короткий срок настоящий прорыв в производстве современного вооружения или США, где до Второй мировой войны не было современной армии и производства соответствующего вооружения и где всё появилось очень быстро и без всяких национализаций.

Положение с обеспечением армии оружием приняло совсем катастрофический характер в результате колоссальных потерь боевой техники и стрелкового вооружения на фронте: из имевшихся на 22 июня 1941 г. 22,6 тыс. танков к концу года было потеряно 20,5 тыс., из 20 тыс. боевых самолётов – 17,9 тыс., из 112,8 тыс. орудий и минометов – более 100 тыс., из 7,74 млн. винтовок и карабинов – 5,5 млн.

Война потребовала коренной перестройки всей экономики, всеобъемлющей мобилизации людских, материальных, сырьевых, финансовых, научно-технических ресурсов для мак-

¹¹⁶ Зверев Б. И. Оружие – фронту //Отечественная история. 1995, №3. С. 60.

симального расширения военного производства и обеспечения действующей армии всеми видами боевой техники, оружия и снаряжения. На военные нужды использовалось около 70% промышленной продукции.

«Вынужденные диспропорции, – пишет Б. Зверев, – между производством и потреблением, между военным и гражданским секторами экономики, какие были в СССР не знала ни одна из стран, участвовавших во Второй мировой войне».¹¹⁷

Благодаря поистине героическим усилиям советских людей, руководителей производства, а также жесточайшим мерам со стороны государства СССР смог наверстать отставание в производстве оружия и боеприпасов. Уже во второй половине 1941 г. выпуск артиллерийских систем более чем втрое превысил объём производства в первой половине года. За 1942—1943 гг. было выпущено артиллерийских систем всех видов и калибров почти на 150 тыс. больше, чем в Германии. Всего за годы войны было выпущено 482 тыс. орудий. Резко усилилась работа по производству реактивной артиллерии, всего за годы войны было изготовлено 11 тыс. пусковых установок «Катюш».

Если за полтора предвоенных года в СССР было выпущено 4,5 тыс. танков, то во второй половине 1941 г. – 4,8 тыс. В 1942—1943 гг. в СССР выпускалось ежегодно по 24,1—24,4 тыс. танков, в Германии за это время было – всего 16,9 тыс. танков и штурмовых орудий. С января 1944 г. по апрель 1945 г. советские заводы дали армии 49,5 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, а германские – 22,7 тыс.

После эвакуации авиазаводов на восток с весны 1942 г. на полную мощность заработало производство новейших типов самолётов. В 1942—1943 гг. Советский Союз ежегодно выпускал на 10 тыс. самолётов больше, чем Германия. За годы войны советские авиастроители выпустили более 60 тыс. истребителей, около 36 тыс. штурмовиков Ил-2, 11 тыс. пикирующих бомбардировщиков Пе-2, производились также бомбардировщики других типов.¹¹⁸

Советские люди проявили массовый героизм, самопожертвование и на фронте и в тылу, как делали их предки сотни лет до этого. Враг пришёл на родную землю и с ним надо сражаться, так рассуждали всегда и русский крепостной крестьянин, и русский солдат. Но многолетняя и жестокая борьба с крестьянством после 1917 г., массовые репрессии 1930-х гг., почти постоянный голод, падение уровня жизни приводили в 1930-е гг. к недовольству властью, снижению трудовой дисциплины, частым переходам на другую работу в поисках лучших условий. Советское руководство не доверяло собственному народу и не нашло ничего лучшего, чем репрессии и ужесточение трудового законодательства. Уже накануне войны была введена, по сути, всеобщая трудовая повинность военно-коммунистического типа. За вторую половину 1940 г. за самовольный уход с предприятий и учреждений, прогулы и опоздания было осуждено более 2,09 млн. человек, из них 1,7 млн. отбывали 6-месячный исправительно-трудовой срок по месту работы.

В первые дни войны законодательство было ещё более ужесточено, гражданское и уголовное право приобрело милитаризованный характер. Крупные поражения на фронте привели к дестабилизации местного и военного управления во многих районах и вызвали социально-политическую напряжённость в тылу. Для преодоления кризиса власти Сталин пошел по пути ужесточения карательных мер. Так появляются приказ Ставки Верховного Главнокомандования №270 от 26 августа 1941 г. и постановление ГКО за №903 «сс» от 17 ноября 1941 г. В постановлении было всего два пункта. Пункт 1: «Разрешить НКВД СССР в отношении всех заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, ныне содержащихся в тюрьмах в ожидании утверждения приговоров высшими судебными инстанциями, привести в исполнение приговоры военных трибуналов округов и республиканских, краевых,

¹¹⁷ Там же. С. 60.

¹¹⁸ Там же. С. 62—66.

областных судебных органов». Пункт 2: «Предоставить Особому Совещанию НКВД СССР право с участием прокурора Союза ССР по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР, предусмотренных ст. ст. 58—1а... 59—13 Уголовного Кодекса РСФСР, выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела. Решение Особого Совещания считать окончательным». После этого прошла волна массовых расстрелов.

Постановление №903 «сс» прямо касалось выполнения мобилизационных, экономических и военно-производственных задач и было основой многих последующих постановлений. Достаточно было указать в документе, что невыполнение установленного задания ГКО будет рассматриваться как особо опасное государственное преступление, контрреволюционное деяние или срыв важнейшей задачи оборонного значения, как ответственные лица и исполнители рисковали предстать перед Особым Совещанием. Были и более прямолинейные формулировки: «За злостное уклонение от мобилизации и повторный самовольный уход с работы виновные привлекаются к ответственности по статье 56—6 Уголовного Кодекса РСФСР... Руководители колхозов, предприятий и учреждений, принимающие на работу или укрывающие лиц, заведомо уклоняющихся от мобилизации или от возвращения из отпуска на торфопредприятия, привлекаются к уголовной ответственности» (постановление ГКО №7561 «с» от 21 февраля 1945 г.).

С декабря 1941 г. самовольный уход с работы рассматривался как дезертирство и такие дела передавались военным трибуналам, срок наказания устанавливался в 5—8 лет тюрьмы. Массовыми были случаи снятия с должностей с передачей в следственные органы НКВД руководителей предприятий.

В результате к январю 1942 г. численность осужденных за уклонение от трудовой мобилизации и самовольный уход с работы составила около 311 тыс. человек.

Для обеспечения рабочей силой заводов, работавших на оборону, использовались трудовые мобилизации (были случаи массовых выселений людей, не связанных с такими заводами для предоставления жилплощади трудмобилизованным), призыв на альтернативно-производственную службу лиц, не годных по состоянию здоровья к строевой службе, создание специальных воинских частей. Широко использовались в качестве источника рабочей силы трудовые ресурсы ГУЛАГа. Так среди предприятий, изготавливавших корпуса гранат Ф-1, РГ-42 и детали к другим гранатам к началу 1945 г. было 6 заводов Наркомата боеприпасов и 9 заводов исправтрудколоний ГУЛАГа.

Широко использовался труд военнопленных, бывших советских военнопленных и интернированных, не прошедших проверки. С конца 1944 г. стали проводить интернирование гражданского населения Германии с трудовым использованием в народном хозяйстве. В январе-феврале 1945 г. предприятия должны были принять 140 тыс. интернированных немцев.

Сходным образом осуществлялась организация труда в сельском хозяйстве. Из-за нехватки людей произвольно увеличивали количество обязательных трудодней, за невыполнение норм привлекали к уголовной ответственности, а основанием для привлечения к суду мог быть даже простой список соответствующих лиц, заверенный счетоводом. По справке земельного отдела Куйбышевского облисполкома, к 17 августа 1942 г. по 21 району за 6 месяцев не выполнили обязательного минимума трудодней 14294 колхозника. Из них на 4872 были заведены уголовные дела и 3783 человека уже осуждены. Среди осужденных встречались и подростки, массовыми были случаи необоснованного привлечения колхозников к уголовной ответственности.¹¹⁹

¹¹⁹ Кнышевский П. Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994, №2. С. 55—61.

Путём жесточайших мер государству удалось заготовить за 1941—1944 гг. 4264 млн. пудов зерна, тогда как в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.) в России было заготовлено и закуплено лишь 1309 млн. пудов.

Но этот факт вовсе не говорит о преимуществах и эффективности колхозного строя. Все качественные показатели (урожайность, продуктивность животноводства) в годы войны в колхозах были ниже, чем до войны и уступали показателям крестьянского хозяйства в годы Первой мировой войны, не говоря уже о других странах-участниках Второй мировой.

Но колхозы оказались очень даже пригодными для максимального выкачивания из деревни практически всей произведённой в них продукции. Колхозники кормились исключительно со своих приусадебных хозяйств.

«Из замечаний зам. наркома земледелия СССР тов. Бенедиктова по отчету начальника Куйбышевского облзо тов. Флорентьева от 30. 11.44 г.

Мне кажется, что состояние сельского хозяйства в Куйбышевской области можно охарактеризовать как на грани развала... Каждый 8-й колхозник не вырабатывает минимума трудодней, каждая четвёртая лошадь падает, каждая 5-я овца дохнет, каждый 5-й трактор стоит. Нет даже простого воспроизводства, идет развал сельского хозяйства в Куйбышевской области. Колхозники увлечены своими приусадебными участками... происходит развал колхозного строя... Область накануне развала».¹²⁰

Кроме мер репрессивного характера, для стимулирования работников использовались и методы поощрения в виде повышенных продовольственных пайков разных категорий, закрытой торговли промтоварами. Так кроме категорийных и общих норм карточного снабжения продовольствием действовали ещё 7 норм: особо повышенные, повышенные, особого списка, города Москвы, торфопредприятий, для служащих, для иждивенцев. Поощрение питанием устанавливалось кратковременное, долгосрочное и постоянное. За невыполнение норм могли, наоборот, снизить пайки. «Рабочим, сменным десятникам и механикам участков, выполняющим нормы выработки или плана добычи угля ниже 80%, холодных завтраков не выдавать. Выдачу завтраков производить по результатам работы за предыдущий день», – предписывало постановление ГКО №7346 «с» от 18 января 1945 г. «О мероприятиях по развитию добычи угля и новом шахтном строительстве в Печорском угольном бассейне в 1945 году».

Использовались и денежные формы поощрения. Но рост денежной массы требовал увеличения товарной массы в специализированно-закрытой торговле. Товаров не хватало и деньги изымали разными способами: в виде государственных займов на оборону, а потом на восстановление и развитие народного хозяйства, через создание искусственного дефицита товаров и строжайшей монополизации винно-водочной торговли. Совершенно секретное постановление ГКО №856 от 30 октября 1941 г.: «1. Продажу водки и вина в г. Москве формально не запрещать, а на деле прекратить. 2. Коммерческую торговлю по продовольственным и промтоварам в г. Москве прекратить на деле, не отменяя формально, а коммерческие магазины использовать для торговли по карточкам». Подобные решения были приняты повсеместно. Но это не означало введения «сухого закона», наоборот, создав дефицит винно-водочных изделий и промышленно-продовольственных товаров в торговле, ГКО начал широко использовать продажу алкогольной продукции для стимулирования труда.

Постановление ГКО №7339 «с» от 18 января 1945 г.: «Выделить Наромрезинпрому в 1 квартале 1945 г. для стимулирования такелажных и погрузочно-разгрузочных работ 10 тыс. декалитров водки и табачных изделий на 500 тыс. рублей». На январь-март 1945 г.

¹²⁰ Вылцан М. А. Приказ и проповедь: способы мобилизации ресурсов деревни в годы войны // Отечественная история. 1995, №3. С. 74, 71.

19 основным наркоматам (без НКО) и ведомствам на поощрительные цели было отпущено 1300 тыс. декалитров водки и спирта в переводе на водочный эквивалент.

Были и другие меры поощрения: досрочное освобождение для заключённых, спецпостройка жилых домов в Москве и категорийных городах для инженерно-технических работников и передовиков производства, предоставление отсрочек от призыва в Действующую армию, отпусков, льгот, ссуд ударникам труда на усадьбы застройки. Таким образом, одной из опор сталинского режима в сфере народно-хозяйственной мобилизации служила политика «кнута и пряника» с регулируемой системой выживания с использованием любви к Родине, ненависти к врагу, терпения народа и понимания им необходимости военно-мобилизационных мероприятий.¹²¹

Советская промышленность в годы Великой Отечественной войны смогла превзойти германскую и наладить производство вооружений в больших количествах. Далось это ценой огромных усилий и жертв советского народа. Какую роль в этом сыграл лично Сталин, политический режим и экономическая система, сложившиеся в 1930-е гг.? Под таким углом зрения исследования практически не проводились. Но в ходе войны в СССР происходила стихийная десталинизация, т.е. наряду с ужесточением дисциплины, усилением наказаний на фронте и в тылу расширяется свобода действий командиров и руководителей разного уровня в пределах их полномочий.

Следует помнить и то, что во время Первой мировой войны российская промышленность смогла также увеличить выпуск вооружений. В то же время политический режим был слабым, самодержавие шло к своему краху. Произошло это прежде всего потому, что за несколько лет до войны царское правительство допустило к производству вооружений, сначала боевых кораблей, а потом и остальных видов, частную промышленность и именно это позволило совершить рывок в производстве особенно современных для того времени.

Ещё более грандиозные скачки в увеличении производства совершала капиталистическая промышленность США в эпохи мировых войн. Благодаря чему США вышли в мировые лидеры к середине XX в.

¹²¹ Кнышевский П. Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов. С. 62—65.

3.4. Когда закончилась война...

В результате боевых действий Советский Союз понёс колоссальный урон. Человеческие потери превысили 26 млн. человек (точные цифры до сих пор неизвестны). Было разрушено 1710 городов и посёлков городского типа, более 70 тыс. сёл и деревень, 31 853 промышленных предприятия (60% производства стали, свыше 60% добычи угля), 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 машинно-тракторных станций, 65 тыс. км железнодорожных путей, 4100 железнодорожных станций. Угнано или уничтожено 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота. Общий ущерб составил 2569 млрд. рублей в довоенных ценах. 25 млн. человек осталось без жилья.

Но милитаризация экономики не уменьшилась после окончания войны. После 1945 г. произошло возвращение гражданских предприятий, перепрофилированных в годы войны на выпуск военной продукции, к мирному производству. Финансовая стабилизация, достигнутая в результате денежной реформы 1947 г., создала необходимые условия для ускоренного восстановления и развития промышленности. Расходы государственного бюджета СССР на финансирование народного хозяйства составляли (в млрд. руб.): в 1940 г. – 58,3; в 1945 г. – 71,8; в 1948 г. – 149,6; в 1952 г. – 179,2. Военные расходы в эти годы составляли соответственно: 57,8 млрд руб.; 143,1; 66,3 и 112,3 млрд. руб. Действительные расходы на оборону были выше из-за того, что многие отрасли народного хозяйства были связаны непосредственно с развитием военно-промышленного комплекса.

Расходы на народное хозяйство значительно увеличились после реформы 1947 г. Это свидетельствует о том, что именно промышленность получила многомиллиардные суммы, выкаченные из народа с помощью денежной реформы. За 1944—1946 гг. объём производимой военной продукции сократился на 59,5 млрд руб. Но затем в связи с «холодной войной» и разработкой новых видов оружия расходы на оборону в 1948—1952 гг. выросли почти вдвое.¹²² Несмотря на резкое снижение уровня жизни советских людей, острый недостаток продовольствия, товаров широкого потребления и жилья, в первые послевоенные годы было развёрнуто гигантское строительство предприятий ядерной и ракетной отраслей военного назначения. Из гражданских отраслей тяжёлой промышленности развивались в первую очередь те, которые обеспечивали нужды военного производства: топливно-энергетическая, чёрная и цветная металлургия. В своём выступлении на предвыборном собрании в феврале 1946 г. Сталин поставил перед советским народом задачу догнать ведущие западные страны не по уровню жизни, не по производству продовольствия, тканей, одежды, обуви и других предметов потребления, не по строительству жилья, а по производству чугуна, стали, цемента и другой продукции тяжёлой промышленности, нужной правящей верхушке для продолжения гонки вооружения. Лёгкая промышленность восстанавливалась гораздо медленнее, а сельское хозяйство продолжало, по существу, находиться на военном положении.

Как и до войны, развитие промышленности шло в значительной степени за счёт ограбления деревни. В 1953 г. заготовительные цены на зерно равнялись 8 руб. 25 коп., а себестоимость его производства в совхозах – 62 руб. Убыточность производства мяса крупного рогатого скота в колхозах в 1952 г. составляла не менее 95%, свинины – 94, молока – 78%. В 1953 г., несмотря на повышение закупочных цен, себестоимость производства зерна более чем в 3 раза превышала уровень средних заготовительных цен, так же, как и по картофелю, овощам, продукции животноводства.¹²³

¹²² Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001, №3. С. 71.

¹²³ Безнин М. А., Димони Т. М. Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930 – 1980-х годов // Отечественная история. 2005, №6. С.115.

В 1948 г. промышленность превзошла довоенный уровень на 18%. В ходе 4-й пятилетки (1946—1950 гг.) продукция машиностроения выросла на 48%, электроэнергетики – на 87.

Задания по выпуску сельхозпродукции не были выполнены, но и те цифры, что приводятся официальной статистикой в отношении сельского хозяйства в послевоенные годы не стоит воспринимать всерьёз. Истинная картина положения дел в сельском хозяйстве открылась только после смерти Сталина. На сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущёв сделал подробный анализ положения в сельском хозяйстве: среднегодовой сбор зерна в 1949—1953 гг. составил 4942 млн. пудов при средней урожайности 7,7 центнера с га против 4380 млн. пудов при средней урожайности 7 центнеров с га в 1910—1914 гг. А было объявлено на XIX съезде КПСС, что валовой урожай составил 8 млрд пудов и что зерновая проблема решена, но на самом деле – это урожай до уборки, на корню, а в закрома попало в 1952 г. лишь 5,6 млрд пудов. На пленуме было объявлено, что заготовки мяса в 1952 г. составили 3 млн т, что в полтора раза превышает заготовки 1940 г., молока – 10 млн т, или почти в 1,6 раза больше, чем в 1940 г. Но при этом поголовье коров уменьшилось по сравнению с довоенным уровнем на 3,5 млн голов, а в сравнении с 1928 г. – на 8,9 млн голов. Только за один 1952 г. произошло сокращение общей численности крупного рогатого скота в целом по стране на 2,2 млн. голов, в том числе коров – на 550 тыс. Т.е., судя по всему, увеличение заготовок мяса произошло за счет массового забоя скота (скорее всего из-за нехватки кормов, не случайно основное внимание в постановлении пленума уделено именно животноводству), а молоко собирали с подсобных хозяйств колхозников, так же, как мясо, шкуры, фрукты, овощи и прочее.

Из 350 тыс. специалистов с высшим и средним образованием, занятых в сельском хозяйстве, только 18,5 тыс. работало в колхозах и 50 тыс. в МТС. Из 94 тыс. председателей колхозов имели высшее образование 2,4 тыс. и среднее специальное – 14,2 тыс.

Первые реформы в экономике, прежде всего в сельском хозяйстве, после смерти Сталина были одобрены Президиумом ЦК КПСС и объявлены Маленковым на сессии Верховного Совета в августе 1953 г. Они предусматривали увеличение капиталовложений в сельское хозяйство, повышение закупочных цен на скот и птицу более чем в 5 раз, на молоко и масло в 2 раза, картофель – в 2,5 раза, на овощи – на 25—40%.

Изменилось отношение к личным подсобным хозяйствам колхозников: были списаны недоимки, снижены нормы обязательных поставок с личных хозяйств (потом отменены совсем), уменьшены в 2 раза ставки налога на земельные наделы. А до этого хозяйства даже без скота всё равно обязаны были сдавать мясо, молоко и другие продукты животноводства.

По решению пленума ЦК КПСС в январе 1955 г. были ещё раз увеличены закупочные цены и выросли капиталовложения в животноводство.

Всего за 1954—1955 гг. капиталовложения в сельское хозяйство выросли на 138%, деревня получила 404 тыс. тракторов, 208 тыс. грузовых автомобилей, 85 тыс. зерновых комбайнов, на работу непосредственно в хозяйствах перешло 120 тыс. специалистов. Предпринятые усилия дали некоторые результаты (Таб. 10).

Таблица 10 (Производство сельхозпродуктов (млн т)

— — — 1950 г. — 1955 г. — 1960 г. — 1965 г.

Зерно — — 81,2 — 103,7 — — 125,5 — — 121,1

Мясо в убойном

весе — — 4,9 — — 6,3 — — 8,7 — — 10

Молоко — — 35,3 — 43,0 — — 61,7 — — 72,6

За 1954—1958 гг. валовая продукция сельского хозяйства выросла на 35,3%, особенно быстро – в личных подсобных хозяйствах, которые дали за эти годы 53% прироста производства мяса в стране, 35—38% картофеля, овощей, молока, шерсти, 87% яиц, 93% махорки.

Но после 1958 г. наметилось замедление темпов развития сельского хозяйства. Среднегодовой темп роста за 1959—1963 гг. к уровню 1958 г. составил всего 2,5% при капиталовложениях в 34,7 млрд. рублей (это больше, чем за 13 послевоенных лет, вместе взятых), всюду заработал затратный механизм, начался отток населения из деревень и снижение рождаемости в сельской местности.

Условия, порождавшие отрицательные явления в экономике, проявились в это время наиболее ярко в сельском хозяйстве. Именно здесь особенно чётко обозначились низкий уровень политической и экономической культуры и соответствующие ему стереотипы деятельности бюрократической системы управления, отрицательные последствия волевого вмешательства государства в экономику.

С середины 1950-х по середину 1960-х гг. было осуществлено несколько крупных программ (даже сверхпрограмм), предназначенных единым махом решить все проблемы сельского хозяйства.

Первой по времени и самой масштабной программой было освоение целинных и залежных земель, начатое с грандиозной помпой в 1954 г. Распашка целины началась в 1954 г., когда не было ни дорог, ни зернохранилищ, ни условий для нормальной жизни целинников, всюду эксплуатировался энтузиазм молодежи. Освоение целины осуществлялось методом штурма, без должной проработки, бросили на целину тысячи тракторов и комбайнов. Но землю пахали как в средней полосе России, где часты осадки, где нет огромных открытых пространств с постоянным ветром и нещадным солнцем как на целине. В результате вместо урожайности в 14—15 центнеров с гектара, как планировали, получили 6—7 ц. Скоро началась ветровая эрозия, только в 1964 г. ветер сдул почву с 6 млн гектар. Но одновременно приходили в упадок старые зерновые районы, не получавшие технику, удобрения, терявшие людей. Тех же результатов, и даже больших, можно было достичь с меньшей затратой сил и средств, если бы они были вложены в старые земледельческие районы. Потеряны были также огромные площади пастбищ для домашних и диких животных.

Ещё одним волшебным ключиком, с помощью которого собирались решить проблемы сельского хозяйства, было распространение посевов кукурузы с конца 1950-х гг. (а потом других чудо-культур – сои, гороха), а также волшебных агроприёмов – квадратно-гнездовой метод посадки, торфоперегнойные горшочки и т. д. Хрущёв надеялся на 500—600 центнеров зелёной массы кукурузы с гектара, на самом деле удалось только увеличить урожайность с 57 центнеров до 151 в 1955—1958 гг., а к 1963 г. она упала до 71 центнера. Посевы кукурузы истощали почву (часто кукурузу заставляли сеять вместо пара, даже на целине, что способствовало ветровой эрозии), нарушали севооборот.

22 мая 1957 г. Хрущёв выдвинул совершенно фантастическую идею: догнать и перегнать США по производству мяса на душу населения к 1960 г. Разрыв по потреблению мяса на душу населения был более чем трёхкратным (103 кг и 32 кг) в пользу США. Рязанская область по инициативе первого секретаря обкома КПСС А. Ларионова взяла обязательство за год дать 3 годовых плана. Обязательство было даже перевыполнено, Рязанская область увеличила производство мяса в 3,8 раза. Но животноводство области было разрушено настолько, что первый секретарь обкома в 1960 г. застрелился.

Село превратилось в полигон для всякого рода реорганизаций и преобразований. Их теоретическим обоснованием были превращённые в непререкаемые догмы ленинские указания о преимуществах крупного социалистического производства перед мелким и положения о государственной форме собственности как высшей по отношению к кооперативной. Поэтому любое обобществление труда и производства объявлялось прогрессивным без учёта конкретной исторической и экономической обстановки. В это время была ликвидирована промышленная кооперация.

С середины 1950-х гг. начался новый этап укрупнения колхозов. За 1957—1960 гг. исчезло 10 тыс. уже укрупнённых ранее колхозов. В 1963 г. осталось 39 тыс. колхозов вместо 91 тыс. в 1955 г. Общие собрания колхозников заменялись собраниями представителей. И без того незначительная роль колхозников в управлении колхозами исчезала совсем.

Проводились массовые преобразования колхозов в совхозы. В 1955 г. 257 колхозов, а всего за 1956—1960 гг. 14 763 колхоза стали совхозами.

На рубеже 1950—1960-х гг. многие сёла объявлялись неперспективными, их жители переселялись в центральные усадьбы колхозов и совхозов, но многие сразу уезжали в город. Это приводило к сокращению сельского населения непропорционально росту производительности труда и создавало дополнительные трудности для сельского хозяйства. Кроме того, терялась связь крестьян с родной землёй, отношение к земле менялось к худшему. Ликвидация большого числа сёл и деревень имела и отрицательные экономические последствия: удлинение пути от населённых пунктов до полей, пастбищ и сенокосов увеличивало затраты, приводило к запустению наиболее отдалённых участков.

В это же время разворачивается кампания гонений на личные приусадебные хозяйства колхозников, происходит их сокращение, а местами даже полная ликвидация и это несмотря на то, что в первые послесталинские годы именно личные хозяйства колхозников дали значительную часть прироста продукции животноводства и овощей.

Курс на специализацию сельскохозяйственного производства, меры вообще-то полезной, проводился формально бюрократически и принёс только вред. Например, мясо-молочному совхозу имени Володарского в Ленинградской области специализацию меняли в 1959—1963 гг. ежегодно: от выращивания картофеля и овощей до садоводства и молочного скотоводства. В результате убытки выросли с 68 тыс. рублей в 1958 г. до 146,7 тыс. в 1962 г.

Огромный ущерб колхозам нанесла поспешная и непродуманная реорганизация машинно-тракторных станций (МТС) в ремонтно-технические станции (РТС) и продажа сельхозтехники колхозам. Мера эта уже назрела, но проводить её необходимо было постепенно, чтобы не подорвать экономику колхозов. Сам Хрущёв вначале говорил об этом и срок проведения этой реорганизации определял в 2—3 года.

Но на самом деле всего лишь за 3 месяца большая часть МТС была ликвидирована, к концу 1958 г. 80% колхозов купили технику. Огромные затраты не только на покупку, но и на строительство помещений для хранения и ремонта, на сам ремонт, на закупку горюче-смазочных материалов легли непомерным бременем на экономику колхозов.

В результате такой аграрной политики наступил очередной кризис. В 1963 г. валовая продукция сельского хозяйства уменьшилась на 10,7%, упав ниже уровня 1958 г. поголовье свиней сократилось с 70 до 41 млн голов, крупного рогатого скота – на 1,5 млн, овец – на 6 млн (результат гонений на приусадебные участки не только в деревне, но и в городе). Пришлось повышать цены на мясо, молоко.¹²⁴

Кризис 1963 г. можно было бы списать на крайне плохие погодные условия. Но проблема гораздо глубже. На рубеже 1950—1960-х гг. зерновая проблема, казалось бы, была решена. Среднегодовые сборы зерна в 1954—1958 гг. составили 113,2 млн т против 80,9 млн т в 1949—1953 гг.; урожайность зерна соответственно – 9,2 и 7,7 ц с 1 га; государственные

¹²⁴ См.: Из Постановления ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» // Хрестоматия по истории КПСС. Т. 2. М., 1989. С.351—359; Русинов И. Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х гг. // Вопросы истории КПСС. 1988, №9; Н.С.Хрущев «О решении зерновой проблемы и возможности освоения целинных и залежных земель». Из докладной записки в Президиум ЦК КПСС // Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995 гг.). М., 1996. С. 42—44; Зима В. Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994, №3. С. 109—125; Зеленин И. Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 – начало 60-х годов) // Отечественная история. 1998, №4. С. 109—122; «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 5-е – начале 60-х годов) // Отечественные архивы. 1994, №1. С. 27—49.

заготовки – 43,6 и 32,8 млн т. В 1959—1964 гг. рост зернового производства продолжился: среднегодовые валовые сборы зерна составили 129,3 млн т; урожайность достигла 10,4 ц с 1 га; государственные заготовки – 52,5 млн т.

Но зерна не хватало. Ситуация ухудшалась постепенно. С рубежа 1950—1960-х гг. расход зерна стал превышать заготовки, начал сокращаться госрезерв. В 1960 г. заготовки зерна в стране, его расход и госрезерв составляли соответственно 46,7; 50,0 и 10,2 млн т, а в 1963 г. – 44,8; 51,2 и 6,3 млн т. Поэтому импорт зерна в 1963 г. не стал единичным эпизодом. В 1963 г. на закупку зерна было израсходовано 372,2 т золота (более трети общего запаса), а в 1965 г. – 335,3 т.

Основная причина этого явления – демографический фактор. Именно в этот период началась массовая миграция из деревни в город. За 1960—1964 гг. из деревни в город переселилось почти 7 млн, в основном бывших колхозников. В начале 1960-х гг. соотношение населения между городом и деревней изменилось в пользу города. В 1961 г. городское население составило 51%, в 1962 г. – 52% и в 1964 г. – 53%. Причинами усиленной миграции в города явились непродуманные аграрные реформы Хрущёва, более привлекательный образ жизни и более высокий уровень жизни в городе. Поэтому уезжала из деревни в большинстве своём молодёжь, что ещё более делало перспективы развития сельского хозяйства тревожными.

Другим фактором явился значительный рост потребления продуктов питания как в городе, так и в деревне. Довоенный уровень питания колхозников по наиболее калорийным продуктам был заметно превзойдён уже в середине 1950-х гг. В семьях рабочих уровень потребления был значительно выше.

Другой причиной, сдерживавшей развитие сельского хозяйства, было отвлечение огромных средств из аграрного сектора в пользу военно-промышленного комплекса, втягивание СССР в гонку вооружений с США. Сам Хрущёв признавал потом, что форсированное ракетостроение в стране имело «отрицательные стороны», поскольку «зря выбрасывало деньги из бюджета и истощало наши финансовые возможности».¹²⁵

После смерти Сталина пришлось заняться ещё одной проблемой, острота которой не уменьшилась и в последующие десятилетия вплоть до кончины Советского Союза, несмотря на все усилия коммунистической партии и правительства. Эта проблема – растущее отставание технического и технологического уровня советской промышленности.

Советская индустрия была создана в 1930-е гг. на основе импортной и изготовленной в СССР по западным образцам техники. За прошедшие десятилетия машины и оборудование устарели морально и физически, несмотря на оптимистические установки Сталина, что при социализме морального старения техники не происходит. Всё больше начинает усиливаться противоречие между научно-техническим уровнем разных отраслей промышленности. С одной стороны, очень высокий уровень был в атомной и ракетно-космических отраслях (первый спутник в 1957 г., первый человек в космосе в 1961 г., мощные военные ракеты, первая атомная электростанция в 1954 г., первый атомный ледокол «Ленин» в 1957 г., мощнейшие ядерные и термоядерные бомбы).

С другой стороны, наметилось и всё больше усиливалось технологическое отставание общего уровня промышленности, особенно в гражданских отраслях, включая машиностроение и станкостроение, металлургию. Советская государственная промышленность в её казённом варианте оказалось слабо восприимчивой к новым технологиям, незаинтересованной в разработке и внедрении новых видов продукции, в экономии материальных, финансовых и человеческих ресурсов. Отсюда применение термина «внедрение», т.е. чего-то принудительного, буквально вталкивания новых технологий и видов продукции. Офи-

¹²⁵ Зеленин И. Е. Аграрная политика Н.С.Хрущева и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000, №1. С.83—86.

циальная пропаганда об этих проблемах умалчивала, но появление Государственного комитета по науке и технике (1955 г.), включение в конце 1950-х гг. в пятилетние планы предприятий отдельной строкой заданий по внедрению новых технологий, использованию новых машин и оборудования, выпуску продукции более высокого технологического уровня, пропагандистская шумиха вокруг НТР свидетельствовали о начавшемся высшим руководством страны осознании наличия проблем в данном отношении. Показательно появление художественных произведений и кинофильмов на тему борьбы нового и старого, новаторов и консерваторов: «Битва в пути» Г. Е. Николаевой, «Иду на грозу» Д. Гранина, «Новое назначение» А. Бека. Тогда же ставятся задачи усиления специализации и кооперирования в промышленности, начинает уделяться внимание проблемам себестоимости продукции, экономии ресурсов и т. д.

Но всё оказалось напрасно и сдвиги в лучшую сторону были, но недостаточные.

О серьёзных проблемах с технологическим уровнем советской промышленности свидетельствуют крайне большие сроки внедрения новых технологий (если их вообще удавалось запустить в производство). (Таб. 11)

Таблица 11. Сопоставление временных интервалов по внедрению и распространению новой технологии в СССР и развитых западных странах.¹²⁶

— — — СССР — США — Англия — ФРГ — Япония

Кислородные
конверторы:

А. Первая

промышленная

установка — 1956 — 1954 — 1960 — 1955 — 1957

Б. 20% общего

производства

стали через — 16 лет — 12 лет — 5 лет — 11 лет — 5 лет

2. Непрерывный

разлив стали:

А. Первая

промышленная

установка — 1955 — 1962 — 1958 — 1954 — 1960

Б. 5%

производства

стали через — 17 лет — 7 лет — 16 лет — 14 лет — 10 лет

3. Атомная энергия:

А. Первая

коммерческая

электро-

станция — 1954 — 1957 — — 1956 — 1961 — — —

Б. 2% производства

электроэнергии

через — — 21 год — 14 лет — — 6 лет — 9 лет — — —

Отставание Советского Союза в научно-техническом прогрессе, несмотря на предпринимаемые меры, продолжало нарастать. В 1965—1975 гг. СССР отставал по доле электро-стали и кислородно-конверторной стали в общей выплавке от США на 22 года, от ФРГ на 23, от Японии на 31 год, а в 1970—1988/89 гг. соответственно на 41, 45 и 45 лет, а Россия в 1980—1990 гг. на соответственно 47, 46 и 47 лет. По удельному весу производства стали с машин

¹²⁶ Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995 гг.). М., 1996. С. 91.

непрерывного литья заготовок во всей выплавке в 1965—1975 г. СССР отставал от США на 4 года, от ФРГ на 33, от Японии на 46 лет, в 1970—1988/89 гг. уже соответственно на 62, 106 и 112 лет, Россия в 1980—1990 гг. – соответственно на 37, 49 и 52 года. По производству пластмасс на душу населения СССР отставал в 1965—1975 гг. от США на 68, от ФРГ на 125 и от Японии на 63 года, в 1970—1988/89 гг. – соответственно на 180, 250 и 130 лет, Россия в 1980—1990 гг. – соответственно на 130, 160 и 130 лет.¹²⁷

После довольно высоких темпов развития промышленности в 1950-е гг., в начале 1960-х гг. они падают. В 1963 г. по сравнению с 1962 г. прирост национального дохода снизился с 5,7 до 4%, продукция промышленности – с 9,7 до 8,1%, производительность труда в промышленности – с 5,5 до 4,8%, а валовая продукция сельского хозяйства составила в 1963 г. только 92,5% от уровня 1962 г.¹²⁸

А ведь с конца 1950-х гг. развернулось движение за коммунистический труд. В 1961 г. началось развёрнутое строительство коммунизма в СССР, рассчитанное на 20 лет. Главными целями были провозглашены достижение слияния государственной и колхозной (кооперативной) собственности в единую общенародную, стирание граней между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, воспитание коммунистического отношения к труду, при котором на первое место выдвигалось бы сознательное отношение к работе, а материальное стимулирование должно было отмереть совсем. В результате через 20 лет, к началу 1980-х гг., должно было быть построено общество всеобщего изобилия и был бы осуществлен великий принцип коммунизма: от каждого по способностям, каждому по потребностям, т.е. вне зависимости от того, как работаешь и сколько производишь, берёшь что хочешь и сколько хочешь.

Но жизнь в очередной раз оказалась сильнее словесной шелухи и пропагандистской шумихи. Кризисные явления в экономике вынудили правящую верхушку встать на путь реформ, сутью которых было использование *экономических* методов управления народным хозяйством и материального стимулирования труда. Реформы 1965 г. означали фактический отказ от идеи построения коммунистического общества вообще. Это была предпоследняя попытка спасти систему казённой экономики с помощью косметических мер, приспособления некоторых элементов рыночной экономики к потребностям казённой, что невозможно и, естественно, она окончилась неудачей.

Экономические реформы в 1965 г. начались с многострадального сельского хозяйства. В постановлении Мартовского пленума ЦК КПСС причины кризиса определены так: «Основными причинами отставания сельского хозяйства явились нарушения экономических законов развития социалистического производства, принципов материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов в подъёме общественного (именно общественного – авт.) хозяйства, правильного сочетания общественных и личных интересов». Указывалось также на субъективизм в руководстве, «что привело к ошибкам в планировании, финансировании и кредитовании сельского хозяйства, в политике цен. Мало выделялось капиталовложений на производственное и культурно-бытовое строительство, слабо укреплялась материально-техническая база. Большой вред колхозному и совхозному производству наносили необоснованные перестройки руководящих органов, порождавшие обстановку безответственности и нервозности в работе.

Серьезные недостатки имели место в организации заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов. Существующая ныне практика заготовок и закупок продуктов земледелия и животноводства не создает необходимых условий для развития колхозного и совхозного производства...

¹²⁷ Смирнов В. С. Экономические причины краха социализма в СССР // Отечественная история. 2002, №6. С. 102.

¹²⁸ Исторический опыт и перестройка. М., 1989. С. 213.

Колхозам и совхозам давались сверху без учета местных условий многочисленные шаблонные указания по агротехнике, содержанию и кормлению скота, по структуре посевных площадей и другим вопросам. Это сдерживало инициативу руководителей и специалистов, всех тружеников деревни, мешало нормально вести дело».

Для преодоления недостатков, говорится в постановлении, «нужно решительно отказаться от практики администрирования, командования, подмены руководителей и специалистов колхозов и совхозов, искоренять проявления парадности и шумихи.

Необходимо добиваться активного участия широких масс в осуществлении хозяйственно-политических задач, обеспечить правильный подбор, расстановку и воспитание кадров, систематический контроль за выполнением решений партии. Нужно укрепить дисциплину во всех звеньях партийного и государственного аппарата, на всех участках общественного производства, повысить ответственность каждого работника за порученное дело».

Кажется, всё верно, только какие политические задачи могут быть в поле или на ферме, кто будет подбирать и воспитывать кадры? А ответ в следующей фразе: «Обязать партийные, советские, сельскохозяйственные органы добиться решительного укрепления демократических основ колхозного строя, строгого соблюдения принципов управления делами артели, широкого участия колхозников в решении основных вопросов колхозного производства». ¹²⁹ Получается, что колхозники устранены от решения основных вопросов производства, формальны артельные принципы управления, но «укрепления», «соблюдения» и «широкого участия» должны добиваться не сами колхозники, а те органы, которые их всего этого и лишили. Поручили волку стеречь овечьё стадо. Всё, естественно, осталось как было, а постановление в этой части осталось на бумаге.

Пленум предусмотрел и конкретные меры по подъёму сельского хозяйства. Прежде всего, это очередное повышение закупочных цен и введение дополнительной оплаты за сверхплановую продукцию. Эти меры положительно сказались на экономике колхозов и совхозов и привели к росту производительности труда во второй половине 1960-х гг. в среднем в год на 6,5%, что в 2 раза выше, чем в первой половине десятилетия. Государство закупило зерна на треть больше, чем в первой половине 1960-х гг. Планы теперь устанавливались в зависимости от наличных сельхозугодий и на пять лет.

Но эффект от этих мер исчез уже в начале 1970-х гг. Обратим внимание на то, что несмотря на регулярное повышение закупочных цен на сельхозпродукцию после смерти Сталина, сельское хозяйство постоянно оказывалось убыточным. Причины этого явления лежат в особенностях ценообразования в казённой экономике. Цены устанавливаются государственными органами и в выигрыше оказываются те отрасли производства, которые имеют возможность часто менять номенклатуру производимых изделий: внеся в них незначительные изменения производители могут добиваться повышения цен, зачастую несоответствующих увеличению производительности новых машин. Это касается прежде всего машиностроителей, в том числе изготовителей сельхозтехники. Практически невозможно проделать эту операцию с сельхозпродукцией (так же как и с продукцией сырьевых и топливных отраслей) и получается, что цены на машины для села растут постоянно, а цены на продукцию сельского хозяйства стоят и это приводит к его убыточности. Повышение время от времени закупочных цен приносило только временное облегчение, которое быстро сходило на нет из-за постоянного скрытого роста цен на промышленную продукцию.

Точно в таком же положении, как и сельское хозяйство и по тем же причинам, находились сырьевые и топливные отрасли, не случайно все они, кроме газовой, оказались в 1980

¹²⁹ Пленум ЦК КПСС 24—26 марта 1965 г. Из Постановления: «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР» // Хрестоматия по истории КПСС. Т. 2. С. 445—447.

—1990-х гг. в тяжёлом кризисе из-за отсталости и запущенности технической и технологической базы.

Была изменена система оплаты труда колхозников. Раньше они получали зарплату в виде трудодней по результатам работы и итогам деятельности колхоза в течение сельскохозяйственного года, т.е. размер трудодня зависел от урожайности, валового сбора зерна, надоев молока, привесов мясного стада или, другими словами, от конечных результатов работы за весь год. Теперь стали платить каждый месяц за конкретно выполненную работу, таким образом единый сельскохозяйственный цикл оказался разорванным, колхозники потеряли стимул добиваться наивысшего конечного результата. Это часто приводило к снижению качества работ (трактористу платили теперь за количество вспаханных весной гектаров, а не за осенний урожай), к нарушению агротехники и т. д.

Старт реформам в промышленности был дан на Сентябрьском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС. И опять сквозь словесную трескотню видно признание банкротства казённой экономики. Задачи реформ определялись в постановлении пленума так: «Главными из них являются повышение эффективности производства, рост производительности труда, увеличение отдачи капитальных вложений и основных производственных фондов, осуществление строгой экономии, устранение излишеств и непроизводительных расходов, всемерное развитие творческой инициативы в решении этих задач».

Ставилась задача повышения уровня государственного планирования, основанном на реальных и объективных расчётах, строгом учёте экономических законов социализма, нацеленном на обеспечение пропорциональности в развитии экономики (а что говорил Завенягин в 1937 г.?), на оценке перспектив научно-технического прогресса.

Пленум заявлял: «Серьёзным недостатком в руководстве промышленностью является то, что в нём превалировали административные методы в ущерб экономическим. Хозрасчёт на предприятиях носит во многом формальный характер, права предприятий в хозяйственной деятельности ограничены». Отрицательными явлениями признавались регламентация работы предприятий большим количеством плановых показателей, критиковался территориальный принцип управления, введённый Хрущёвым.

Главными направлениями реформ в промышленности были определены введение отраслевого принципа управления, т.е. восстановление отраслевых министерств и, сердцевина реформ, сокращение числа плановых показателей, усиление роли прибыли, цены, премии, кредита. При этом говорилось о необходимости сочетания государственного планирования с полным хозрасчётом предприятий, централизованного государственного управления с широкой республиканской и местной инициативой, принципа единоначалия с повышением роли производственных коллективов.¹³⁰

Что касается полного хозрасчёта предприятий, то всё свелось к ряду экономических экспериментов на уровне отдельных заводов, комбинатов, строительных бригад и трестов. Как правило, первые предприятия-экспериментаторы добивались хороших результатов, но при распространении их опыта эффект от нововведения исчезал. Причины этого хорошо видны на примере знаменитого в те годы «щекинского метода».

Щекинский химкомбинат добился при сокращении численности производственного персонала за 1967—1975 гг. на 1,5 тыс. человек роста объёма производства почти в 3 раза, производительности труда в 3,4 раза, а зарплата увеличилась в среднем на 45%.¹³¹ Секрет щекинского эксперимента заключался в том, что, при сокращении численности работающих, фонд заработной платы сохранялся и делился между оставшимися, в то время как

¹³⁰ Пленум ЦК КПСС 27—29 сентября 1965 г. Из Постановления «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» // Хрестоматия по истории КПСС. Т. 2. С. 448—451.

¹³¹ Исторический опыт и перестройка. С. 237.

обычно в таком случае уменьшался и фонд зарплаты предприятия. И именно так происходило при распространении щекинского метода на другие предприятия: путём снижения расценок, введения верхних пределов зарплаты.

Следует учитывать и то, что на время эксперимента предприятия снабжались сырьём, материалами, топливом, машинами и оборудованием в полном объёме и без задержек, т.е. находились в тепличных условиях, создать которые для всех государство было не в состоянии.

Права же продавать свою продукцию и покупать необходимое для производственной деятельности по своему усмотрению и по своим (рыночным) ценам предприятия, даже на время эксперимента, не получали. Организация горизонтальных связей (поставщик – потребитель) находилась по-прежнему в ведении центра. В этих условиях сокращение, согласно принципам реформы, числа спускаемых сверху плановых и расчётных показателей означало лишь некоторое перераспределение прав и обязанностей в рамках всё той же в целом централизованной системы.

Особенно губительным для экономики явилось введение прибыли как обязательного планового показателя при прежней системе централизованного управления и планового государственного ценообразования. Это обстоятельство имело, по крайней мере, два основных отрицательных последствия.

Во-первых, усилился дефицит, особенно дешёвой продукции, так как предприятия стали стремиться к выпуску выгодной (дорогой) продукции и избегать невыгодную (дешёвую).

Во-вторых, резко стали ухудшаться такие качественные показатели как фондоотдача, материалоемкость, ускорился рост себестоимости продукции. В 1970-е гг. появляются знаменитые лозунги, провозглашаемые на съездах КПСС, вроде «экономика должна быть экономной». Причина здесь в том, что прибыль зависит от оптовой цены, а основой её расчёта служила себестоимость изделий, последняя же зависит от затрат труда и материалов. Чем выше затраты, тем больше себестоимость и, следовательно, оптовые цены, а чем выше оптовые цены, тем больше прибыль, а, следовательно, легче выполнить план, выше зарплата, премии и прочие блага.

Когда прибыль вводили в качестве планового показателя, то оглядывались на опыт капиталистических стран (точнее стран с рыночной экономикой), где погоня за прибылью приводит к повышению эффективности производства: снижению издержек и себестоимости, экономии труда, повышению отдачи от основных производственных фондов и снижению материалоемкости.

Почему же в СССР всё получилось с точностью до наоборот? Дело в том, что в рыночной экономике оптовые цены складываются в ходе обмена между независимыми продавцами и покупателями, в результате более или менее свободного установления соотношения спроса и предложения. В ходе рыночных взаимоотношений между продавцами и покупателями, между *многочисленными* производителями определяются *средние* общественно необходимые затраты на производство того или иного товара. И прибыль образуется как разница между *индивидуальными* затратами производителя и *средними* общественно необходимыми. Другими словами, если индивидуальные затраты производителя ниже общественно необходимых, то он имеет прибыль, а если они выше, то он имеет убыток. Именно это заставляет производителей всемерно снижать издержки производства. Именно поэтому в странах с рыночной экономикой государство строго следит за монополистами, имеющими возможность завышать цены на свои товары и услуги из-за отсутствия конкурентов.

В СССР же и после 1965 г. механизм ценообразования остался прежним, плановым. В реальности этот механизм сводился к тому, что предприятия подсчитывали свои затраты и вносили их в оптовую цену, а плановые органы эту цену утверждали. Следовательно, чем

больше предприятие тратило на изготовление своей продукции, чем выше была себестоимость, тем выше цена и, следовательно, прибыль. Но это мы уже проходили. Эта система оценки деятельности предприятий действовала в СССР всегда, особенно с конца 1920-х гг., а в царской России – на казённых заводах. Но до 1965 г. её отрицательные последствия сдерживалась всесторонним планированием деятельности предприятий в натуральных показателях, теперь же система заработала во всю свою разрушительную мощь. Планирование же в натуральных показателях является, в свою очередь, мощным тормозом научно-технического прогресса, препятствует своевременному применению новых технологий и материалов, сковывает личную инициативу и т. д. От крайних форм такого планирования решено было отказаться, но появились новые проблемы, не меньшего масштаба.

Избежать разрушительных последствий введения прибыли как планового обязательного показателя можно было только изменив механизм ценообразования, т.е. отказавшись от планового государственного и перейдя к рыночному. Но это неизбежно должно было вести не просто к существенным изменениям в стиле и методах руководства и даже не просто к смене состава управляющих, а к ликвидации самой системы управления экономикой. Отсюда проистекает сопротивление реформам и отказ от неё в конечном счёте. Тем более что ряд внешних обстоятельств содействовали этому отказу – многократное повышение мировых цен на нефть и газ, открытие богатейших месторождений их в Западной Сибири, что позволило получать огромные доходы от экспорта нефти и газа и тратить их на военное производство и некоторое увеличение производства потребительских товаров.

Другими словами, затратность, неэффективность казённой промышленности определяются отсутствием рыночных механизмов ценообразования через игру спроса и предложения, где выигрывает тот, кто затратил на производство меньше. При государственном, бюрократическом определении цены нет иного способа, как устанавливать цену в зависимости от фактических затрат, добавляя некоторый процент на развитие производства и оплату труда. В таком случае неизбежно будет расти потребление сырья, материалов, топлива и энергии в расчёте на единицу выпускаемой конечной продукции, а увеличение общего объёма производства возможно только за счёт вовлечения в оборот всё новых и новых материальных и человеческих ресурсов, снижения качественных показателей экономики. Эти отрицательные явления неизбежны в любом государстве, в любую историческую эпоху при господстве казённой экономики и здесь не помогут никакие заклинания и призывы к экономии.

До поры до времени отрицательные тенденции в советской казённой экономике сдерживались наличием огромных природных и человеческих ресурсов и терпением народа, стоически переносившим тяготы жизни. Но со второй половины 1950-х гг. положение стало меняться в худшую для государства сторону. После распашки целинных земель исчез последний резерв увеличения валового сбора зерна экстенсивными методами и уже в начале 1960-х гг. вновь возникли трудности с продовольствием. В 1970-е гг. были исчерпаны резервы рабочей силы: коэффициент сменности оборудования приблизился к единице, а кое-где для новых предприятий уже не хватало рабочих рук. Всё труднее было наращивать объёмы промышленного производства за счёт роста добычи природных ресурсов. Топливные и сырьевые отрасли, которые в течение десятилетий не получали достаточно средств для своего развития, приходили всё больше в упадок и всё ближе подходили к грани, после которой должно было начаться снижение производства. Даже в нефтедобывающей промышленности, на которой держалась советская экономика в 1970-е гг., всё быстрее приближался кризис: не разрабатывались собственные и не закупались иностранные технологии по увеличению отдачи пластов и по этому показателю СССР уступал многим странам на один-два порядка. И после исчерпания фонтанирующих нефтяных пластов Западной Сибири в 1980-е гг. началось резкое падение нефтедобычи.

Показателен пример Кузбасса. За послевоенные десятилетия в Кузбассе было построено всего несколько новых шахт. Технология добычи угля оставалась устаревшей: в основном с помощью взрывов и лопаты (это основная причина аварий на кузбасских шахтах и высокой смертности среди шахтёров). В Кузбассе не было заводов, которые бы выпускали машины для механизации шахтёрского труда, средств для разработки техники для механизации добычи угля в сложных геологических условиях и поиска принципиально новых технологий (подземная газификация угля, например) отпускалось крайне мало и они так и не появились.

3.5. Итоги индустриализации СССР

А теперь посмотрим, к чему привело экономику Советского Союза безраздельное господство в ней государства. Даже по официальным данным темпы роста национального дохода сокращались с каждой пятилеткой: 8-я пятилетка (1966—1970-й гг.) – 41%; 9-я – 28; 10-я – 21; 11-я – 17%.¹³²

Реальные же темпы роста валового национального продукта, рассчитанные по западной методике, снижались на 5—6% ежегодно в 1950-е гг., более чем на 5% – в 1960-е, 3% – в 1970-е и упали до нуля в 1980-е гг.¹³³

На XXVII съезде КПСС в 1986 г. М. С. Горбачёв объявил, что за 25 лет после принятия III Программы КПСС, основные производственные фонды народного хозяйства выросли в 7 раз, национальный доход увеличился в 4 раза, промышленное производство в 5 раз, сельскохозяйственное – в 1,7 раза, реальные доходы на душу населения в 2,5 раза, общественные фонды потребления в 5 с лишним раз.¹³⁴

Но гордиться здесь абсолютно нечем. Если основные производственные фонды росли почти в два раза быстрее национального дохода, то это означает снижение эффективности общественного производства почти в два раза, т.е. станков становилось всё больше, а продукции от них получали всё меньше.

О буквально катастрофическом падении качественных показателей советской экономики свидетельствуют расчёты Н. Шмелёва и В. Попова, сделанные в основном по сборникам ЦСУ СССР «Народное хозяйство СССР». Товарно-материальные запасы, в процентах к национальному доходу, составляли в СССР в 1968 г. 50%, а в 1985 г. уже 82%. Фондоотдача снизилась в 1985 г. в отношении к 1960 г. (он принят за 100%) в промышленности до примерно 65%, в сельском хозяйстве и строительстве до 25—30%.

Так что, например, объём строительно-монтажных работ в сопоставимых (неизменных) ценах увеличился в 1960—1985 гг. более чем в 3 раза, но в натуральном выражении, скорее всего, сократился. В 1970-е – начале 1980-х гг. по абсолютному большинству важнейших позиций ввод мощностей сокращался и в ряде случаев даже не покрывал выбытия. Этот же вывод справедлив и для более длительного периода: из 42 видов производственных мощностей, по которым имеются сопоставимые данные, в 1981—1985 гг. среднегодовой ввод в действие был ниже, чем в 1961—1965 гг., в 30 случаях, а в большинстве остальных – не слишком сильно превышал аналогичный показатель 20-летней давности. В начале 1980-х годов за счёт строительства новых, расширения и реконструкции старых предприятий ежегодно вводилось в строй мощностей по добыче железной руды на 14 млн т (против 26 млн т в начале 1960-х), по производству стали – на 1,4 млн т (против 3,1 млн т), стальных труб – на 143 тыс. т (против 486 тыс.) и т. д.

По вводу непромышленных объектов ситуация ещё хуже. Из 17 позиций в первой половине 1980-х гг. по сравнению с первой половиной 1970-х гг. по 15 позициям произошло сокращение, причём в половине случаев – в 2 и более раз.

¹³² Разуваева Н. Н. Противоречия и трудности социально-экономического развития СССР в 1961—1985 гг. // Страницы истории Советского общества: Факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 340.

¹³³ Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998, №1. С. 112—113.

¹³⁴ Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Горбачева М. С. // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т.1. М., 1986. С. 43.

Таким образом, строительство к 1985 г. в течение четверти века не увеличивало реальных объёмов производства. Но число единиц строительной техники за это время увеличилось в 3—5 раз, выросла доля механизированных работ и энерговооружённость труда.

Основные фонды промышленности в сопоставимых ценах за это же время выросли на 769%, энергетические мощности – 524, потребление энергии – 431%. А валовая продукция в сопоставимых ценах увеличилась на 485%, а в натуральных показателях – всего на 297%.

Ещё хуже было положение в сельском хозяйстве. За 1960—1985-й гг. основные фонды в сельском хозяйстве в сопоставимых ценах выросли на 574%, энергетические мощности – 498, суммарная мощность двигателей тракторов – 482, число специальных машин – 448, суммарная грузоподъёмность автомашин – 407, число зерноуборочных машин – на 167%. Но поголовье крупного рогатого скота увеличилось – на 159%, поголовье свиней – 133, производство льноволокна – 81, картофеля – 86, шерсти – 133, зерна – 153, молока – 160, овощей – 169, хлопка – 192, мяса – 197 и в целом валовая продукция в сопоставимых ценах возросла – на 169%.¹³⁵

О большом отставании сельского хозяйства и его неэффективности в СССР свидетельствуют и данные академика А. Никонова. (Таб. 12—15.¹³⁶)

Таблица 12. Урожайность зерновых культур (центнеров с 1 га)

— — — — 1970 г. — — 1985 г. — Прирост

СССР	— 15,6	— 16,2	— 0,6
Китай	— 19,5	— 37,0	— 17,5
США	— 31,4	— 47,4	— 16,0
Италия	— 25,8	— 36,5	— 10,7
Германия	— 33,4	— 52,9	— 19,5
Франция	— 33,7	— 57,1	— 23,4
Нидерланды	— 37,2	— 69,6	— 32,4

Таблица 13. Удой молока от одной коровы (килограммов)

— — — — 1970 г. — — 1985 г. — Прирост

СССР	— 2110	— 2330	— 220
США	— 4423	— 5911	— 1488
Германия	— 3737	— 4623	— 886
Финляндия	— 3723	— 4998	— 1275
Швеция	— 4070	— 5546	— 1476
Нидерланды	— 4336	— 5307	— 971
Израиль	— 5191	— 9100	— 3909

Таблица 14. Прямые затраты энергоресурсов на 1 тонну зерновых (средние за 1984—1985 гг.)

— — Килограммов условного топлива — Процент

СССР	— — — — 214	— — — — 100
Германия	— — 56	— — — — 26
США	— — 43	— — — — 20
Франция	— — 30	— — — — 14
Англия	— — — 24	— — — — 11

¹³⁵ Шмелёв Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. С.181—185.

¹³⁶ Никонов А. О земле и науке на фоне политики // Свободная мысль. 1992, №18. С.93.

Таблица 15. Прямые затраты труда на 1 центнер продукции (человеко-часов)

— — — — СССР – США – Процент

Пшеница — — — 1,1 – 0,26 – 23,0

Картофель — — — 2,4 – 0,22 – 9,2

Сахарная свекла — 0,8 – 0,11 – 13,7

Хлопок — — — 32,0 – 2,3 — 7,2

Молоко — — — 6,0 – 0,44 – 7,3

Говядина — — 37,0 – 2,0 — 5,4

Свинина — — 47,0 – 0,66 – 1,4

Яйца (на 1 тыс. шт.) — 3,0 – 2,0 — 66,7

На пленуме ЦК КПСС в марте 1989 г., посвящённом аграрным проблемам, Горбачёв признал, что за 20 лет на Украине основные производственные фонды сельского хозяйства выросли в 4,2 раза, поставки удобрений – в 3, оплата труда – в 2,7, а прирост производства сельскохозяйственной продукции составил всего 39%.¹³⁷

В результате чрезмерных военных расходов, не оставлявших средств на другие нужды, средний срок службы оборудования достиг 30 лет, вдвое превысив нормативный, износ коммуникаций и железных дорог перевалил за 60%, износ парка самолётов гражданской авиации приближается к 100%, износ жилого фонда – к 60%. В аварийном состоянии находятся тысячи километров нефте- и газопроводов и электросетей. 40 млн человек проживало в зонах экологического бедствия.¹³⁸

Индекс отходов (отношение массы бытовых отходов к сумме всех отходов, производимых обществом) составлял в США – 0,23, Германии и Великобритании – 0,26, Японии – 0,19, СССР – 0,025, т.е. эффективность использования природных ресурсов в СССР примерно в 10 раз ниже. Ещё хуже положение с ядовитыми и вредными отходами. Индекс опасных отходов (отношение ядовитых и вредных отходов к общему количеству бытовых) в СССР равен 4,53, в Германии – 0,26, США – 1,49. Советское производство было в 20 раз опаснее для человека, чем западноевропейское.

На Западе на производство 1 кг потребляемой человеком продукции расходовалось 4 кг исходного материала природы, в СССР – 40 кг. Один пример, в начале 80-х годов СССР выплавлял стали в 2 раза больше, чем США, а руды добывал в 3 раза больше, вскрышных пород было в 8 раз больше и вся она шла в отвал, хотя 2/3 можно было использовать.¹³⁹

Национальный доход по официальной статистике (в стоимостном выражении с повторным счётом) с 1928 г. по 1985 г. вырос в 90 раз, а по методике Г. Ханина – в 6—7 раз и это очень много, но всё же...

Потребление материальных ресурсов и основных производственных фондов увеличивалось быстрее, чем национальный доход. С 1928 г. по 1985 г. материалоёмкость общественного продукта возросла в 1,6 раза, фондоотдача снизилась примерно на 30%. Относительно скромно (в 3,6 раза) поднялась производительность труда.

Так работать можно было только при изобилии природных ресурсов. Но экстенсивный способ развития обходится недёшево. Целые десятилетия уровень жизни падал и лишь в 1950-е гг. стал расти, но это породило новые проблемы.¹⁴⁰

За счёт статистических манипуляций в ЦСУ-Госкомстате преуменьшили рост цен за 1929—1987 гг. в 8 раз и получили индекс национального дохода за эти годы 8950%

¹³⁷ Материалы Пленума Центрального комитета КПСС. 15—16 марта 1989 года. М., 1989. С. 49.

¹³⁸ Белкин В. Спустя 53 года после начала войны наша экономика испытывает военные перегрузки // Известия. 1994, 22 июня.

¹³⁹ Лацис О. Советская индустриальная цивилизация уникальна. И в этом наша беда // Известия. 1995, 12 апреля.

¹⁴⁰ Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра. С. 192—193.

и неудивительно, что при сопоставлении с США его пришлось уменьшить в 4 раза. Действительно, если учесть, что в 1928 г. национальный доход СССР составлял 20% от уровня США, то к 1987 г. он достиг бы 260%, а не 64%, как считал Госкомстат. По оценкам Г. Ханина индекс роста советского национального дохода за 1929—1987 гг. оказался примерно таким же, как американского – в 7 раз. В результате и соотношение национального дохода СССР и США осталось прежним – 20%, а соотношение ВВП (более точный показатель) – 14%.

И в США и в СССР многие сочли соотношение ВВП СССР и США в 14% существенно преуменьшенным. Ведь в таком случае СССР с 3-го места в мире перемещался на 7-е. Даже ЦРУ считало ВВП СССР выше.

Аргументы против расчётов Г. Ханина и других состояли в том, что, во-первых, при подобном соотношении объём нашего ВВП почти такой же, как в Индии, во-вторых, при ВВП в 14% от американского СССР мог обеспечить военный паритет с США только расходуя на оборону почти половину ВВП, что не соответствует здравому смыслу, в-третьих, при скромном ВВП и таких военных расходах, при высокой доле тяжёлых отраслей индустрии объём душевого потребления в СССР был бы одним из самых низких в мире, а это, дескать, не так.

К сожалению, всё именно так. Нет ничего удивительного, что величина ВВП СССР и Индии примерно одинакова, ведь население Индии втрое больше. То, что из 900 млрд руб. ВВП СССР тратил на оборону не меньше США (300 млрд долларов) подтвердил бывший министр финансов и председатель Совета министров В. Павлов в 1991 г.

По расчётам А. Хестона и Р. Саммерса (США) и Б. Болотина (Россия), в 1985 г. СССР занимал по ВВП на душу населения 68-е место в мире, а по личному потреблению (на душу) – 77-е. Причины такого разрыва между производством и потреблением – существенно меньшая, чем в ВВП других стран, доля потребления.¹⁴¹

Положение в советской экономике всё более ухудшалась из-за огромных диспропорций в пользу военного производства. Около 70—80% машиностроительного производства составлял выпуск военной продукции, а значит, значительная часть угля, нефти, газа, металла шла на выпуск оружия, а не на пользу людям, не способствовала росту производства потребительских товаров и продовольствия и, следовательно, не включалась в эквивалентный обмен, расходовалась впустую, а рабочие, занятые в производстве вооружений и соответствующей доли другой продукции жили за счёт занятых в производстве полезной продукции.

И не надо ссылаться на военную угрозу Запада, сама эта угроза была во многом спровоцирована политикой правящей советской верхушки. По крайней мере, после окончания Гражданской войны, в крайне тяжёлой экономической ситуации, не побоялись сократить армию в 10 раз и ничего, никто не напал. А началу форсированной индустриализации, в ходе которой и сложился окончательно этот губительный перекос в экономике, предшествовала военная истерия, развязанная советской пропагандой. И после Великой Отечественной войны втягивание СССР в гонку ракетно-ядерных вооружений сопровождалось насаждением психологии «осаждённой крепости», пропагандой агрессивной сущности империализма.

Достигло своего предела развитие сельского хозяйства на прежних, преимущественно экстенсивных, принципах. Постоянный рост затрат на производство продовольствия при сохранении низких твёрдых розничных цен вёл к возрастанию дотаций на поддержание этих цен, сокращая средства на инвестиции и тем самым снижая экономический рост. Поглощение огромных средств на крупные проекты ирригации и мелиорации (давшие прирост

¹⁴¹ Белкин В. О достоверности информации // Свободная мысль. 1992, №10. С. 98—101.

урожайности в 1%) имело те же отрицательные последствия.¹⁴² Производство в основном малопродуктивной, но дорогой из-за больших затрат сырья и материалов на её изготовление, сельскохозяйственной техники при почти полном забвении техники для переработки сельхозпродукции и недостаточной торговой сети приводило к большим потерям (до трети собранного урожая), сдерживающим образом влияло на развитие экономики СССР в целом.

Тем не менее, в сельском хозяйстве СССР в 1960—1980-е годы постепенно усиливались товарно-денежные отношения – увеличивалось значения кредитного и ссудного финансирования, товаризация производства (колхозы теперь «продавали» государству свою продукцию, а не отдавали в счёт натуроплаты и обязательных, т.е. бесплатных, поставок). Интересна в этом отношении точка зрения М. А. Безнина и Т. М. Димони о госкапиталистической сущности индустриальной модернизации России в советский период, в том числе в аграрном секторе экономики.¹⁴³

Конечно, кредиты, ссуды, инвестиции, себестоимость, цены – эти и другие экономические понятия носили в советской экономике весьма специфический характер и далеко не всегда отражали действительные процессы. Долги по кредитам регулярно списывались, получатели их, а тем более прямых бюджетных капитальных вложений, не имели возможности распоряжаться ими по своему усмотрению и должны были брать то, что дают (технику, удобрения и пр.), а не то, что нужно. Но можно согласиться, что распространение этих понятий в деятельности сельскохозяйственных предприятий, внедрение их в сознание людей способствовало переходу к рыночной экономике после окончательного краха государственной экономики.

В Советском Союзе действительно была создана мощная индустрия, но индустрия самодская, перемалывающая колоссальные природные и человеческие ресурсы впустую. Начиная с первых пятилеток постоянно снижалась доля предметов потребления в общем выпуске продукции. В промышленности в 1928 г. 60,5% всей продукции, пишет В. Селюнин, составляли предметы потребления (группа Б). В 1940 г. эта доля упала до 39%, к 1980 г. удельный вес группы Б понизился до 26,2%. В 1981—1985 гг. промышленное производство прирастало в среднем за год на 3,7% (3,6% прироста в группе А и 3,9% – в группе Б). В 1986 г. общий темп поднялся до 4,9%, в том числе прирост в группе А – 5,3%, в группе Б – 3,9%.

Таким образом, начатое в 1985 г. после прихода к власти Горбачёва ускорение промышленного развития было достигнуто за счёт увеличения выпуска средств производства. В итоге произошло дальнейшее сокращение доли группы Б в общем объёме производства до 24,7% в 1986 г. Если бы соотношение групп А и Б сохранилось хотя бы на уровне 1980 г., то в 1986 г. промышленность дала бы на 12,6 млрд руб. потребительских товаров больше, чем фактически произведено. (Для сравнения: общая прибавка фонда потребления, созданная всей экономикой и истраченная не только на личное потребление, составила в 1986 г. лишь 9,2 млрд руб.). А если считать по предвоенной «норме» (1940 г.), недобор потребительских товаров вследствие сокращения доли группы Б равен почти 120 млрд руб. или около 425 руб. на душу населения. Это в оптовых ценах, в розничных же потери намного больше.¹⁴⁴

Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков признал это катастрофическое сокращение производства предметов потребления за годы советской государственной индустриализации, заявив на II Съезде народных депутатов, что доля продукции группы «Б» в общем объёме производства продукции промышленности составила в 1985 г. 26%¹⁴⁵.

¹⁴² Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность. С. 113—114.

¹⁴³ Безнин М. А., Димони Т. М. Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930 – 1980-х годов // Отечественная история. 2005, №6.

¹⁴⁴ Селюнин В. Реванш бюрократии // Иного не дано. М., 1988. С. 195.

¹⁴⁵ О мерах по оздоровлению экономики, этапах экономической реформы и принципиальных подходах к разработке

В таком случае становится совершенно ясно, что весь рост заработной платы во второй половине 1980-х гг. не был обеспечен соответствующим ростом выпуска потребительских товаров и был раздачей ничем необеспеченных бумажек. Более того, рост денежных доходов через зарплаты, премии и другие виды начался с реформ 1985 г., когда был взят курс на усиление материального стимулирования взамен «коммунистического» морального. В этом также выразился фактический отказ от строительства коммунизма. Так что Гайдар ничего у народа не отбирал. То, что люди честно трудились и заслужили свою зарплату и честно накопили большие суммы ничего в этом не меняет. Отобрал не Гайдар, а предыдущие правители, создавшие столь перекошенную экономику.

В 1988 г. В. Селюнин писал: «Колоссальные, поистине тектонические сдвиги в сторону производства средств производства (в сторону первого подразделения) подвели нас к такой парадоксальной ситуации, когда ускорение темпов развития, более быстрый рост национального дохода очень слабо влияют на уровень жизни. Экономика во все большей степени работает не на человека, а на самоё себя. При теперешней её структуре она неумолимо воспроизводит совершенно неприемлемую для мирного времени пропорцию между первым и вторым подразделениями общественного производства, причем воспроизводит в ухудшенном варианте: в каждом следующем цикле доля производства предметов потребления ниже, чем в предыдущем». В. Селюнин также замечал, что опасность такого перекоса в экономике ещё не осознана, не была она осознана большинством населения, многими экономистами и политиками и десять лет спустя.¹⁴⁶

Кроме крайней милитаризации, главными отличительными чертами советской казённой экономики были бартерность (предприятия менялись между собой продукцией, машинами, оборудованием, несмотря на запреты), натуральность (предприятия стремились иметь всё своё – от заготовительных, литейных, инструментальных производств до жилья, детских и медицинских учреждений, подсобных хозяйств, делать большие запасы сырья, материалов, машин и оборудования), так как ничего нельзя было купить свободно на рынке и не было уверенности, что получишь необходимое, когда понадобится. В результате на конец 1985 г. товарно-материальные запасы только на государственных предприятиях и только в отраслях материального производства составили 460 млрд рублей, или 80% национального дохода. Если к ним добавить запасы колхозов (около 50 млрд руб.), то окажется, что общие запасы только в сфере материального производства превышают 90% созданного в том же году национального дохода.¹⁴⁷ Всё это является причинами и следствиями неэффективности, затратности, дефицитности советской казённой экономики.

С конца 1920-х гг. в СССР применялся директивный способ планирования развития народного хозяйства сверху донизу. Порождением чего являлись постоянная нехватка одних видов продукции и излишек других, а также авралы и штурмовщина. Причины этих явлений не в плохой квалификации плановиков, а в невозможности просчитать и увязать между собой бесчисленные соотношения между различными отраслями, видами продукции, необходимые затраты и т. д. Н. Шмелёв и В. Попов пишут, что современные ЭВМ способны решать задачи типа «затраты – выпуск», только если число уравнений (неизвестных) не превышает тысячи, тогда как фактический ассортимент продукции насчитывает десятки миллионов наименований. «Но главное – даже не в этом, – подчёркивают авторы. – Если и допустить, что нужные ЭВМ когда-то появятся, всё равно расходы на сбор подробной исходной информации о коэффициентах прямых затрат явно выходят за пределы экономической целе-

тринадцатого пятилетнего плана. Доклад правительства СССР второму Съезду народных депутатов СССР // О мерах по оздоровлению экономики, этапах экономической реформы и принципиальных подходах к разработке тринадцатого пятилетнего плана. Сборник материалов. М., 1990. С. 55.

¹⁴⁶ Селюнин В. Реванш бюрократии. С. 195—196.

¹⁴⁷ Шмелёв Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. С. 176.

сообразности и не могут быть оправданы любыми мыслимыми выгодами». Ибо в таком случае к каждому рабочему нужно будет поставить не по одному учётчику для фиксации расхода материалов, износа деталей станков, прямых затрат рабочего времени и т. п.

Те же авторы указывают, что «расчёты статистически строго доказали то, что уже давно было интуитивно ясно большинству специалистов: экономический рост на микроуровне – это стихийный, самостоятельно развертывающийся процесс, не поддающийся контролю плановых органов даже при самом жестком и детальнейшем директивном планировании. Развитие отдельных предприятий, как это ни странно на первый взгляд, идет вне рамок плана, по существу стихийно, центр не устанавливает и не контролирует пропорций воспроизводства, складывающихся на микроуровне».

То же самое происходило в советской экономике и на уровне отдельных отраслей и всего народного хозяйства, что убедительно показывают Н. Шмелёв и В. Попов с помощью конкретных цифр.

Также «недостижимой, невыполнимой и утопической» является попытка индикативного или косвенного планирования с помощью экономических регуляторов (цен, налогов), ибо и здесь объём исходной информации, постоянно меняющиеся спрос, ассортимент продукции, технологии, невозможность определения истинной цены продукции порождают столь же непреодолимые трудности для составления плана, хоть сколько-нибудь близкого к реальности.¹⁴⁸

Периодически экономика СССР переживала сильнейшие кризисы: в конце 1920-х, после первой пятилетки, на рубеже 1940—1950-х, в начале и середине 1960-х и последний, оказавшийся смертельным, в 1980-е гг. И все они связаны с нехваткой продовольствия, все в конечном итоге замыкаются на слабом развитии сельского хозяйства. И чем дальше, тем сложнее проблемы, всё труднее их разрешать, оставаясь в пределах казённой экономики.

Доля сельских жителей в населении страны сократилось примерно с 80% в 1920-е гг. до приблизительно 50 в 1950-е и 25% в середине 1960-х. Мало того, ухудшилась демографическая ситуация в самой деревне, где всё больший процент составляли люди старших возрастов и трудоспособных рабочих рук становилось всё меньше. Проблема обострилась настолько, что по некоторым регионам России, прежде всего Нечерноземью, приходилось принимать решения на уровне ЦК КПСС и правительства. Крайне низкой оставалась производительность труда в сельском хозяйстве, медленно росли урожайность в растениеводстве и продуктивность в животноводстве, они отставали от темпов роста населения. А более или менее благополучные цифры среднестатистического потребления являются результатом статистических ухищрений и массового импорта зерна (30—40% потребления в 1970-е гг.), с помощью которого откармливали скот и птицу на крупных комплексах.

Промышленное производство значительно выросло, в Советском Союзе действительно создали мощную индустрию, но она страдала трудноизлечимым (если вообще излечимым) пороком – производила в основном то, что никому не нужно, что невозможно пустить на личное потребление: материалы и машины для себя самой и вооружение. Но в то же время машин и оборудования для лёгкой и перерабатывающей промышленности производилось всего около 30% от необходимого ассортимента (т.е. по названиям), не говоря уже о количестве и качестве. Техники для сельхозпроизводства производилось всё больше и больше, она становилась всё дороже, но её производительность и надёжность всё больше отставали от мирового уровня и потребностей современного интенсивного хозяйства. Только один пример от Ю. Черниченко. В 1961 г. на полях США работало 980 тысяч комбайнов с выработкой на машину около 180 тонн за сезон. В СССР в том же году убирало урожай 598 тысяч комбайнов с выработкой 215 тонн. Через 25 лет у США работало 600 тысяч

¹⁴⁸ Шмелёв Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. С.116—117, 122—145, 206—220.

комбайнов с выработкой более 650 тонн за уборку. В СССР соответственно – 832 тысячи комбайнов и 240 тонн намолота на комбайн.¹⁴⁹

В течение веков валовой объём сельскохозяйственного производства в России рос преимущественно за счёт расширения посевных площадей, но с распашкой целинных и залежных земель в 1950-е гг. возможности экстенсивного роста оказались исчерпанными. В то же время чрезмерное изъятие продукции из сферы сельского хозяйства, в значительной мере на безвозмездной основе (и так в течение веков, советская власть в этом не оригинальна) не позволило российскому сельхозпроизводителю создать основу для перехода к интенсивным методам хозяйствования на основе достижений современной науки и техники. Отсюда возникновение дефицита продовольствия и уже в 1963 г. первая закупка за рубежом более 12 млн. тонн зерна, а со второй половины 1960-х гг. импорт зерна становится регулярным. В годы перестройки Горбачёв признал: «Наши потери при уборке и подработке зерна достигают 15, а то и 20 миллионов тонн. Примерно столько же теряется на стадии хранения и переработки. А в совокупности, товарищи, это равняется объёмам наших закупок за рубежом».¹⁵⁰ В конце 1980-х гг. на импорт зерна, сахара, растительного и животного масла и других продуктов питания расходовалось валюты на сумму около 5 млрд рублей в год.¹⁵¹

При этом ввозилось в основном кормовое зерно, шедшее на развитие животноводства с помощью громадных комплексов, которые и разорились после исчерпания у государства возможностей для импорта в 1980-е гг. Неспособностью оказанного и обескровленного сельского хозяйства прокормить всех занятых вне села объясняется существование подсобных сельских хозяйств у промышленных предприятий и огородов у горожан даже в городах с миллионным населением.

Из сказанного вытекает, что глубинной основой глубочайшего экономического кризиса в СССР, приведшего его к распаду, является катастрофический разрыв между уровнем развития промышленности, числом занятых в сфере несельскохозяйственного производства, обслуживания, управления и культуры и возможностями сельского хозяйства прокормить несельское население. Можно было бы и в 1998 г., например, запустить стоящие заводы ВПК и тяжёлой промышленности и дать рабочим работу, но что бы они если, если их продукцию нельзя было обменять на хлеб, если их продукция ничего не давала сельскому хозяйству и лёгкой промышленности?

И всё же в советской экономике, несмотря на ее плановость, зарегулированность, натуральность проявлялись стихийные законы рынка – через перекачку безналичных рублей в наличные, через вынужденные повышения плановых цен, в форме чёрного рынка, теневой экономики, в том числе и теневого производства (цеховики), в форме незаконных обменов между предприятиями. И государство всегда смотрело на это сквозь пальцы, иначе всё давно бы остановилось. Но наступило время, когда этих убогих форм рынка стало недостаточно, когда казённая экономика полностью и до дна исчерпала свои возможности не только развития, но и существования. И хочется или нет, но наступает время рыночной экономики, время свободных и самодостаточных личностей. Время заканчивать Войну.

¹⁴⁹ Черниченко Ю. Русская пшеница. М., 1987. С.152.

¹⁵⁰ Материалы Пленума Центрального комитета КПСС. 15—16 марта 1989 года. М., 1989. С. 66.

¹⁵¹ О мерах по оздоровлению экономики, этапах экономической реформы и принципиальных подходах к разработке тринадцатого пятилетнего плана. Доклад правительства СССР второму Съезду народных депутатов СССР // О мерах по оздоровлению экономики, этапах экономической реформы и принципиальных подходах к разработке тринадцатого пятилетнего плана. Сборник материалов. М., 1990. С. 46.

Глава 4. Классы и социальные группы советского общества, образ жизни

4.1. Рабочий класс в годы военного коммунизма и нэпа

После Великой Октябрьской социалистической революции в России к власти пришли пролетариат и трудовое крестьянство утверждала в течение десятилетий официальная советская пропаганда. Как же жилось в «пролетарском» государстве рабочим и как к ним относилось «государство рабочих и крестьян»?

Уже в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа был внесён лозунг: «Кто не работает – тот не ест». Этот лозунг вошёл и в первую Конституцию РСФСР.

Иллюзии в отношении сознательности рабочих, их готовности трудиться бесплатно или за маленький паёк в «социалистическом» производстве и во благо социализма, рассеялись очень быстро. «Великий почин» рабочих депо станции Москва-Сортировочная, отработавших бесплатно некоторое время, оказался эпизодом.

Отношение большевиков к рабочим выразилось уже в милитаризации труда в гражданскую войну. Особо следует отметить, что милитаризацию труда, принуждение по отношению ко всем слоям населения, включая рабочих, большевики рассматривали не как временную меру, вынужденную войной, а как долговременную политику. Они полагали, что принуждение не должно ограничиваться рамками прежде господствовавших классов, оно «переносится и на самих трудящихся, и на сам правящий класс». Бухарин в мае 1920 г. писал: «Пролетарское принуждение во всех его формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это не звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».¹⁵²

Рассуждения Бухарина были по-своему логичны: раз отбрасываются рыночные механизмы саморегулирования экономики, то приходится уповать только на административные и принудительные.

Линии на неизбежность и необходимость принуждения придерживались и руководители советских профсоюзов. М. Томский писал в октябре 1920 г. в профсоюзном журнале: «Милитаризация труда в обстановке диктатуры пролетариата есть не что иное, как распределение рабочей силы согласно общегосударственному плану и текущим хозяйственным потребностям, хотя бы и против воли отдельных групп рабочих, которых в тот или иной момент касается эта мера»¹⁵³.

Но многие рабочие явно думали иначе и большевистские установки на принуждение вызывались не только и не столько теоретическими убеждениями, но, главным образом, пассивным и активным сопротивлением рабочих, не желавшим работать за полуголодную, а то и голодную пайку там, где прикажут как бессловесному скоту.

До сих пор нет подробных данных о рабочих выступлениях в годы военного коммунизма, но некоторые сведения приводит Е. Гимпельсон. Забастовок было много на всём протяжении 1918—1920 гг. в различных регионах страны. В Петрограде только в марте 1919 г. кратковременные забастовки вспыхивали на Путиловском, Невском, вагоностроительном (бывшем Речкина) заводах, «Треугольнике», фабрике «Скороход», в Рождественском трамвайном парке, в главных мастерских Николаевской железной дороги и других предприятиях.

¹⁵² Бухарин Н. И. Экономика переходного периода // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 198.

¹⁵³ Цит. по: Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы. 1917—1923 гг. М., 1995. С. 91.

На 15 предприятиях города, где проходили забастовки, числилось 34 704 рабочих, был потеряно 173 091 рабочий день. После забастовки на тульских Оружейном и Патронном заводах в начале весны 1919 г. на этих предприятиях снова началось брожение рабочих с выдвижением экономических требований. В Туле на Оружейном заводе были созданы революционный комитет с чрезвычайными полномочиями, чрезвычайная следственная комиссия и чрезвычайный революционный трибунал, на территорию завода введены отряды красноармейцев, было арестовано 23 человека, наиболее активные участники забастовки отправлены в штрафные роты. От более жёстких мер правительство удержало только опасение взрыва недовольства рабочих.

Брожения рабочих продолжались и после Гражданской войны. В июльской сводке 1921 г. транспортного отдела ВЧК сообщалось: Петроградский округ: «в настроении рабочих остаются прежнее недовольство и возбуждение, выливающиеся в мелкие вспышки»; Юго-Восточная железная дорога: «брожение происходило по всей дороге, причём производительность пала до минимума. В мастерских невыход на работы достиг 50%»; Сызрано-Вяземская железная дорога: в июне «волнения пронесли по всей дороге». Западная железная дорога: «отношение к РКП враждебное, можно ожидать в дальнейшем осложнений»; Южные железные дороги: «в ряде мест рабочие приостанавливают работу»; Владикавказская железная дорога: «возбуждённые рабочие грозят бросить работы».¹⁵⁴

После гражданской войны положение рабочих улучшилось (отменена милитаризация труда), но продолжало оставаться очень тяжёлым: шло размывание рабочего класса, даже высококвалифицированные рабочие вынуждены были изготавливать разные бытовые мелочи (популярны были зажигалки из стреляных гильз), уходить в деревню, где было легче прокормиться. Поэтому в начале 1920-х гг. не только темпы роста зарплаты опережали рост производительности труда, но и сам заработок рабочих значительно превышал стоимость выработанной продукции. «Это значит, – говорил В. Шмидт на IV Всероссийском съезде профсоюзов в мае 1921 г., – что наша крупная промышленность при данной её структуре и в её настоящем положении не оправдывает сама себя. А в ней занята огромная часть рабочего класса... Пока мы её не переконструируем, мы должны рабочий класс кормить и содержать, хотя бы в самых минимальных размерах. Мы должны будем сохранить тот минимум, который мы выдаем рабочим. Этот минимум... такой, что едва спасает рабочих от голодной смерти. Больше этого мы дать не можем».¹⁵⁵

При переходе к нэпу в основу тарифной политики лёг принцип возможно более равномерного распределения предметов потребления на основе уравнительности.

Система коллективного снабжения, при которой предприятия снимались с гарантированного государственного снабжения и им выделялись фонды, величина которых зависела не от количества рабочих, а от выполнения производственной программы, а внутри предприятия все виды зарплаты выдавались в зависимости от квалификации, распространения не получила. Хотя такая система оплаты труда могла улучшить положение рабочих и установить зависимость между вкладом рабочего и его зарплатой, т.е. довести хозрасчёт до каждого рабочего места.

Отказ от этой системы связывают с нехваткой ресурсов, не налаженностью учёта и отчётности, ограниченностью прав руководства предприятий. Но гораздо существеннее другие причины – хозрасчёт в его специфических нэповских, трестовских формах был ориентирован на взаимодействие с частным рынком и одновременно на сопротивление рыночной стихии; доведение хозрасчёта до отдельного предприятия, цеха, рабочего места в конкретных условиях того времени по сути дела означало, что оплата труда рабочего была бы

¹⁵⁴ Там же. С. 140—141, 197.

¹⁵⁵ Исторический опыт и перестройка. С. 33.

поставлена в прямую зависимость от колебаний и капризов частного рынка, а рабочий класс лишён ряда важных социальных гарантий.¹⁵⁶

Так считают некоторые современные историки, но на эту проблему можно и нужно взглянуть и с другой стороны. Система коллективного снабжения, тем более любая рыночная форма оплаты труда, устанавливает прямую зависимость размеров зарплаты от квалификации и старания рабочего и от качества работы управляющих предприятием, а не от государства. А это не устраивало ни многих рабочих (из-за низкой квалификации, необходимости работать с полной отдачей), ни партийно-советскую верхушку, которая лишалась бы рычагов экономического воздействия на рабочих.

Поэтому и был сделан упор на административно-правовые гарантии рабочего заработка через систему норм и тарифов. Когда в ходе нэпа временно отказались от прямого государственного регулирования зарплаты, это сразу породило разнорядность в оплате сходных работ в разных отраслях из-за воздействия рыночной стихии. В лёгкой промышленности, восстановление которой шло быстрее, так как её предприятия легче было запустить вновь и продукция которой пользовалась большим спросом, зарплата стала выше и это вызвало недовольство рабочих других отраслей.¹⁵⁷

Со временем положение бы выровнялось благодаря тому, что лёгкая промышленность предъявила бы платёжеспособный спрос на продукцию тяжёлых и машиностроительных отраслей и стал бы происходить переток денег из лёгкой в тяжёлую промышленность. Но этого не дождалась и вернулись к твёрдым государственным нормам и тарифам, слабо связанным с квалификацией и производительностью труда рабочих. Для компенсации недостаточной материальной заинтересованности рабочих приходилось обращаться к классовой сознательности рабочих, к энтузиазму и самоотверженности, а также к административной требовательности, т.е. к принуждению.

В годы нэпа реальная заработная плата городских рабочих так и не достигла дореволюционного уровня. По официальным данным она составила в 1924/25 г. 82,6% к уровню 1913 г., а в 1925/26 г. – 91,3%. В действительности положение было скорее всего ещё хуже. Ухудшилось снабжение рабочих продовольственными (особенно качественными) и непродовольственными товарами, жилищные условия были кошмарными.¹⁵⁸ Даже в военной промышленности были трудности со своевременной выплатой зарплаты.¹⁵⁹

Сохранение низкого уровня жизни рабочих и условий его труда было результатом вполне сознательной политики большевиков, нацеленной на восстановление прежде всего тяжёлой и оборонной промышленности, на увеличение «прибавочной стоимости», в том числе за счёт потребления рабочих. Ленин в 1917 г. заявлял, что горстки, группы, слои рабочих «упорно держатся традиции (привычек капитализма) и продолжают смотреть на советское государство по-прежнему: дать „ему“ работы поменьше и похуже – содрать с него денег побольше. Разве мало таких мерзавцев хотя бы среди сормовских и путиловских рабочих и т.д.?»

А в решениях XII съезда РКП (б) (1923 г.) записано: «Вопрос о создании в государственной промышленности прибавочной стоимости есть вопрос о судьбах советской власти... Расширенное воспроизводство государственной промышленности, немислимое без накопления государством прибавочной стоимости, есть в свою очередь условие развития нашего сельского хозяйства в социалистическом, а не капиталистическом направлении».

¹⁵⁶ Там же. С. 34—36.

¹⁵⁷ Исторический опыт и перестройка. С. 36—37.

¹⁵⁸ См.: Иванов Ю. М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. 1998, №5.

¹⁵⁹ Соколов А. К. «Особое напряжение»: кадры советского Военпрома в конце 1920-х – начале 193-х гг. // Отечественная история. 2007, №4. С. 76.

Ориентация на максимальное производство прибавочной стоимости приводила к сознательному курсу на сокращение потребления. В 1923 г. в печати даже началась кампания, в ходе которой утверждалось, что рабочий класс живёт слишком жирно и, следовательно, необходимо урезать ему зарплату, чтобы крестьяне не чувствовали себя обиженными.¹⁶⁰

Производительность труда росла медленно из-за плохой организации труда, по причине которой фактическая продолжительность рабочего дня сокращалась иногда вдвое, а нагрузка рабочего колебалась от 20 до 70%.¹⁶¹

Условия труда в 1920-е гг. были очень тяжёлыми: техника изнашивалась, было много ручного труда, повышение производительности труда достигалось почти исключительно за счёт физических усилий рабочих. На VII съезде профсоюзов СССР представитель тверских рабочих Смирнов открыто заявил: «Ведь не секрет, что целый ряд важных мероприятий, как поднятие производительности труда, режим экономии, главным образом сводился к нажиму на мускульную силу и в меньшей степени обращалось внимания на рационализацию и оборудование производства... Весь состав нашей технической администрации, на который должна быть возложена эта работа по оборудованию, занимается изысканием возможности уплотнения только рабочей силы и очень мало, если не сказать ничего, не делал для улучшения производства».

Положение осложнялось крайней антисанитарией и теснотой производственных помещений, нехваткой калорийного питания и отсутствием полноценного отдыха в свободное время, что приводило к росту заболеваемости. На некоторых производствах, например, на окраске тканей в текстильной промышленности) доля рабочих, больных туберкулёзом достигала 50%, а уровень заболеваемости в 20—25% считался удовлетворительным.¹⁶²

В 1920-е годы сохранялись религиозные традиции среди рабочих, в том числе среди рабочих-коммунистов, о чём свидетельствуют данные об уральских рабочих. Незначительные изменения произошли в уровне грамотности рабочих, общий уровень которой не соответствовал задачам индустриализации. Слабой оставалась вовлечённость рабочих в мероприятия культурно-массовых учреждений. В 1921—1926 гг. на Урале выросло число трудовых конфликтов. В 1925/26 г. их было в три раза больше, чем в 1924/25 г. Степень конфликтности на государственных предприятиях была выше, чем на частных и концессионных. В 1925/26 г. из 411 558 участников трудовых конфликтов на Урале 404 800 работали на госпредприятиях. Большинство бастующих составляли металлисты, которых власти официально именовали авангардом пролетариата.

Неохотно вступали рабочие в коммунистическую партию. К началу 1924 г. в Уральской области из 30 тыс. коммунистов насчитывалось около 5 тыс. рабочих с производства. Масовое обследование рабочих Урала (1924 г.) на пяти крупных предприятиях показало, что 20% рабочих категорически не желают вступать в партию; и ещё 57% свой отказ объясняли условиями быта, малограмотностью и т.д., что также являлось скрытой формой отказа. 13—14 тыс. рабочих, став выдвинутыми, занимали различные руководящие посты. Но источники начала 1920-х гг. показывают их отдалённость от основной массы рабочих, их высокомерие по отношению к рядовым коммунистам и беспартийным рабочим. К тому же многие выдвинутцы оказались слабыми администраторами, а та часть, которая выдержала испытания нэпом, стала прислушиваться всё больше к мнению старых специалистов.

К 1928 г. численность рабочих-коммунистов на Урале выросла до 28 тыс., но большинство из них составляли молодёжь и малоквалифицированные рабочие. Такая картина была характерна для крупных предприятий. Это явление не было региональным.

¹⁶⁰ Иванов Ю. М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов. С. 30—31.

¹⁶¹ Исторический опыт и перестройка. С. 47.

¹⁶² Иванов Ю. М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов. С. 35.

Информационная сводка ЦК ВКП (б) в 1927 г. сообщала: партийная прослойка среди рабочих промышленности СССР снижалась по мере роста трудовых коллективов, составляя, например, на небольших предприятиях (от 100 до 500 рабочих) 13,1%, на средних (от 1000 до 3000 человек) – 8,5% и на крупных (от 3000 и выше) – 6,4%. Такое политическое поведение рабочих вообще и рабочих крупных предприятий в частности противоречило ленинским выводам и было определённой неожиданностью для руководства СССР.¹⁶³

Хотя рабочие работали напряжённо ради будущего и завершения восстановления промышленности, успехи восстановления лишь обостряли восприятие рабочими противоречий и нерешённых проблем. В мае 1925 г. на III съезде народов СССР рабочий Самсонов говорил: «Хочется ещё одно сказать нашему будущему правительству: надо твёрдо помнить все те жертвы, которые были принесены во имя идеалов социализма и будущего коммунистического строя. Так нельзя ли ускорить путь к нему, сделать, скажем, какой-нибудь зигзаг, чтобы мы, рабочие и крестьяне, скорее почувствовали приближение к заветной цели?»

Так уже в конце восстановительного периода зарождались социально-психологические предпосылки поворота к форсированным социалистическим преобразованиям (вылившимся в форсированную индустриализацию): жажда решений, приближающих «светлое будущее». В конечном счёте вызревала готовность к «последним жертвам» (как тогда казалось) ради быстрого движения вперёд. Возникал, как говорят психологи, «градиент цели», т.е. нарастание активности по мере приближения к желаемому результату (даже нереальному на самом деле).¹⁶⁴

Очевидное расхождение между социалистическим идеалом и реальной действительностью середины 1920-х гг. породили в обществе сложные социально-психологические процессы. Оживление частного капитала обострило вопросы социальной справедливости: увеличился разрыв в уровнях жизни рабочих и крестьян, с одной стороны, и «новых миллионеров» (нэпманов, кулаков) – с другой. На настроениях рабочих сказывался и рост безработицы в годы нэпа. В 1922 г. официально было зарегистрировано 160 тыс. безработных, а на 1 апреля 1929 г. – 1 741 тыс. Накануне первой пятилетки безработные составили 12% от числа занятых в народном хозяйстве рабочих и служащих.¹⁶⁵ В условиях аграрного перенаселения и замедлившихся к концу нэпа темпах промышленного развития перспективы перед рабочими, в случае продолжения прежней половинчатой экономической политики – не государственной и не рыночной в полном объёме, открывались не очень радостные.

В ходе перевыборов Советов в 1926 г. рабочие высказывались по этим вопросам достаточно ясно: «рабочие ютятся в подвалах... в то время как нэпманам предоставляется всё. Нэпманов надо было бы потрусить, как в 1917 г.». Выдвигались требования переселить рабочих в центр, а нэпманов на окраины и т. п. И делали: уплотняли, превращали большие квартиры в коммуналки, вместо того, чтобы строить новое жильё.

В 1927—1928 гг., уже в начале индустриализации, была проведена реформа тарифной системы, которая усилила уравнивательность, привела к повышению норм и снижению сдельных расценок. Это вызвало недовольство рабочих вплоть до коллективных протестов, «вольтынок», угроз бросить работу и настоящих забастовок со словами: «Довольно работать на хлебушко, пора и на одежду».¹⁶⁶

В политсводке о настроениях среди безработных Московской биржи труда за первую половину 1927 г. сообщается о распространённых среди них мнениях:

¹⁶³ Фельдман М. А. Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы нэпа // Отечественная история. 2003, №5. С. 21—27.

¹⁶⁴ Исторический опыт и перестройка. С. 53.

¹⁶⁵ Горинов М. М. Альтернатива Г. Я. Сокольниковой. С. 125.

¹⁶⁶ Исторический опыт и перестройка. С. 57, 62.

«Довольно петь нам красивые дифирамбы и обещать золотые горы. Когда оно осуществится? До каких пор мы будем околачиваться на Бирже труда и когда мы от нее избавимся?»

«У нас не 1917—1918 год. Довольно нас агитировать. У нас сейчас 1927 год. Производительность труда поднимается, а безработица все увеличивается».

«По лозунгам у нас власть рабочих, а рабочий получает гроши, живет впроголодь».

«Тяжёлый кошмар, которого не было даже в царской России. Народные массы возмущены таким отношением к безработным, но терпению будет конец. Если начнётся война, никто не пойдёт защищать (только под конвоем) такую власть».

«У нас все карманы переполнены правами, девать их некуда, дайте нам средства к существованию, а права возьмите себе, они нам не нужны».

«Когда в 1917—1920 гг. мы воевали с Врангелем, Деникиным, Колчаком и др., коммунисты пели, что как только разобьём их, то заживём хорошо, а вот прошло 10 лет – рабочий живёт хуже, теснее, не хватает сахара, мануфактуры и прочее, а если есть, то дорого. Безработному совершенно нечем жить».

«Мы сейчас выжатый лимон, а не пролетариат, о котором столько говорят».¹⁶⁷

Ничего, кроме введения карточной системы распределения, Советское государство дать рабочим не смогло и требовались новые кардинальные шаги, чтобы предотвратить взрыв недовольства рабочих. И в этой ситуации начало первой пятилетки, развёртывание форсированной индустриализации, кроме всего прочего, позволяло партийно-государственной верхушке сбить рост недовольства рабочих, увлечь их новыми грандиозными целями, новыми «сияющими вершинами», за которыми находится «светлое будущее».

Примечательные изменения происходят после революции и Гражданской войны в поведении рабочей молодёжи, о чем пишет Н. Лебина на примере городской жизни Петрограда-Ленинграда. Преступления против порядка имели широкое распространение и до 1917 г. В 1906 г. на каждую 1000 осужденных приходилось 420 воров и 104 хулигана, основную массу правонарушителей составляли приказчики, ремесленники, люмпены, жители ночлежек, босяки.

После сокращения числа правонарушений в годы Гражданской войны, с возвращением к мирной жизни волна хулиганства резко возросла. Число приговорённых к заключению за нарушение общественного порядка в Петрограде с 1923 по 1926 г. увеличилось более чем в 10 раз, их доля в общем числе осужденных – с 2 до 17%. Причём основная масса хулиганов была моложе 25 лет. Это было новое явление: до революции общественный порядок нарушали лица от 30 до 45 лет. Изменился и социальный состав преступников, среди которых большинство теперь составляла рабочая молодёжь – 3/4 всех хулиганов в 1926 г.

Часты были драки «стенка на стенку», губкому РКП (б) пришлось даже принимать постановление об искоренении кулачных боёв. Совершались также нашествия молодёжных шаек на клубы, погромы домов отдыха на Островах, закидывались шапками, камнями, палками самолёты АВИАХИМа в дни демонстраций. По данным 1926 г. около трети хулиганов задерживалось за избиение прохожих, 28% – за дебош в пьяном виде, 17% – за публичную брань, 13% – за сопротивление милиции.

Среди причин роста хулиганства именно среди рабочей молодёжи следует отметить следующие. Во-первых, синдром «гражданской войны». Молодёжи, привыкшей к продотрядам, шумным экспроприациям, выселению «бывших» из квартир, было трудно привыкать к мирной жизни. Это было заметно даже по внешнему виду хулиганов: брюки-клеш, пышный чуб, тельняшка.

¹⁶⁷ Симонов Н. С. Термидор, брюмер или фрюктидор? Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность // Отечественная история. 1993, №4. С. 10.

Распространению хулиганства в рабочей среде способствовало и нарочито культивируемое пролетарское чванство. Многие представители пролетариата восприняли свой переход из угнетённых в правящие как наделение привилегиями без обязанностей. Политизация всех сфер жизни в советском обществе и постоянные поиски «врагов народа» поддерживали у части населения, особенно молодёжи, тягу к бесчинствам за счёт «бывших». Хулиганскими выходками часто сопровождалась антирелигиозные кампании. Оскорблениями и угрозами, вплоть до призывов к физической расправе с фракционерными, были полны собрания, посвящённые внутривнутрипартийным дискуссиям.

Рост хулиганства в рабочей среде в 1920-е гг. становится более заметным и по причине появления на промышленных предприятиях множества антисоциальных и асоциальных элементов. Так в 1925 г. Наркомпрос РСФСР решил всех беспризорников отправлять на заводы для перевоспитания в рабочих коллективах.

В 1920-е гг. продолжало существовать и такое явление как проституция. Но состав проституток менялся, сначала это были в основном безработные, домашняя прислуга, чернорабочие, иногда бывшие дворянки. К концу десятилетия среди них резко выросла доля крестьянок, составлявших более 2/3 всех проституток Ленинграда.

Самой распространённой формой нарушения норм обычной жизни оставалось пьянство. Вначале советская власть относилась к нему отрицательно. Декрет Совнаркома в 1919 г. запретил изготовление и продажу спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ, всё их производство национализировалось, прибыль поступала государству, предусматривались также меры по борьбе с пьянством, но они реально не осуществлялись.

Декретом Совнаркома СССР от 28 августа 1925 г. продажа водки была официально разрешена. По имени председателя Совнаркома Рыкова её в народе называли «рыковкой». В ноябре 1926 г. Сталин заявил, что такая торговля необходима как способ извлечения оборотных средств для развития индустрии собственными силами. Доля от продажи спиртных напитков в госбюджете выросла с 2% в 1923/24 финансовом году до 12% в 1927/28 г. Власти разрешили почти безудержно наращивать производство алкоголя. В Ленинграде в 1926—1927 гг. годовое потребление спиртных напитков на душу населения выросло до 59 литров.

В 1926 г. в Ленинграде появились первые в СССР вытрезвители. Резко увеличилась смертность в результате отравления спиртным: с 2,6 случая на 100 тыс. человек в 1922 г. — до 44 в 1928 г. Возросло число лиц, страдающих алкогольными психозами: в 1922 г. они составляли 2% всех зарегистрированных душевнобольных, в 1927 г. — около 19%.

Для борьбы советской власти с хулиганством и другими проявлениями антиобщественного поведения характерны политизация и идеологизация. Уже в 1920-е гг., например, за групповые изнасилования стали судить как за бандитизм, хулиганство стало рассматриваться как политическое преступление с антисоветской, антисоциалистической направленностью. Истинные же корни роста хулиганства, пьянства, проституции и других антиобщественных явлений не вскрывались и не искоренялись.¹⁶⁸

О распространённости негативных явлений среди рабочих в 1920-е гг. свидетельствуют и материалы по рабочим Урала. Характерной чертой криминальной обстановки в регионе в то время было преобладание среди жителей городских поселений рабочих, осужденных за нарушение правопорядка: в 1926 г. — 63% и в 1928 г. — 50%. Если удельный вес рабочих в самостоятельном населении Уральской области составлял, по данным переписи 1926 г. 8,7%, то их доля среди осужденных была равна 24,3%, т.е. почти в три раза больше.¹⁶⁹

¹⁶⁸ Лебина Н. Б. Теневые стороны жизни советского города 20 – 30-х годов // Вопросы истории. 1994, №2; Она же. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920—1930 годы, 1999.

¹⁶⁹ Фельдман М. А. Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы нэпа // Отечественная история. 2003, №5. С. 24.

Таким образом, за первые 20 лет советской власти рабочие явно не осознавали себя правящим классом, к государству они по-прежнему относились как к чему-то противостоящему им, если не враждебному. Это нашло выражение, в том числе, в слабом желании рабочих вступать в ряды компартии. В тоже время в рабочей среде сохранились старые недостатки, пьянство прежде всего, но появились новые отрицательные явления: пролетарское чванство, хулиганство среди рабочей молодёжи. При сокращении рабочего дня условия труда и уровень жизни остались прежними, если не уменьшились по сравнению с дореволюционным периодом.

4.2. Советское государство и крестьянство в доколхозную эпоху

После прихода к власти в октябре 1917 г. большевики вначале пошли навстречу крестьянству: был принят Декрет о земле, узаконивший уравнительный передел земли, весной 1918 г. – закон о социализации земли. Попытки насаждения крупных государственных и коллективных хозяйств (совхозов и коммун) в 1918 г., ужесточение продразвёрстки лишили большевиков поддержки со стороны значительной части крестьян и способствовали разрастанию Гражданской войны. Отказ от форсирования перехода к социализму в деревне и более осторожное отношение к среднему крестьянству, опасение крестьян потерять поделённые земли помещиков в случае победы белых содействовали победе красных в Гражданской войне. Но упорное нежелание крестьян терпеть продразвёрстку после разгрома белых было основной причиной перехода большевиков к новой экономической политике.

Новая экономическая политика рассматривалась руководством Советского государства и компартии только как временная, вынужденная уступка «мелкобуржуазным» настроениям крестьян. Поэтому нэп в деревне носил весьма ограниченный характер, хозяйственная деятельность крестьян не имела правовых гарантий. Краткосрочность аренды земли, запрет на её куплю-продажу, ограничения на наём рабочей силы, частые общинные переделы, прогрессивная шкала налогообложения (вместо взимания пропорциональных налогов) и многое другое были тормозами нэпа, которые изначально снижали его экономическую эффективность и хозяйственную привлекательность для крестьян-хозяев.

Развитию рыночных отношений в сельском хозяйстве в виде роста индивидуального землепользования и мобилизации земли в руках зажиточных крестьян препятствовали национализация земли, монополия внешней торговли, сворачивание уже в 1922 г. хуторских развёрстаний. Росту крестьянского хозяйства на рыночных основах препятствовала и система налогообложения: сначала облагалась именно пашня, затем ставки для верхних групп всё время повышались, достигая восьмикратного разрыва по сравнению с низшей группой, с которой начиналось обложение. В результате, всё это сильно задерживало и без того медленный в послереволюционной деревне процесс накопления капиталов и рост средних слоёв как носителей товарного производства.

Становление средних слоёв сельскохозяйственных товаропроизводителей не было равнозначно осереднячиванию деревни. Осереднячивание означало нивелировку, «поравнение по нижнему уровню обеспеченности средствами производства и прожиточного уровня». Средняцкий слой за десятилетие советской власти вырос численно втрое, составив 61—63% по СССР. Он поднялся главным образом из бедняцко-батрацких рядов, получивших от государства землю, кредиты, льготы.

Обычное середняцкое хозяйство было больше потребительским, полутоварным. Средняя стоимость основных средств производства такого двора равнялась 516 руб., наделная площадь – 6 га, посев – 4 га, 1 лошадь и 1 корова. Кулацкая группа начиналась с 1600 руб., т.е. по стоимости основных средств производства превосходила середняцкую в 3 раза.

В советской исторической науке такое осереднячивание оценивалось как организация диктатурой пролетариата здорового противовеса стихийной и вредной классовой дифференциации. В то время как именно в результате расслоения формировались экономически активные слои, усиливалась трудовая отдача крестьянства, пишет Н. Рогалина. Уже тогда видные ученые-экономисты Кондратьев, Макаров, Чаянов, Челинцев указывали на положительную роль хозяйственного расслоения в развитии производительных сил и предупреждали о пагубных последствиях борьбы с расслоением.

Аграрники-марксисты, возражавшие этим ученым, и руководители Советского государства и компартии преувеличивали степень имущественной и социальной дифференциации в деревне. Данные Комиссии СНК по изучению тяжести обложения населения СССР в 1927 г. показывают увеличение предпринимательских хозяйств с 3,3 до 3,9%. Максимальное их число – 1 млн крестьянских хозяйств, т.е. 5—6 млн человек с семьями, на 24—25 млн крестьянских хозяйств и на 120 млн крестьянского населения.

На зажиточную группу приходилось 11% доходов деревни, её доходы были выше середняцких в 2—2,5 раза, а бедняцких – в 4—5 раз. Зажиточные крестьяне владели примерно 16% всех средств производства и почти 22% сельскохозяйственных машин и орудий, в то время как на 26% бедняцко-батрацких групп приходилось около 5% средств производства и всего 1,5% сельскохозяйственных машин и орудий.

Эти данные характеризуют не столько силу и крупность деревенского «капитализма», сколько действие закона Э. Парето: «чем ниже уровень жизни в стране, тем выше степень неравенства в распределении материальных благ».

В отношения найма-сдачи инвентаря, земли, рабочей силы было втянуто свыше половины крестьянских хозяйств. Но это были не капиталистические отношения, направленные на получение максимальной прибыли, вкладываемой в производство. А отношения простого товарного производства с целью получения продовольствия на собственные нужды и небольших излишков для продажи (нужны были деньги на уплату налогов и покупку потребительских товаров). Лишь 1% крестьянских хозяйств нанимал свыше 1 работника.

Бедняцко-батрацкие хозяйства целиком зависели от власти, ждали от неё льгот и привилегий: от 25 до 35% самых маломощных хозяйств были освобождены от налогов. Многие из них тяжело и безнадежно работали, но не могли выйти из нищеты, не выдерживали рыночной конкуренции. Другие и не доросли до рынка, третьи – становились люмпенами. По демографической переписи 1926 г., в деревне деклассированных элементов было больше, чем в городе; примерно треть безработных в городе были выходцами из крестьян.

«Государство стремилось разрешить проблему путем индустриализации и процесс ущербной урбанизации начал набирать обороты со второй половины 20-х годов», пишет Н. Рогалина, хотя многие способы смягчения аграрного перенаселения не были использованы.

Указанные обстоятельства способствовали разрушению традиционной трудовой морали. Зависть и озлобленность в отношении к чужой собственности и успеху – характерная черта люмпенского поведения и психологии. Они давали разрушительный результат, выступали как ограничитель развития, способствовали деструктуризации общества. Н. Рогалина приводит письмо селькора И. Зольникова из села Краснослободка Пензенской губернии в «Крестьянскую газету» в феврале 1926 г.: «На всю деревню в 357 хозяйствах не более 10 кулацких хозяйств, по сравнению с довоенным процент незначительный... но, с другой стороны, в старое время деревня была как-то богаче. На 250 домов было около 200 лошадей и 15% бескоровных. Теперь на 357 хозяйств 185 лошадей (как и до революции) и 172 хозяйства безлошадные. Бескоровных сколько и ранее 15%, но на самом деле не так, как прежде. Безлошадные у нас хозяйства, могущие купить лошаде́нку, и такие, которые купят двух, но не хотят: им невыгодно. Из этих 132 хозяйств сотня живёт очень хорошо, имеют по корове, пьют, едят отлично, обувь и одежда в избытке и налогов не платят: существует доход для хозяйства – самогонварение (из 20 фунтов муки и меры картофеля выходит ведро самогона, продукты стоят 1 р. 40 коп., а ведро самогона продают за 10 руб., а землю отдают пополам). 70 хозяйств можно считать бедной (молодых недавно отделившихся) ... Самогонщики живут превосходно, налогов с них не возьмишь. Что продать? Одна корова. Они уже приспособились – этот элемент в деревне, пожалуй, опаснее кулаков».

Люмпенские настроения широко использовались властями в антикулацкой политике и сыграли разрушительную роль накануне и во время коллективизации.¹⁷⁰

Яркую картину отрицательных последствий государственного вмешательства в дела деревни, её люмпенизации приводит К. Савченко: «Все меры по разрешению вопроса безработицы деревни, как-то: переселение, отход в города, кроме мер поглощения и использования этих излишков рабочих рук в самом сельском хозяйстве, утопичны и беспочвенны; лишь переход на интенсивные трудоемкие культуры, как-то: лен, конопля, подсолнух, свекла, картофель, сад, огород, кормовые культуры, клевер, корнеплоды и молочное скотоводство и тому подобное хозяйствование – разрешит проблему безработицы в деревне – оно может занять в пять раз больше рабочих рук, чем наше современное зерновое хозяйство, но для этого нужны соответствующая и политика и экономика, чего до сего времени было недостаточно. Беда наша не в том, что такой политики и экономики до сего времени было мало, а в том, что считают её ненужной, в том, что взгляд у многих членов партии на этот величайший важности вопрос наплевательский. Взгляд многих партийцев на деревню местами просто аракеевский, чиновный, часто услужательский перед начальством, показно-революционный, модно-кулацкоедский, шапкозакидательский, а кто не был в деревне и не знает ее разрозненности и распыленности, – боятся деревни, болеют страхом перед миллионной цифрой ее обитателей.

Итак, отбитый штурм оппозиции в теории, на практике их принципы – принципы уравниательные, принципы ущемительные, под видом борьбы с кулачеством проводятся во всей полноте. Мы много кричим о культурниках на бумаге, поем им дифирамбы, а на деле? На деле на местах самая отъявленная, самая омерзительная, беззастенчивая травля способнейших творцов сельского хозяйства. Частью и ущемлением налогом, и особенно перевыборной кампанией производственная инициатива деревни подавлена, деревня деморализована, производительность труда ослаблена.

Величайшее несчастье нашей партии в том, что об этой горькой истине боятся говорить вслух, чтобы не подумали о нем, что он не революционен, что в его настроении защиты кулака и некоммунистический уклон, – «военного коммунизма» многие товарищи еще не изжили.

Я беру на себя смелость сказать Вам, как руководителю нашей партии, что атмосфера в деревне нездоровая. Видящие это члены партии, как в сказке о голом короле, боятся сказать, что король голый.

В деревне душно: люди с инициативой, с творческой мыслью, с человеческими потребностями в ней задыхаются. В деревне застой, разложение, бандитизм, воровство, убийство – обыденная вещь. Из деревни все лучшее бежит, все способное из молодёжи рвется из деревни в город – уравнительность заела.

О бедноте мы больше кричим, чем делаем: у нас нет плана помощи бедноте, отпущенные нами для бедноты средства распыляются. Все хотят опекать бедноту. Опекать бедноты является модным делом, особенно когда запахнет отпуском денег. Для этой помощи тут происходит буквально лихорадка заботливости и любви к бедноте. Ковы [комитеты взаимопомощи] говорят, что только они призваны к этому важному делу, что только им принадлежит священное право облагодетельствовать сырых; колхозы говорят: мы вместилище сырых – деньги должны отдать нам; а сельхозкооперация говорит: мы столбовая дорога к социализму, мы залюбим бедноту – давай деньги нам; а кустарно-промышленная кооперация кричит: мы спасём бедноту – даёшь деньги нам. И это не анекдот, а истина: кто громче умеет кричать, тому больше дадут, – даём не по плану, а по крику; помимо бедняцкого фонда даём на покупку лошадей, отпускаем лес, отпускаем семена, машины. А на местах,

¹⁷⁰ Роголина Н. Л. Новая экономическая политика и крестьянство. С. 141, 143—145.

что часто с этими средствами делается – их делят по носам, всем: по 12—15 проц. стоимости лошади (отчет Тамбовского ГЗУ [губернское земельное управление] по восстановлению ЦЧО [Центрально-Черноземная область]), и деньги вместо укрепления производства идут на сарафан и на селёдку, деньги проедаются, рождая аппетиты к дальнейшему попрошайничеству, и, конечно, погашены быть не могут. Часто так раздавали и семсуду. Раздают так и лес – по бревну на нос. И он скупается потом у получивших его спекулянтom, или валяется у двора, получившего его, и гниёт. Средства пропадают, и пользы никакой... и всё потому, что мы не занимаемся производством: не ставим во главу угла увеличение производительности труда, а ставим дешёвое собесничество (от слова «собес» – социальное обеспечение – авт.). На местах... занимаются уравнильностью. Распределяя полученные средства, часто в образе доброго барина, раздают подачки в погоне за дешёвой популярностью, и дают больше тем, кто громче кричит – и за себя и за раздающего. Говорить об этом горько, но необходимо. Средства эти часто попадают пройдохам – люмпен-бедноте, которые останутся вечно бедной, сколько бы мы им ни помогали, вечно будут клянить. А всякого, имеющего кусок хлеба, клеймят славной кличкой кулака. Кричат о засилье кулаков в Советах, в кооперации, они умеют подделаться к партячейкам и парализуют творческую инициативу деревни. Партячейки, и видя это, молчат, боясь, чтобы не подумали бы о них, что они нереволуционны...

Не касаясь кулака, злостного эксплуататора, жиреющего за счёт несчастливого соседа, необходимо развязать руки хлебороба, создать стимул к творчеству, к инициативе, взять продуктивность труда, его производительность под высокую защиту партии.

Что подняло производительность труда на заводах и фабриках? Подняло высокое внимание партии к продуктивности труда, стимулирование производительности. Каждый рабочий знает, что за затраченный им труд получит вознаграждение только он сам, и его за большую производительность труда не отнесут к категории кулаков, а хорошо заплатят за его труд, да ещё и похвалят, поставят в пример другим. Только таким путём можно поднимать производительность труда и в сельском хозяйстве, как это делается в заводе. Другого пути нет. Ведь даже рабочие в заводе, на фабрике не одинаковы по своим способностям. Даже на одной и той же работе при одинаковых условиях один зарабатывает больше другого, и это считается естественным. И здесь не мешают производству ни природные, ни атмосферные условия; признаётся, что один человек способнее другого, один человек умнее другого. Почему этого мы не допускаем в сельском хозяйстве, где нужно в тысячу раз больше сообразительности, творческой инициативы, отдельных соображений, чем за одинаковым станком на заводе, – тут и почвенные, тут и атмосферные влияния, тут и обработка, тут и семена, тут и срок обработки, тут ещё больше может быть разницы в способностях, в сообразительности, в навыке и в успеваемости, чем в промышленности?

Но в сельском хозяйстве это во внимание не принимается: один плохо хозяйничал, плохо работал, неумело работал, ну, стало быть, молодец, и таких очень много, и они всегда будут меньше зарабатывать; а ты хорошо работал, умно работал, вовремя работал, хорошо уродилось, много получил, но его уже не хвалят, он уже кулак, опасный член общества, – лишит его избирательного права при перевыборах Советов, проявления инициативы, здоровой критики наших ошибок; кто бы о них ни сказал – относят к козням кулака; кулак гадит: простой и лёгкий ответ – легче, чем ответить на ошибки и за ошибки.

У нас часто копируют старую черную сотню, которые недовольство страны, глухой ропот валили на жидов, говорили – все жида мутят... Надо эти уроки учесть, и не валить на кулака. Надо прислушаться к голосу творческой мысли деревни, надо изучить её, надо поднять её производительность труда, надо сделать её товарной. Только на базе высокой производительности труда в сельском хозяйстве будет расти благополучие деревни, будет расти её культурный подъём, только при высокой производительности труда деревня будет сырье-

вой базой для промышленности и хорошим потребителем её продукции. Высокую производительность труда создаёт экономический стимул – *личная заинтересованность, остальное всё болтовня* (выделено мною – авт.)...

Мы не ставим во главу угла производства стимула повышения производительности труда, а ходим вокруг да около бедноты, коллективов, коммун, увлекаемся или часто идеализируем их. Верно, что будущее за ними, но улита едет, а когда то будет, а жизнь не ждёт – она требует от нас ответа на запрос, требует продукции сельского хозяйства, и требования эти предъявляются с каждым днем всё настойчивей, и мы обязаны, мы должны требования жизни, требования исторического момента выполнить, – или жизнь пойдёт мимо нас, и мы останемся позади неё. Коллективную жизнь будет творить машина, будет творить электричество, а не одни наши, хотя бы даже самые пламенные желания, что подтверждает история: рожденные идеями, а не экономикой, коммуны умирали. Причины медленного роста, их распада относить лишь к некультурности их состава... нельзя. Мы видим разительные подтверждения этого. Возьмём Дом Ильича [сельхозкоммуна], где нет главной причины ссор – ни производства, ни распределения произведённых ценностей, где собраны товарищи – цвет идеи коммунизма, а они ссорятся не хуже деревенских кумушек...

Наши деревенские партийцы в большинстве превратились в сухих, если не сказать больше, деревенских чиновников, не ищут разрешения вопроса безработицы в деревне, не ищут разрешения вопроса производительности труда, не ищут поднятия благосостояния деревни, не создают укрепления базы народного хозяйства, укрепления фундамента для промышленности, как снабжением её сырьём, так и укреплением рынка сбыта промтоваров, а ищут кулака, кулаком занимаются как спортом, местами чуть не всякого сытого крестьянина считают кулаком, считают его жупелом коммунизма, понимают коммунизм в нищете и в невежестве: чиновник с партбилетом дрожит за своё местечко (призрак безработицы его пугает), и они наперебой один перед другим стараются отыскать больше кулаков, ибо их работу часто расценивают по количеству отысканных кулаков».

И уже в 1927 г. К. Савченко предсказывал: «Первый неурожайный год в наших республиках может причинить нам величайшие трудности и не только в снабжении населения продуктами питания, снабжения промышленности сырьём, но мы можем встретиться с глубоким кризисом сбыта промизделий, ведь даже сейчас, например, при двухлетнем хорошем урожае, около двух миллионов сапог лежат, не имея сбыта, тогда как страна полубосая (комиссия Цюрупы)».¹⁷¹

Наличие в деревне различных категорий хозяйств со своими собственными интересами, большая роль в деревенской жизни люмпенизированных бедняцких слоёв в сочетании с политикой государства, не учитывающей интересов наиболее активных в хозяйственном отношении крестьян, в целом отражавшей антикрестьянские настроения правящей верхушки порождали противоречивость в отношении крестьянства к советской власти, к социализму, приводили к росту числа отрицательных оценок правительства, советской власти в целом, к коммунистам, что показывает анализ крестьянских писем, проделанный К. Литвак.

В 1926 г. впервые писем крестьян с критикой и отрицательными оценками центральной власти стало больше, чем писем с одобрениями её политики. Более чем в 28% писем читатели высказывали недовольство Советской властью и в 23% – сообщали о своей поддержке ей. То же соотношение наблюдалось и в оценках деятельности компартии.

При этом недовольство охватывало все слои деревни. Так 100 крестьян-бедняков писали в коллективном письме: «Коммунисты и комиссары, вы все забыли 1917 г. Сидите на тёплых местах, паразиты, пьёте нашу кровь... Пусть мы сгниём за правду, но вас обман-

¹⁷¹ Письмо К. Д. Савченко И. В. Сталину 10 мая 1927 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. №8. С. 205—209.

щиков народа сотрём. Головотяпы – сбили Россию с понтальку и гоните беднейшее население в тюрьмы... Вы старых революционеров променяли на спецов и буржуазию».

Причины недовольства крестьян были различными, но всё чаще они связывались с властью. Часть крестьян ещё сомневалась: неужели власть не видит, что происходит? Но многие выражались решительно: когда мы свергали самодержавие, нам обещали свободу, равенство, землю, а теперь и овец записали в налог. Неужели мы должны добиваться земли и равенства с вилами и топорами?

Главные причины крайней бедности большинства авторы крестьянских писем видели в высоких налогах и неправильных ценах («ножницы цен»). Неравенство цен и налогов вызывали зависть и недовольство городом, который, с одной стороны, эксплуатировал деревню с помощью «ножниц цен», с другой – обеспечивал горожанам совершенно иные условия труда и быта (8-часовой рабочий день, гарантированная оплата труда, близость учреждений культуры). Это воспринималось деревней как её дискриминация. Крестьяне всё меньше делали различий между высокой зарплатой спецов и зарплатой рабочих («едят хлеб и мясо, а работают 8 часов», «уменьшить ставки рабочим; они получают по 200—300 рублей»).

Самообман крестьян о хорошей Советской власти и плохих её исполнителях на местах исчезал очень быстро. Характерно письмо крестьянина-средняка А. Соколова из Тверской губернии: «Товарищи, все постановления власти, что всё для улучшения крестьянства являются только лишь льстивые слова для того, чтобы крестьянину нужно улучшить крестьянство [так в тексте] ему нужно более развивать скотоводство и не угнетать налогом, для того чтобы он мог завести лишнюю скотину. Ему необходимо из-за налога сбывать и ту, которая ему самому нужна. Для крестьянства это, товарищи, не есть справедливость. Поскольку мы брали власть в руки и говорили: фабрики и заводы рабочему, а земля крестьянину. Да, верно, землю дали, а налогом задушили. Поэтому, товарищи, *поскольку будут такие налоги, то крестьянство откажется ото всей земли* (выделено мною – авт.) и оставит только для своего пропитания.

Для того чтобы облегчить трудового крестьянина от налога, необходимо уменьшить жалованье всем советским служащим как с низшей дистанции так и до высшей...»

Кризис доверия к власти выражался в избегании крестьянами участия в общественной жизни. Повсеместно крестьян было сложно созвать на собрания, а если удавалось, то уже на следующий день крестьяне не помнили, какие решения были приняты. Пассивность крестьян была следствием псевдодемократии, царившей в деревне, формальности выборов должностных лиц. («Когда дело коснется выборов, партийцы тут и скажут, вот того надо выбрать. Хорош он народу – ни хорош, насильно навяжут, кого ни следует... И этим отбили народ от собраний, когда надо собрать, собирают 3 или 4 дня и все-таки не соберут и 20% всего населения»)¹⁷²

На осенних выборах 1924 г. в сельсоветы приняло участие только 28,9% имеющих право голоса, а в весенних перевыборах 1925 г. – 41%, а доля коммунистов в сельсоветах сильно снизилась по сравнению с предыдущим годом.¹⁷³

Рост недовольства политикой Советской власти в отношении крестьян и поведением коммунистов вовсе не означал роста буржуазных настроений в деревне, которыми пугала левая оппозиция. Как раз наоборот, крестьяне даже теряли желание иметь свой клочок земли. Следует учитывать, что в России и до революции частная собственность на землю была развита слабо, преобладала общинная форма землепользования, которая

¹⁷² Литвак К. Б. Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 193—199.

¹⁷³ Венер М. Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924—1925 гг.) // Отечественная история. 1993, №5. С. 93.

вместе с объективными и субъективными причинами (природно-климатические условия, подати, нехватка капиталов, традиции экономики выживания) не способствовала стремлению мужика повышать уровень своего хозяйства, тормозила распространение качественно новых приёмов обработки земли. Тем не менее труд крестьянина давал возможность худо-бедно кормить семью и кое-что продавать.

Но политика военного коммунизма, а затем высокие налоги в период нэпа подрывали даже эти ближайшие прозаические цели сельскохозяйственной деятельности. Отдача от мужицкого труда, указывает К. Литвак, не соответствовала затраченному поту по причине постоянных изъятий средств из деревни, с одной стороны. А с другой – ставшие со стороны властей вполне очевидными гарантии обеспечения бедноты, пусть даже качественно крайне низкого уровня, существование слоя социальных иждивенцев, лишали многих в деревне всякого желания трудиться. И в этих условиях всё большее число крестьян стали видеть выход в том, чтобы «сделать крестьян как рабочих». Читатели «Крестьянской газеты» предлагали конкретные пути реализации этой идеи. Она была созвучна и вековой крестьянской традиции: земля – божья, она не может быть чьей-то частной собственностью, она – собственность всех тружеников. Поэтому тотальное огосударствление земли не только не встречало протеста, но приветствовалось. В этом видели приближение социализма, о котором говорили коммунисты. Хотя само понимание социализма в крестьянской среде было своеобразным.

Зажиточные крестьяне утверждали, что социализм «противен деревне», это почва для роста лентяев и пьяниц. Другие же считали, «крестьянам станет хорошо при социализме», ибо социализм – «это когда люди не будут иметь ничего собственного, когда будут жить такой жизнью как муравьи, то есть общей, дружной». Экономическая и социально-политическая действительность деревни времён нэпа подогрела в крестьянской среде на бытовом уровне настроения, которые сами по себе являлись психологическими предпосылками отказа от нэпа. Многие крестьяне «созрели» для качественного изменения своей жизни.

«Чем так жить, – писал в 1926 г. один из читателей „Крестьянской газеты“, – лучше устроить социализм. Я бы пожертвовал свое состояние с условием, чтобы быть обеспеченному жалованием и правами среднего служащего». Уровень и качество жизни городского служащего были значительно выше, чем у любого из крестьян, и поэтому такое мнение было свойственно самым различным социальным слоям деревни. Не только среднему крестьянину, но и зажиточному, представлялось, что вся его движимая и недвижимая собственность не стоит ежемесячного городского жалования, 8-часового рабочего дня, оплачиваемых отпусков, школ, вузов, театров, доступности товаров и т. п.

Такие настроения в деревне крепили с каждым годом и в 1927 г. один из читателей уже заявляет безапелляционно как о мнении всех слоёв деревни: «Крестьянин согласится. Так возьмите всю землю в казну и платите как рабочему. А крестьянин будет обрабатывать. И вы берите себе хлеб, и мы будем покупать. И все равны будем как рабочий, так и крестьянин. Тогда не будет никому обидно».¹⁷⁴

Только хлеба будет всё меньше и меньше, покупать его придётся в других странах, как показала дальнейшая история. И можно только согласиться с мнением К. Литвак о том, что письма крестьян опровергают широко распространённое сейчас мнение о нэпе как «золотом» времени для русского крестьянина. Всё дело в точках отсчета. По сравнению с периодом военного коммунизма, когда крестьяне были доведены до полного разорения, нэп дал возможность снять социальную напряжённость в деревне, несколько подняться крестьянскому хозяйству. Но превращение нэпа в конфискационную политику происходило очень стремительно. И поэтому, судя по письмам, реальная политика нэпа на местах, конкретные действия властей почти сразу стали вызывать недовольство всех слоёв крестьянства. Для

¹⁷⁴ Литвак К. Б. Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии. С.200.

большой части крестьян причиной тому послужило налогообложение, формы и методы его проведения. Беднота же, освобождённая от налогов, воспринимала новый курс как предательство прежних идеалов, переориентацию власти на союз с зажиточными.

Город постепенно лишал крестьянство стимулов к труду, забирая не только избыточный, но и необходимый продукт. Это приводило к тому, что даже прежде всегда болезненный для крестьян вопрос о земле за последние предколхозные годы постепенно утрачивал свою остроту. Земля и проблемы землепользования всё меньше интересовали крестьян, в их письмах всё реже упоминались земельные споры, жалобы на неправильное землеустройство и т. п. Извечная тяга крестьянина к земле становилась всё слабее и вместе с ней пропадало стремление к расширению своего хозяйства.

В то же время город становился примером качественно иного уровня жизни. В результате недовольство сложившимся положением вызывало желание изменить его. Стремление к переменам активной части деревни и аполитичность другой создавали психологические предпосылки к отказу от нэпа со стороны крестьян. Не в меньшей степени этому способствовали уравнилельные традиции, укоренившиеся в сознании и психологии крестьян за столетия жизни в условиях экономики выживания.

Таким образом, многие в деревне были готовы сами отказаться от нэпа, от рыночной экономики, в пользу уравнилельного социализма и государственной собственности на землю. Но ни благосостояния, ни счастья, ни даже избавления от налогов крестьяне не нашли и на этом пути.

4.3. Советский народ в годы первых пятилеток

В 1930-е гг. произошло ухудшение материального положения рабочих и крестьян, в лучшем случае оно не изменилось у наиболее оплачиваемых.

С началом форсированной индустриализации началась бесконтрольная эмиссия денег. Денежная масса в обращении увеличилась с 1,3—1,4 млрд руб. в 1926/27 г. до 8,4 млрд в 1933 г. и 11,2 млрд руб. в 1937 г. Кредитные вложения всех банков возросли с 0,9 млрд в 1928 г. до 1,8 млрд в 1933 г. и до 6,4 млрд в 1941 г. На свободном рынке, естественно, начался стремительный рост цен: в частной торговле к 1932 г. они выросли по сравнению с 1927/28 г. почти в 8 раз, в том числе на промышленные товары – более чем в 5 раз, на сельскохозяйственные – почти в 13 раз. Государственные оптовые и розничные цены поначалу удерживались на стабильном уровне, что вызвало острую нехватку товаров. Поэтому со второй половины 1928 г. вводится карточная система нормированного снабжения первоначально в отдельных городах, потом во всех, сначала только на хлеб, потом на продовольственные товары и далее на промышленные. К 1934 г. карточным снабжением из централизованных фондов было охвачено 40 млн человек и ещё 10 млн снабжались из местных фондов. Разрыв между рыночными и государственными ценами постоянно увеличивался: если в 1927/28 г. первые были выше вторых в 1,3 раза, то к 1932 г. – в 5,9 раза.¹⁷⁵

Наряду с карточным распределением существовала и коммерческая торговля – Торгсин, колхозные рынки, обычные магазины. Государство всё больше товаров отправляло в коммерческую сеть. В самый разгар голода, в марте 1933 г., было принято решение о свободной продаже в Москве, Ленинграде и Харькове печёного хлеба по повышенным ценам: 2,5 рубля за килограмм ржаного и 4 рубля – пшеничного (килограмм нормированного хлеба стоил тогда около 12 копеек). Среднемесячная зарплата рабочего составляла около 125 рублей минус всяческие отчисления, но за продукты люди отдавали последнее. Правительство расширило число городов, пользовавшихся правом свободной продажи хлеба и пустило в коммерческий оборот другие продукты. В 1933 г. в Донбассе и Днепропетровске появились давно забытые продукты, но по высоким ценам: 25 рублей за килограмм колбасы, 16—18 рублей – мяса, 40—45 рублей – масла. Удельный вес коммерческой торговли продовольствием и промышленными товарами в розничном товарообороте вырос с 3% в 1931 г. до 24% в 1934 г.¹⁷⁶

Одним из способов обеспечения продовольствием населения, прежде всего рабочих, было создание сети общественного питания. Если в 1928 г. в столовых предоставляли 750 тыс. ежедневных блюд, то в 1932 г. – уже 14,8 млн. Развитие сети общественного питания имело политический и идеологический смысл – организация социалистического общепита с целью освобождения женщин от повседневного быта, воспитание в коллективистском социалистическом духе, обеспечение условий для культурного досуга. Но имелось и практическое содержание – предоставление необходимого минимума пищи растущему городскому населению и прежде всего рабочим крупнейших строек первых пятилеток, а также обеспечение контроля государства над продовольствием, распределение ресурсов, которых не хватало, борьба с растратами и предоставление питания именно тем, кто (по мнению власти) этого заслуживает.

¹⁷⁵ Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. С. 71.

¹⁷⁶ Хлевнюк О. 30-е годы. Кризисы, реформы, насилие // Свободная мысль. 1991, №17. С. 83.

Пропаганда рисовала образ идеальной столовой как очага здорового питания: требовалось быть чистым, вести себя прилично, правильно есть, в столовой должны были быть накрытые скатертями столы с графинами в залах, украшенных зелёными растениями.¹⁷⁷

Действительность оказалось совершенно иной. Хотя рабочие столовые помогли хоть в какой-то мере выжить рабочим в 1930-е годы, особенно в период существования карточной системы, от идеала они были далеки очень и очень сильно. Для столовых того времени были характерны грязь, зловоние, низкое качество пищи, острая нехватка посуды.

Вот несколько примеров.

«Десять контрреволюционных агитаторов не могли бы нанести нам больше вреда, чем один из директоров этих выгребных ям, которые называют советскими столовыми», – эти слова наркома продовольствия А. Д. Цюрупы, произнесённые вскоре после прихода большевиков к власти, сохраняли актуальность и в середине 1930-х гг., пишет Ж.-К. Нерар.

Прежде всего, объектом многочисленных разоблачений делала столовые неудовлетворительная гигиена обеденных залов и кухонь. Член коллегии наркомата рабоче-крестьянской инспекции Р. С. Землячка во время поездки в Нижний Новгород (1931 г.) посетила столовую завода «Красное Сормово» – одну из самых престижных в городе. Увиденное ошеломило её: «грязь невылазная», пол «уже очень давно не мылся, с него только топором можно будет снять эту грязь... бочки с кислой капустой, покрытые клеёнкой, на которой, буквально, комья грязи». Схожие описания – чёрные от копоти стены, нечистоты, грызуны, насекомые, «исключительное зловоние» – сохранились и о многих других предприятиях. Одной из главных проблем – по причине нехватки холодных комнат – было хранение продуктов. Она особенно обострялась в летние месяцы.

Один из посетителей столовой писал: «Я проследил за одним продуктом, как он поступает – это по Автозаводу в столовой Прессового Цеха. Мясо получили в 12 часов ночи, положили в кладовку, где температура плюс 12—15 градусов и пролежало оно там 5 часов, в 6 часов заложили его в котел, в 8 часов из котла вынули, а первая очередь обедает в 11 часов, а последняя очередь в 8 часов вечера и это мясо 12 часов хранится в кухне, где температура плюс 30—36 градусов, да еще закрыто противнем это мясо, вы представляете, что получается с этим мясом при такой температуре, может ли в таком положении мясо не испортиться? Никакой гарантии».

Как следствие, в Нижнем Новгороде летом 1932 г. были зарегистрированы сотни случаев пищевых отравлений. Например, 27 августа 108 рабочих были госпитализированы с завода «Красное Сормово», при этом 33 – в тяжёлом состоянии. Причиной оказалось употребление испорченной печёнки. Расследование, проведённое ОГПУ, показало, что блюда были приготовлены на фабрике-кухне и развезены по нескольким предприятиям. В итоге в последние дни августа (по 1 сентября) по всему городу отравились более 800 рабочих, один из них умер. При этом порция испорченного продукта была скромнее скромного: «три кусочка» печени весом «30—40 граммов», как на допросе отметил один из рабочих. Трагедию вызвали хронические проблемы с хранением пищи и отсутствием льда в кладовых фабрики-кухни.

Рабочий мог терпеть грязь и скверный запах, но не содержимое своей тарелки. Обычным делом было присутствие в пище посторонних предметов: осколков стекла, металлических фрагментов, органических материалов (таких, как помёт грызунов – и даже сами грызуны!), мух... Оставалось радоваться уже тому, что такие находки обнаруживались «не каждый день». Однако, несмотря на регулярные жалобы, в настроении посетителей столовых преобладали апатия и уныние: когда на сормовском заводе в супе обнаружили дохлую

¹⁷⁷ Нерар Ф.-К. Накормить строителей социализма: общественное питание в СССР эпохи первых пятилеток (1928—1935 гг.) // Российская история. 2016, №1. С. 84—87.

крысу, то местком профсоюза, проведя разбирательство, пришёл к заключению, что «крыса впрыгнула сама».

Эти вопиюще антисанитарные условия сопровождались никуда не годным качеством пищи: «Ударник-рабочий... заставил попробовать щи, которыми кормят ударников. Щи настолько кислые, что в рот совершенно невозможно взять. Макароны – кусок теста на тарелке, и около каждого рабочего лежат эти куски теста, которые они уносят домой для свиней и цыплят». Еда была не только некачественной и невкусной, но и однообразной: рабочим всегда предлагали одни и те же блюда. В них было мало мяса, зато много капусты (так, в столовой №27 в Нижнем за 25 рабочих дней февраля 1932 г. капустный суп подавался пять раз под разными названиями, которые были призваны маскировать скудость содержимого). В те годы малое содержание калорий было обычным делом. В 1938 г. рабочие для обозначения плохого супа говорили о «щах по рецепту 1932 года» – жиденькой похлёбке практически без мяса и с небольшим количеством капусты.

Некоторые категории трудящихся («ударники» или инженерно-технические работники) теоретически должны были получать лучшее, более обильное питание – с большим количеством мяса. Но на практике это не соблюдалось: например, в мае 1933 г. «ударники» прокатного цеха завода «Красное Сормово» ели ту же пищу, что и рядовые рабочие. Разумеется, существовали исключения, но такие удовлетворительно функционирующие столовые оставались редкостью.

Плохое состояние столовых вызывало у персонала предприятий неудовлетворённость и недовольство. Бесхозяйственность столовых была одной из главных причин, побуждавших рабочих искать лучшие условия труда, и усиливала текучку кадров. Директор одного фанерного завода был вынужден обратиться к областным властям: производство оказалось под угрозой из-за ухода 168 голодавших рабочих.

Задача рационализации рабочего времени, предполагавшая строго ограниченный перерыв на обед, также оказалась трудновыполнимой. Нехватка персонала зачастую вела к неэффективному управлению потоками: «Очереди у кассы за талонами (до 40 человек), буфетов (до 30 человек) и в ожидании подачи обедов (до 1 часа) отнимают у рабочего весь обеденный перерыв и зачастую заставляют его опаздывать на 20—30 мин. к началу работы, и станки работают в холостую».

Дефицит продуктов, недовольство посетителей, давление со стороны инспекций ставило тружеников столовых – от простой подавальщицы до директора и счетовода – в безвыходное положение. Те, кто не увольнялся под давлением обстоятельств, старались приспособиться. Одни занимали «наплевательскую» позицию (например, чай заваривался в тёплой воде, в нём попадались кусочки картофеля или макарон, поскольку посуду попросту не мыли). Другие вели себя надменно, грубо реагируя на претензии. Так, в феврале 1933 г., столкнувшись с протестом работниц, вынужденных в столовой №23 «жрать исключительно горькие» щи и «картошку в сыром виде», дирекция ответила, что, конечно, «приготовлены обеды скверно, но отравиться нельзя» и что в таких условиях «приостановить отпуск обедов это значит 500 руб. убытку». Соответственно, учащались жалобы на грубое обращение.

Таким образом, посещение столовых превращалось для советского человека в важнейший антропологический и политический опыт, в школу «реального социализма». В столовых подавали малосъедобную пищу, которую приходилось есть в тяжёлой обстановке. Однако открытые протесты были немногочисленны – обычно они возникали, когда чаша терпения переполнялась. Как правило, рабочие отказывались от пищи – подобное случилось, например, в августе 1930 г. на стройке Нижегородского автозавода, когда суп для рабочих был приготовлен из нечищенной солёной рыбы, а также в столовой Городецкого затона, когда в похлёбке обнаружили лягушек.

ОГПУ фиксировало проявления «злословия», наподобие высказывания одного оголодавшего украинского рабочего в 1933 г.: «Никому не нужен социализм, при котором нет ни куска хлеба. Если будет восстание против советской власти, то я против советской власти, то я, старик, пойду сражаться против советской власти».

Но таких случаев было меньшинство. В массе своей рабочие безропотно переносили безразличие персонала столовых – у них практически не было средств заставить прислушаться к своему недовольству. Они могли получить слово разве что во время визитов инспекций – и тогда уж не стеснялись «сигнализировать» о проблемах: «5 – Обеды в цеху плохие и дорогие. 6 – Каша бывает чёрная от баков. 7 – Почему обеды в цеху дорогие? 8 – Когда наладится негодное питание, чтобы рабочие не травились, и почему суп из сечки стоит 31 коп. и каша из сечки 15 к., что, вода разве дороже, чем сечка? 9 – Нельзя ли улучшить питание рабочих в цехах, а то привозят одну бурду да сечку?». Однако работа инспекций обычно не влекла за собой перемен к лучшему. Так что рабочим приходилось смиряться и хлебать то, что дают.

Система существовала большей частью благодаря характерной для Советского Союза манере бичевать «отдельные недоработки» (в то время как на деле речь шла о повседневной практике). Линия на обличение недостатков привела лишь к увеличению числа инспекторов, массовым увольнениям и показательным процессам, главная задача которых заключалась в том, чтобы заклеить «конкретных виновников» злоупотреблений. Именно так было, например, в Сормово в 1931 г.: «Остальные – кладовщики, повара – жулики. Мы устроили широкие показательные суды, на которых сняли несколько жуликов (и немножко повыше)».

Объяснительная стратегия, неизменная на всём протяжении сталинской эпохи, заключалась в персонализации творящихся «безобразий». Власти списывали на ошибки отдельных лиц систематические, каждодневные трудности, преследовавшие советского человека, таким образом избавляясь от ответственности, а также от необходимости обстоятельного анализа проблем и их причин, поиска их возможных решений.

Единственное исключение из этого правила наблюдается сразу после чисток 1937—1938 гг., когда большинство предполагаемых «вредителей» было арестовано, а столовые продолжали работать всё так же скверно. Казалось, принцип индивидуализации сбоев в работе не сработал и беспомощность властей стала очевидной. Один из руководителей общественного питания Ленинграда заявил тогда: «Я хочу работать, хочу работать вместе с народом, но честно говорю, мне иногда стыдно, что я работаю в общественном питании... Мы не торговая система, не производственная, никакая мы система. Мы бессистемные и незаконные».

Ж.-К. Нерар делает такие выводы: «Ускоренная индустриализация Советского Союза создала условия для развития сети столовых общественного питания, символизируя стремление большевиков к модернизации, распространению гигиены и повышению эффективности труда. Именно в годы индустриализации и „великого перелома“ столовые массово вошли в повседневную жизнь советских людей и, несомненно, стали одним из её центральных элементов. Нехватка пищи приняла такие масштабы, что столовые оказались одними из немногих мест, где можно было худо-бедно прокормиться. Однако уровень обслуживания и питания был низким, поэтому неудивительно, что с отменой рационирования в 1935 г. столовые опустели. Но даже и после этого качество их работы не улучшилось».¹⁷⁸

В последующие десятилетия советской власти столовые продолжали выполнять функции хоть какого-то обеспечения питанием советских людей, со временем положительные сдвиги произошли в обеспечении санитарной гигиены и в качестве пищи, но не принципиальные. Неудивительно, что советские столовые не выдержали конкуренции с частными

¹⁷⁸ Там же. с. 93—97.

заведениями в 1990-е гг. То, что в 2010-е годы открывается в России под брендом столовых, к столовым советского времени имеет очень отдалённое отношение.

В январе 1935 г. были отменены карточки на хлеб, с октября 1935 г. – на остальные продукты. Новые цены стали выше нормированных, но ниже коммерческих (таб. 16).

Таблица 16. Розничные цены на нормированные и ненормированные товары в 1932—1935 гг.

- а) Ржаной хлеб (коп. за кг)
- – Нормированные– Ненормированные
- До февраля 1932 г.– 7,5 – 50
- Февраль – декабрь 1932 г. –10– 40
- Январь – июль 1933 г. –12,5 –250
- Август – октябрь 1933 г. –25 – 200
- Ноябрь 1933 г. – Июнь 1934 г. –5 –150
- Июнь – декабрь 1934 г. – 50 – 150
- Январь 1935 г.
- (отмена нормирования) – 100 – 100
- б) Рафинированный сахар (руб. за кг)
- – Нормированные— Нормированные —Коммерческие
- – городские цены– сельские цены
- До 1933 г. –0,68 – 0,68 –10,0
- 1933 г. —
- ноябрь 1934 г. —2,43 – 3,92 – 15,0
- Декабрь 1934 г.-
- сентябрь 1935 г. —2,43 – 3,92 –7,50
- Октябрь 1935 г.
- (нормирование
- отменено) – 5,50 – 5,50– 5,50
- в) Масло (руб. за кг)
- – Нормированные– Коммерческие
- цены цены
- До 30 сентября
- 1935 г.– 7,80 – 24,50
- С 1 октября 1935 г.
- (нормирование
- отменено) – 17,30 –17,30

При отмене карточек работающим выдали компенсацию, произошло повышение зарплаты, но иждивенцы компенсации не получили. Поэтому положение многосемейных и низкооплачиваемых рабочих ухудшилось и отмена карточек у них вызвала недовольство.¹⁷⁹

Государственные розничные цены в 1940 г. были в 6—7 раз выше, чем в 1928 г. Рыночные цены в первой пятилетке выросли в 7—8 раз, во второй половине 30-х гг. – ещё в 4—5 раз. При этом средняя зарплата выросла в 1940 г. по отношению к 1928 г. в 5—6 раз.¹⁸⁰

Несмотря на усиление внимания правящих кругов к увеличению производства предметов потребления в середине 1930-х г., общий уровень их производства оставался недостаточным. В 1940 г. лёгкая промышленность производила в год на душу населения лишь 16 кв. м х/б, 90 кв. см шерстяной и 40 кв. см шёлковой тканей, менее трёх пар носков и чулок, менее

¹⁷⁹ Дэвис Р. У., Хлевнюк О. В. Отмена карточной системы в СССР. 1934—1935 годы // Отечественная история. 1999, №5. С. 90, 96.

¹⁸⁰ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? С. 98—99.

одной пары белья, пару кожаной обуви. Пищевая промышленность выпускала в год на душу населения 13 кг сахара, 8—9 кг мяса и рыбы, около 40 кг молочных продуктов, около 5 кг растительного масла, 7 банок консервов, 4 кг мыла. При этом от 30 до 70% произведённой продукции шло не в торговлю, а на вне рыночное потребление (промышленную переработку и изготовление спецодежды, создание стратегических запасов).¹⁸¹

Падение уровня жизни обостряло социальную напряжённость, вызывало пассивное и активное сопротивление: тихий саботаж в форме прогулов, опозданий на работу, длинных перекуров, невыполнения норм, открытых волнений. Целая волна открытых выступлений прокатилась весной 1932 г., особенно по мелким и средним городам в связи со снижением норм карточного снабжения хлебом. 7—9 апреля жители белорусского города Борисова разгромили хлебные склады, организовали демонстрацию и шествие женщин и детей к красноармейским казармам. По официальным данным в волнениях участвовало 400—500 человек, несмотря на лояльность войск, были замечены «болезненные явления среди красноармейцев и даже комсостава».

Ещё более серьёзные события произошли вскоре в Ивановской области. Нерегулярная выдача продуктов по пайкам, низкие заработки из-за простоев технически отсталых и не обеспеченных сырьём фабрик – характерные черты быта рабочих посёлков. В начале 1932 г. в Вичуге, например, несколько месяцев не выдавали муку, а дети, получавшие 100 граммов хлеба в день, были переведены на 60-граммовый паёк. И в такой взрывоопасной ситуации произошло сокращение карточных норм. В некоторых городах, несмотря на предупредительные меры властей, рабочие забастовали и вышли на улицы. Демонстрации сопровождалась «эксцессами по отношению к местным органам власти». В ответ ивановские власти приняли энергичные меры, вплоть до арестов и прекращения железнодорожной связи с бунтующими районами.¹⁸²

Положение со снабжением городов продовольственными и промышленными товарами резко обострилось на рубеже 1930—1940-х гг. Это нашло отражение в письмах советских людей в адрес руководителей высших партийных и государственных органов. Вот несколько свидетельств того времени.

Из письма ученика 9 класса (станция Буда-Кошелевская Гомельской области) Б. И. Морозова заместителю председателя СНК А. И. Микояну:

«Что заставило меня писать это письмо? На этот вопрос я отвечу так – безобразие, которое творится в нашей стране. Ответ не очень-то приятный, но считаю его правильным. Дело в том. Когда не было крупы, я говорил маме, «крупа будет», когда не стало сахара я сказал маме – «сахар будет. Не должно быть, что бы в нашей стране не было сахара!» Дальше. Придя один раз из очереди за мануфактурой, мама начала обижаться, что нет мануфактуры, рассказывая как много было ее раньше. Я сказал, что мануфактуры нет, потому что наша страна переживает разруху, нанесенную ей империалистической и гражданской войнами. К тому же, и царская Россия была не очень-то развитой. В ответ на это она сказала: «Не развитая, да зато мануфактуры было сколько хочешь, а очереди даже не знали!» Я сослался на возросшую потребность, на широкого потребителя. Но сам подумал: «А и вправду в царской России индустрии совсем не было, сейчас мы ее построили. Текстильная ж промышленность была, а все-таки она не удовлетворяет нашего потребителя. Виной этому я считаю малое внимание ЦК ВКП (б) и СНК. Почему бы, например, не поставить текстильную промышленность наряду с черной металлургией и не заботиться о ее росте. Но это я здорово отвлекся.»

¹⁸¹ Осокина Е. А. Легенда о мешке с хлебом: кризис снабжения 1936/37 года. // Отечественная история. 1998, №2. С. 95.

¹⁸² Хлевнюк О. 30-е годы. Кризисы, реформы, насилие. С. 77.

Да, в конце разговора я сказал матери, что не дождемся мы и конца 2-й пятилетки, как будет у нас мануфактуры сколько хочешь. Но вот прошла 2-я пятилетка, началась третья, а мои предсказания не оправдались – мануфактуры не было и нет. Привезут ее иногда – народ давится. Почему ж нет рыбы, дык <так> я и сам не придумаю. Моря у нас есть и остались те же, какие были и прежде, но тогда ее было сколько хочешь и какой хочешь, а сейчас я даже представление потерял, какая она на вид. А между прочим японцу сдаем [моря] в аренду, чтобы он угнаивал рыбой свои поля. Наконец, куда девался хлеб? Кажется и собрали мы 6 млрд пудов зерна. Посчитаешь по 35 с лишним на каждого человека. Войны затяжной не было, а хлеба уже 2 месяца как нет. Или это безобразие творится только по Гомельской области, или по всей стране. А мы еще хотим построить коммунистическое общество, главным принципом которого будет «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям». Дальше, в газетах пишут, что во Франции, Англии, Германии буржуазия уводит <отменяет —?> карточную систему, которой недоволен пролетариат. А у нас в стране, где победил пролетариат, в стране, на полях которой проливали кровь наши отцы и матери, сейчас вводится настоящая карточная система – железнодорожники и станционные рабочие (грузчики и другие) выписывают (хлеб) из Гомеля (наверное для всего народа), получают его по карточкам (личностям), посылая ко всем чертям посторонних, педагогов, получают хлеб из своего буфета и пр. И кто им только давал право позорить страну! Мы еще хотим победить в грядущих боях, когда столкнутся две системы – капиталистическая и социалистическая. Нет, при таких порядках и при таких недостатках никогда нам не победить, никогда нам не построить коммунизм!»

Зюдинцев – В. М. Молотову:

«Начиная с Декабря 1939 года на нашем Лесозаводе №6 треста «Горьктранс» создались затруднения с продуктами питания, особенно с хлебом. Эти затруднения получились из-за недостаточного количества выпекаемого хлеба. В данное время:

1. Установлена выдача хлеба в цехах по спискам с нормой 500 гр. на едока и при этом остаются без хлеба ежедневно до 60 рабочих. Все это нарушает директивы о советской торговле и создает нездоровые настроения у рабочих. Получилась своеобразная, неоформленная карточная система. Такая продажа хлеба вызвана необходимостью, а именно:

а) Если продавать хлеб без списка в магазине по 2 кг в каждые руки, то число оставшихся без хлеба значительно увеличится, так как многие будут заходить и брать несколько раз.

б) Будут брать хлеб в большом количестве члены ближайших колхозов.

в) Образуются громадные очереди, так как, зная, что кто-то должен остаться без хлеба, каждый будет стремиться занять очередь раньше других.

2. В столовых предприятий отпускается только по 200 гр. хлеба, и то с обедом. А если рабочий берет чай, то хлеба не дают и при этом большинству рабочих не хватает хлеба к обеду. Те, которым не досталось хлеба, едят щи, а вместо хлеба берут кашу. Это также вызывает недовольство, доходящее до скандала, и вредно отражается на производстве. Например: 14 Января с. г. бригада рабочих с подачи сырья не имела возможность получить хлеб к обеду. Поднялась ругань и споры. В результате, которые рабочие остались без обеда, опоздали выйти с обеда на 15 минут, а завод простоял из-за неподачи сырья.

3. В течение месяца выпекается только ржаной хлеб, так как он дает больше припека. При недостатке сахара, круп, масла страдают от этого больше всего маленькие дети.

4. Продажа муки совершенно прекращена. Положение создалось тяжелое, требующее вмешательства вышестоящих Советских органов, т.к. все наши ходатайства перед областью не дали полного разрешения. В декабре даже была телеграмма за №17: «В виду отсутствия фондов муки выделить дополнительно не можем». Зам. пред. Облисполкома КУЗНЕЦОВ».

Районные организации не в состоянии помочь нам и, кроме того, отдельные работники района ориентируют на рынок, где мука бывает очень редко и то по очень высокой цене. Если же потребление переключится на рынок, то с увеличением спроса на муку, еще больше возрастет цена. Затруднение в хлебе вызвано тем, что наш рабочий поселок по отпуску фондов отнесен областью к сельской местности и установлен месячный фонд 50 тонн в месяц, тогда как по данным Райтрансторгпита потребность в среднем выражается 70 тонн в месяц. Эти 50 тонн муки расходуются на 5000 (работающих из них на нашем лесозаводе и Лесопристани «Гольши» 1700 человек), что, конечно, недостаточно для удовлетворения спроса на хлеб, т.к. из этих же 50 тонн муки идет на 2 детяслей, 2 школы, 2 родильных дома и также снабжаются местные предприятия, как мастерские Местпрома.

У меня зародилось сомнение в создании этих затруднений злой руки, направленной на создание недовольства. Несоветски настроенные элементы используют затруднения. Например, 15 января на общем собрании рабочих, работницы Тэппер и Калашникова, мужа которых сидят за контрреволюционную деятельность, заявляют: «Если так будут кормить, то не скоро из колхоза кинутся». (Речь шла о притоке рабочих на завод). «В 1939 г. не кормили так вот выполняли программу». «Если так будут кормить, то наработаем». «Хлеба вот не досталось, я теперь вешать ребят буду». «У меня приварок какой, одну картошку мелкую варю. Все хлеб на уме, а не выполнение», и т.д.»

Рабочий Алапаевского металлургического завода Свердловской области С. В. Ставров. – ЦК ВКП (б):

«С первой декады декабря 1939 г. мы хлеб покупаем в очередь, в которой приходится стоять почти 12 часов. Очередь занимают с 1 и 2-х часов ночи, а иногда и с вечера. Мы с женой оба работаем и имеем 3-х детей, старший учится. Часто по 2—3 дня не можем купить хлеба. Утром зайдем очередь, уйдем на работу, с работы зайдешь – очередь перевернули. Чаще бывает, когда пшеничный хлеб – никак не купить. Очередью руководят домохозяйки. Они первые покупают промтовары, продукты, а ржаной хлеб не берут, но пшеничный не пропустят. Так делают в рабочем городке. Хлеба забрасывают достаточно, но люди делают запас на случай войны и скот поддерживают. Муки в магазинах нет, а у колхозников пшеничная – 50 руб. пуд, ржаная – 35 руб. В январе был холод на 50 градусов. Приходишь с работы, вместо культурного отдыха в такой мороз идешь в очередь и, невольно вытекает вопрос – лучше иметь карточную систему, чем так колеть в очередь.

В нашем поселке им. Горького нет ни радио, ни электричества. На производстве нет спецодежды, а особенно, рукавиц. Работаем почти голоруком. Дают барахло, хватает на одну смену, и то редко. Отсутствие спецодежды администрация объясняет перегруженностью транспорта военным грузом. По-моему, свою неповоротливость прикрывают этим фактом...».¹⁸³

И так до бесконечности и все годы советской власти, действительно, «таких мелочей слишком много, а выполнения слишком мало». Советская власть боролась не с причинами всеобщей нехватки самых насущных товаров, не бросала все силы на их производство, а разгоняла очереди, запрещала занимать с вечера, устанавливала твердые цены, боролась со «спекуляцией», но товаров от этого больше не становилось.

В таких условиях ожидать всеобщего трудового энтузиазма не приходилось, как не приходилось ожидать массовых трудовых подвигов. Наоборот, падала трудовая дисциплина, снижалась производительность труда. Ответом было ужесточение трудового законодательства в конце 1930-х гг.

В 1938 г. усиливаются меры ответственности за нарушения трудовой дисциплины, в 1939 г. вводятся трудовые книжки (фактически запрет на свободную смену места работы).

¹⁸³ Кризис снабжения 1939—1941 гг. в письмах советских людей // Вопросы истории. 1996, №1. С. 5—10.

За опоздание на 20 минут стали увольнять с работы, чем многие воспользовались, чтобы сменить работу. Указом от 26 июня 1940 г. был установлен 8-часовой рабочий день при 7-дневной рабочей неделе, запрещён самовольный уход с предприятий и учреждений, который карался тюремным заключением на срок от 2 до 4 месяцев, прогул без уважительной причины – осуждением к исправительно-трудовым работам по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием 25% зарплаты. Рабочее время каждого работника увеличивалось в среднем на 33 часа в месяц. Осенью 1940 г. вводится порядок обязательного перераспределения – в зависимости от возникших потребностей – инженеров, техников, мастеров, служащих, квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений на другие.

За повышение качества продукции также боролись мерами уголовной ответственности. Указ от 10 июля 1940 г. приравнял к вредительству выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции, несоблюдение обязательных стандартов с соответствующими уголовными наказаниями.

Но толку было мало, террор на предприятиях привёл только к усилению напряжённости ситуации в трудовых коллективах, появлению руководителей-перестраховщиков, выросли внутрисменные простои, организация труда оставалась плохой. В результате в 1940 г. промышленность работала хуже, чем в первые годы пятилетки.¹⁸⁴

Применялось и моральное стимулирование: в 1938 г. были введены звание Героя Социалистического труда, медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие». Широко известно и стахановское движение 1930-х гг.

Но примечательно, что, как пишет Р. Майер, стахановцы были в основном выходцами из деревни, в большинстве своем малокультурные, с низким уровнем образования, как правило, недавно пришедшие на производство. Типичными для стахановцев были подсобные рабочие средней квалификации, но с развитой мускулатурой, нередко спортсмены. У многих отсутствовали до того обязательные для карьеры «пролетарское происхождение» и «заслуги в коммунистическом движении». Нередко это были представители маргинальных социальных слоёв, подвергшихся дискриминации («лишенцы»): бывшие середняки, члены кулацких семей, верующие, беспризорники, нарушители закона, представители национальных меньшинств, как правило, молодые. Подавляющее большинство стахановцев не состояло в коммунистической партии. Их политизированность не отличалась глубиной, а политическое сознание сводилось к страстной вере в Сталина как в вождя. С. Шварц в 1935 г. отметил своего рода социальную патологию стахановцев, выражавшуюся в нигилизме, эгоизме и агрессивности. Стахановское движение способствовало укреплению представлений о власти Сталина как о ниспосланной свыше. Стахановцы не считались с техинструкциями, призывали к сожжению ГОСТов и насмехались над мастерами, упрекая их в том, что они якобы молятся на правила, как на икону. Распространено было представление о том, что Стаханов, как и его наставник Сталин, располагает «сверхъестественными, не каждому доступными дарованиями», совершает чудеса, ощущает свою миссию «природного» вождя и приобретает авторитет, испытывая свои силы в жизни.

Когда «настали новые, стахановские времена», мечта о коммунизме получила новый мощный импульс. Был выдвинут постулат о том, что «стахановское движение – это прямой путь к изобилию, какое будет при коммунизме». Очень быстро стахановское движение стали объяснять с помощью мистифицирующих образов: «многие думают, что стахановцы – это люди каких-то сверхъестественных способностей. А. В. Душенков, стахановец-токарь... рассказывал, как некоторые представляют себе Стаханова в виде здоровеннейшего дяди, который искры из глаз мечет и с остервенением орудует молотом». Пользовалось популярностью обращение к традиции легендарных русских богатырей или представляли стаханов-

¹⁸⁴ Исторический опыт и перестройка. С. 119—123.

цев как «славных героев производительности труда», или как «та рать, та когорта людей, которая под руководством нашей партии развернула борьбу с теориями предела». Образы стахановцев начинают носить сакральный, чуть ли не религиозный, характер: «Так возник на нашей советской земле благородный род рыцарей священного труда». Трудовые успехи очень часто определялись эпитетом «чудесные», «чудо», «чудеса».¹⁸⁵

Но необходимо помнить, что с экономической стороны стахановское движение оказалось неэффективным и принесло больше вреда, чем пользы. Сами стахановцы вовсе не были бескорыстными «рыцарями труда», а получали значительное материальное вознаграждение за свои трудовые подвиги и являлись социальной опорой Сталина, его режима и его политики репрессий, кампании борьбы с вредительством, на которое сваливали все неудачи и провалы в промышленности.

Стремительный рост городского населения ещё более усилил негативные явления в городской жизни, привел к падению уровня городской культуры. Этому способствовало и ухудшение жилищных условий в городах. Если в 1926 г. на 1 городского жителя приходилось 8,3 кв. м жилплощади, то в 1940 г. – 6,3 кв. м.¹⁸⁶

Только за годы первой пятилетки городское население возросло на 44%, а жильё в городах почти не строилось. Хуже всего положение с жильём складывалось в районах новостроек, где рабочие в основном жили в землянках, времянках, бараках облегчённого типа – дощатых, земляных, саманных и т. д. Но и они были переполнены. Например, в Новокузнецке в 1932 г. на одного человека приходилось всего 1,27 кв. м, а без землянок и времянки – 0,44 кв. м. Это меньше площади могилы. В Кемерово в 1936 г. 76% всего жилого фонда составляли бараки, избы и землянки.¹⁸⁷

Большое число новых горожан жило в общежитиях, но условия в них были часто просто кошмарными. В 1937 г. в Ленинграде было 1700 ведомственных общежитий. Проведённая в феврале 1937 г. проверка показала, что «общежития не оборудованы в соответствии с минимальными требованиями, содержатся в антисанитарных условиях... В общежитии фабрики „Рабочий“ в помещении Александро-Невской лавры комната на 80 чел., нет вентиляции, нет мебели, больные живут вместе со здоровыми, стирка постельного белья не осуществляется. В общежитии мясокомбината на 46 чел. – 33 койки. На фабрике „Возрождение“ в общежитии живут в 30-метровой комнате 20 чел. на 14 койках... В общежитиях имеют место пьянство, драки, прививается нечистоплотность и некультурность».

Как пишет Н. Лебина, оторванные от семьи, лишённые нормальных бытовых условий, забот о жилище и семейных обязанностей, молодые люди в свободное время не знали, чем заняться. Это вело к росту числа правонарушений. Времяпрепровождение предоставленных самим себе юношей и девушек регулировалось законами стихийных коллективов, которые складывались в общежитиях. Молодые люди объединялись в группы, отличающиеся особой агрессивностью в стремлении завоевать себе место в жизни и пропитание, чего невозможно добиться в одиночку. Молодёжь толкала к объединению также потребность совместно преодолеть неопределённость социального положения. Такие стихийно возникающие группы обладают сплоченностью, ориентированы на собственные «внутренние» законы и легко усваивают стиль поведения криминальной среды.

В 1930-е гг. среди значительной части рабочей молодёжи распространяются хулиганская романтика, нормы воровской этики, блатные словечки, клички на блатной манер, что констатировало бюро ЦК ВЛКСМ в специальном постановлении от августа 1934 г.

¹⁸⁵ Майер Р. О чудесах и чудовищах. Стахановское движение и сталинизм // Отечественная история. 1993, №3. С. 61—62.

¹⁸⁶ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было?... С. 110.

¹⁸⁷ Иванов Ю. М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов. С. 38—39.

В первой половине 1930-х гг. быстро росло число правонарушений, совершаемых молодёжью, особенно случаев хулиганства. С 1928 по 1935 г. число задержанных преступников в возрасте до 18 лет увеличилось более чем в 4 раза, что намного превысило показатели начала 20-х гг. По словам Н. Лебиной, остановить волну преступности могло бы снижение темпов бесконтрольного разрастания численности рабочих в промышленности, прекращение насильственной коллективизации и поощрения миграции, отказ от установки на фетишизацию принципов социалистического общежития. Но это противоречило политике советского государства. И нарастание хулиганства сдерживали не просто репрессивными мерами, а приданием ему характера политического преступления.

Через органы печати в массы внедрялись идеи о хулиганстве как классово чуждом явлении. Человек, оскорбивший словом или делом не просто другого человека, а стахановца, привлекался не к уголовной ответственности за хулиганство, а за контрреволюционную агитацию и пропаганду. Драка с передовиком производства рассматривалась как террористический акт. С 1937 г. хулиганские дела стали проходить по ст. 58 УК РСФСР («контрреволюционные преступления»). Так известен случай, когда за нецензурное ругательство в адрес портрета Ленина, упавшего на него, юноша был исключён из комсомола и собрание рекомендовало: «Материалы надо передать в органы НКВД. Брань в адрес наших вождей и брань вообще – дело политическое».

С политической точки зрения особенно рассматривались хулиганские группировки. В Ленинграде в 1936—1937 гг. не возбудили ни одного дела по фактам группового хулиганства, большинство таких дел квалифицировалось как участие в контрреволюционной организации. Статистика уголовных преступлений улучшилась, но хулиганство только продолжало расти. В августе 1940 г. был принят даже специальный закон об усилении борьбы с хулиганством.

Политизация одного из самых распространённых городских преступлений, с одной стороны, свидетельствовала о неспособности государства справиться с ним нормальными правовыми и морально-агитационными способами, а с другой – не позволяла понять истинные причины развития хулиганства и наметить пути его преодоления.

Это в ещё большей степени проявилось в отношении советского государства к самоубийствам. В период революции и гражданской войны число самоубийств в Петрограде сильно снизилось в сравнении с мирным временем. Но в 1920-е гг. число самоубийств возрастает. В 1910 г. на 100 тыс. жителей приходилось 30,1 случаев самоубийств, в 1919 г. – 23,7, в 1923 г. – 32,6, в 1929 г. – 37,5, в 1930 г. – 30,4, в 1931 г. – 23,7, 1933 г. – 32,2, в 1934 г. – 26,8.

В 1920-е гг. самоубийства активно изучались психiatрами и юристами с целью установить взаимосвязи между возрастом, социальным происхождением, национальностью, состоянием здоровья и причинами, непосредственно побудившими к самоубийству. Но результаты исследований не учитывались в социальной практике. Наоборот, постепенно стала общепринятой точка зрения, отраженная в резолюции II психоневрологического съезда (1924 г.): «Та нервно-психическая атмосфера, которая создается в советской общественности, является лучшим предупреждением и лечебным средством для борьбы с нервно-психическими болезнями». Т.е. только социально неполноценные люди склонны к самоубийству. Выступая на XXII Ленинградской губернской конференции ВКП (б) в декабре 1925 г. Е. Ярославский говорил, что самоубийцами могут быть лишь личности «слабонервные, слабохарактерные, изверившиеся в мощь и силу партии».

Данные обследований, протоколы комсомольских собраний однозначно видели причины самоубийств в «упаднических настроениях», отрыве от коллектива и т. д. То есть внушалась мысль, что в советском обществе у трудящихся не может быть причин, побуждающих к самоубийству. Но по данным науки, существует тип личности, который независимо

от социального положения склонен, не выдерживая напряжения, избавляться от стрессовых ситуаций любым доступным способом (алкоголь, наркотики), вплоть до самоубийства.

До 1917 г. самоубийство в России считалось едва ли не уголовным преступлением: самоубийц запрещали хоронить по церковному обряду, их завещания признавались незаконными, за неудачную попытку покончить с собой могли посадить в тюрьму. При советской власти внешне более терпимо относились к самоубийствам. Но как любая система, подчёркивает Н. Лебина, сросшаяся с институтами идеологического воздействия, церковь это или её аналог в виде партийных органов, Советское государство не могло остаться безразличным к причинам, толкавшим людей на добровольную смерть, ибо стремилось управлять личностью во всех сферах: производственной, общественной, политической и даже интимной. Ведь самоубийство в определённой степени является свидетельством свободного выбора человеком своей судьбы. А это не устраивало советскую власть.

В 1930-е гг. о самоубийствах перестали писать, хотя государство продолжало внимательно следить за динамикой самоубийств. Политизация и этой проблемы проявлялась в том, что самоубийство коммуниста могло рассматриваться как косвенное признание своей вины перед партией, что могло сказаться на судьбе его родных и друзей.

Маргинализация, то есть появление побочных, люмпенских слоёв в населении городов в 1930-е гг., резко усилилась, что тоже явилось причиной роста самоубийств. Однако, как и в случае с хулиганством, советская власть предпочитала рассматривать самоубийства лишь с политической точки зрения, что мешало объективному выявлению причин этого явления.

С тех же идейно-политических позиций рассматривалась проституция, которая продолжала существовать и в 1930-е гг. Если в конце 1920-х гг. среди проституток преобладали крестьянки, то после введения в 1932 г. паспортов, затруднивших переселения из села в город, большинство составили представительницы рабочего класса. В 1934 г. среди проституток их было более 60%. Данные 1936 г. вообще свидетельствуют о резкой пролетаризации слоя проституток. Это были, как правило, работницы, имевшие определённую специальность: «Работница ударница завода „Краснознаменец“ пьянствует и занимается развратом», «Владимирова М. имеет четырёх детей, работает на ткацкой фабрике, водит к себе на квартиру мужчин» и т.д., и т.п. До революции проституцией занимались в основном женщины без профессии и не желавшие работать именно на фабрике. Владевшие конкретным ремеслом предпочитали зарабатывать себе на жизнь своим трудом.

Чётко прослеживается опасная тенденция роста среди проституток числа семейных женщин, особенно разведённых, последние к 1936 г. составляли почти половину проституток, стоявших на учёте в ленинградской милиции. Это говорит о непрочности советской семьи и её материальных трудностях. До революции ситуация была обратная: выход замуж нередко спасал женщину от панели.

Произошли изменения в формах проституции. Дома свиданий были запрещены, но и в 1930-е гг. имелись тайные притоны, уличная проституция была вытеснена с центральных районов и переместилась в рабочие кварталы. Проститутки стали более тесно связаны с преступным миром, в 1934 г. в Ленинграде 34% зарегистрированных проституток участвовало в преступлениях – кражах, ограблениях, обворовывании пьяных и т.д.

Если в 1920-е гг. советская власть ещё пыталась перевоспитывать проституток, использовала даже дореволюционный опыт, то в 1930-е гг. перешла на чисто репрессивные меры, только загнав проблему внутрь.

Серьёзной проблемой и в 1930-е гг. оставалось пьянство, но и с ним по существу не боролись, сведя алкоголизм к политическому преступлению.¹⁸⁸

¹⁸⁸ Лебина Н. Б. Теневые стороны жизни советского города 20 – 30-х годов. С. 34—41; Она же. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920—1930 годы, 1999.

Для крестьян первая пятилетка обернулась страшным голодом 1931—1933 гг. Фактически голод был организован государством, стремившимся загнать крестьян в колхозы и создать систему практически безвозмездного изъятия сельхозпродукции на нужды индустриализации.

В 1930—1934 гг. государственные заготовки зерна буквально опустошали колхозы. Их форсирование осуществлялось по решению Политбюро ЦК партии и постановлению СНК СССР от 14 января 1932 г. «О хлебозаготовках 1931—1932 гг.». В нём указывалось: «Обязать СНК союзных, автономных республик, краевые и областные исполнительные комитеты по выполнению установленного для них годового плана хлебозаготовок продолжать заготовки сверх плана». Впоследствии, когда в республиках, краях и областях, перевыполнивших план, разразился массовый голод, местные руководители были обвинены в перегибах. Некоторых уполномоченных по государственным заготовкам за насильственное изъятие зерна в колхозах исключили из партии и приговорили к принудительным работам.

Даже председатели колхозов жаловались Калинину на то, что хлебозаготовительные планы превышали валовые сборы общественных хозяйств, поэтому после выполнения заготовок они не только не распределяли хлеб по трудодням, но оставались без посевного и фуражного зерна. Признавая планы заготовок нереальными, районные власти тем не менее вынуждены были настаивать на их выполнении. Фактически колхозы загонялись в голод, и люди писали об этом в Москву.

Первое место по количеству жалоб занимала Центральная черноземная область (ЦЧО). Председатель колхоза «Новая сила» Данковского района сообщал, что валовой сбор гречихи у них составлял в среднем 26 пудов с га, а план заготовок на данную культуру был дан в 132 пуда. Вики собирали по 175 пудов с га, а сдавать должны были по 480 пудов. После заготовок от урожая хлеба в колхозе оставалось всего 740 пудов, а по картофелю государственный план превышал валовой сбор на 11 140 пудов.

За счёт зерна, изъятых из деревни, правительство СССР создавало государственные хлебные резервы. Зерно направляли на продажу за рубеж и пополняли государственный валютный фонд. В 1930—1932 гг. основной проблемой правительства стал поиск железнодорожных вагонов, речных и морских судов для транспортировки зерна (пшеницы, ячменя, кукурузы) за границу.

Массовый голод начался именно в районах вселения раскулаченных семей, но это не остановило руководство страны. «Правда» 6 января 1930 г. опубликовала постановление ЦК ВКП (б) о темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству, которое предостерегало парторганизации от опасности подмены социалистического соревнования по организации колхозов игрой в коллективизацию. Но одновременно издавались секретные постановления, в которых предписывались беспощадные меры при проведении сплошной коллективизации. 30 января того же года Политбюро ЦК утвердило секретное постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации».

Политбюро требовало немедленно отменить в отношении кулацких хозяйств действие закона об аренде земли, конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке сельхозпродукции, кормовые и семенные запасы. Планировалось всё это передать создававшимся колхозам, хотя они не были подготовлены к приёму конфискованного из-за отсутствия крупных укрытий для техники, тёплых помещений для скота, амбаров для большого количества зерна. Вследствие этого техника оказалась под снегом и дождем, значительная часть тяглогового и продуктивного скота погибла, зерно портилось и оказывалось непригодным для использования.

Снабжение городов также становилось напряжённым, в том числе из-за растущего населения. В письмах с мест сообщалось об этом, критиковалась проводившаяся политика.

В письме М. Ф. Бирштейна, отправленном 22 февраля 1930 г. Председателю СНК СССР Рыкову из Воронежа, ставился вопрос: «Что заставило вас отказаться от собственных убеждений в оценке государственного курса? Прямая дорога ваша и многих ваших единомышленников отразилась бы более благоприятно на положении страны, чем трусость и поворот назад... Население умирает. Голод привел его в смятение... Зачем же Правительство здоровую пищу – пшеницу, сахар и прочее отдает за границу и держит население на навозном корме? То, что выигрывается на продаже..., теряется на борьбе с эпидемиями, всем расстройством жизни».

Следующее письмо поступило Рыкову после осенних государственных заготовок. Колхозники из села Круглое Донского округа просили «...выслать бригаду, которая могла бы проверить тех работников, которые грабят крестьян. Этим товарищей нужно лишить звания коммуниста. Крестьяне-бедняки, которые боролись за советскую власть, ходят оборванные и голодные. Нет им жизни, которую обещал В. И. Ленин. В деревне враги, которые хотят подорвать СССР. Много деревень они подавят голодом. Дайте крестьянам помощь».

В том же году о недовольстве народа действиями руководства страны в центре и на местах сообщал правительству СССР участник Гражданской войны рабочий из Донбасса В. Кукулитский: «Мне наша свобода досталась трудно, поэтому считаю вправе вас предупредить. Видя везде развал из-за неумения нашей верхушки руководить работой, 75% рабочих уже не верит вам, потому что всюду только красивые слова, а на деле – голод. Рабочие поговаривают, что наша верхушка – все вредители, пора браться за оружие, так как за слова в тюрьму сажают, правды не говори. В 1923—1925 гг. были годы ленинские – восстановительные, гораздо лучше можно было жить, а сейчас – сталинские – хоть ложись, да помирай. Огромные очереди во всех магазинах так озлобляют жен, что они считают нас дураками за то, что так долго терпим тяжкие муки. Голод – не свой брат, и всякому терпению есть предел. В особенности террор ОГПУ разлагает окончательно желание трудиться. Надеюсь, моего письма так не оставите и приедете, поговорите с рабочими. Только не Рыковым, а представьтесь каким-нибудь небольшим человеком».

Копии жалоб такого рода секретариат СНК СССР секретной почтой направлял в ЦК ВКП (б) для сведения, а подлинники – ОГПУ для расследования и наказания авторов. Вскоре на место Рыкова был назначен Молотов. Вот что сообщил Молотову член ВКП (б), рабочий одного из московских заводов А. Сучков, просивший не разглашать его фамилию: «Мне во время отпуска пришлось побывать в двух областях. Там голодают хуже 1921 г., настроение масс – не в нашу пользу. В 1928—1930 гг. хлеб везде можно было купить и по низкой цене. 1 пуд хлеба стоил 1 руб., а теперь 1 пуд стоит 100 руб. Вы действительно сумели забрать у колхозов весь хлеб. Закрыли рынки и базары, чтобы никто ничего не продавал. Этим вы оставили целые области голодными. Люди едят павших лошадей. Снабжение рабочих в городах плохое. Дают по 6—15 кг муки на месяц. Больше ничего. Как хочешь, так и живи, и работай. Вы пишете, что в Советском Союзе хорошо жить, голода нет, нет принудительного труда. В СССР все есть: и голод, и холод, и принудительный труд. Не говоря уже о выселенцах, которых вы загнали в тайгу, держите в голоде и принуждаете работать. Теперь возьмите Москву. На производстве – протекционизм и жульничество. Особенно в отделе снабжения. В столовых есть совершенно нечего».

Повсеместно люди голодали, а государство усиленно наращивало запасы зерна и других видов продовольствия. Лишь осенью 1932 г., в разгар массового голода, поставки зерна колхозами несколько снизились, но на следующий год они вновь существенно возросли. Тенденция к росту сохранилась и в последующие 2 года. В 1934 и 1935 гг. этот показатель значительно превысил соответствующие данные 1913 г. По способу выкачивания хлеба из деревни сталинский режим доказал своё значительное превосходство над царским.

В 1931 г. урожай зерновых был хороший, но весь его забрали из колхозов по государственным заготовкам. В Воронежской, Курской, Орловской областях заготовители скупали у крестьян за бесценок картофель и капусту. Колхозники получили на трудодни хлеба совершенно недостаточно, чтобы дожить до нового урожая, а цены на хлеб и пшено на рынке были очень высокие – от 40 до 80 руб. за пуд.

Руководство страны вполне могло не допустить массового голода. Однако вместо того, чтобы минимально обеспечить людей хлебом, Политбюро ЦК партии готовило закон, по которому мера уголовного наказания за 5 и более колосков зерна, срезанных на колхозном поле, а равно за горсть зерна, взятого в карман во время уборки, обмолота, в амбаре или при перевозке на элеватор, доходила до расстрела.

Проект закона составил Сталин, направив затем его Калинин и Молотову. 7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». В нём рекомендовалось приравнять по своему значению грузы на железнодорожном и водном транспорте к имуществу государственному. Из деревни хлеб и другие продукты вывозились по железным дорогам и рекам, поэтому постановление обязывало применять репрессивные меры за хищения во время перевозки. За иные кражи устанавливалась высшая мера социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества. При смягчающих обстоятельствах расстрел заменялся лишением свободы на срок не менее 10 лет. К преступлениям такого рода не применялась амнистия. Такие же меры наказания вводились за хищения колхозного и кооперативного имущества. Накануне и во время массового голода многие колхозники с семьями покидали свои сёла. Выход из колхозов приравнивался к государственному преступлению. Тех, кто самовольно покидал колхозы, предлагалось наказывать лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с заключением в концентрационный лагерь.

В сентябре 1932 г. председатель Верховного суда СССР А. Винокуров и заместитель председателя ОГПУ И. Акулов подготовили подробную инструкцию по применению закона, которая допускала репрессии и в отношении преступлений, совершенных до его издания. Закон приобрёл обратную силу.

По неполным данным, только на территории Российской Федерации во время голода 1932—1933 гг. действию закона подверглось более 20 тыс. человек.

Действию закона 7 августа 1932 г. подверглось максимальное число людей в I квартале 1933 г. – в разгар массового голода. В начале 1934 г. голод пошёл на убыль. Репрессии государства обратились против классово-враждебных и деклассированных элементов: организаций и группировок из кулаков, социально-чуждых специалистов, троцкистов, правых и проч. В 1935 г. репрессии относительно 1934 г. усилились. Параллельно увеличивалось количество арестов и приговоров по статьям 116 и 162 уголовного кодекса СССР за хищение в незначительных размерах. В отчёте прокуратуры отмечалось, что в практике применения закона допускались явные перегибы, когда необоснованно жёстким наказаниям за мелкие хищения зерна, овощей, дров и пр. подвергались дети до 12 лет.

Осенью 1932 г. голод охватил не только сельскую местность, но и города. Москву наполнили нищие. Милиция на вокзалах разгоняла толпы крестьян в лаптях и рваных армяках. Женщины и дети металась в поисках хлеба, но хлеб продавался только по карточкам. Рабочие получали лишь по 2 фунта на трудоспособного, а семья оставалась полуголодная. Мысли и разговоры в городе были сосредоточены на такой роскоши, как картошка, огурцы и капуста. В Москве картофель стоил 50 коп. за штуку. В России не осталось таких мест, где бы ржаная мука продавалась дешевле 50 руб. за пуд.

В феврале 1933 г. голод усилился. В Пензе он достиг уровня февраля 1922 г. Местные власти практически не уделяли внимания вопросам обеспечения граждан продовольствием.

Имели место случаи смерти людей от недоедания. В магазинах по 10 дней не отоваривались хлебные карточки. На колхозных рынках после постановления правительства о свободной продаже хлеба цена за 1 пуд муки возросла с 50 до 150 руб. Судя по сообщениям с мест, населению было известно, что государство располагает запасами продовольствия, но не помогает голодавшим. Горожане предупреждали руководство: если не будут приняты меры по улучшению снабжения, в Пензе произойдет народное восстание.

Люди, побывавшие в районах, охваченных голодом, сообщали руководству страны о тяжёлом положении с питанием. Рабочий Московского завода «АМО» им. Сталина И. Конопатчиков во время отпуска посетил Новороссийск. Увиденное там он описал в письме Молотову: «В городе, если можно так выразиться, полнейший голод напоминает 1922 г., когда мы переживали разруху после войны. Никак не мыслимо видеть такое явление в период расцвета и роста. Я наблюдал такой случай. В порту на иностранном пароходе проходила погрузка макухи (жмыха) ... Когда вскрыли амбары, то рабочие кинулись её есть. В это время с парохода стали их фотографировать... Если писать обо всех безобразиях, то вам надоест читать. Я как комсомолец и гражданин считаю, что такое явление в корне недопустимо, что тут есть вредительство... Думаю, что рабочее правительство не допустит вымирания жителей до 100 человек в день». Заведующий секретариатом председателя СНК СССР направил копию письма рабочего-комсомольца в ОГПУ Г. Г. Ягоде, для ознакомления.

Голод 1922—1933 гг. являлся государственной тайной. О нём не упоминалось даже в секретных прошениях с мест о помощи районам, испытывавшим затруднения с хлебом. Ранней весной 1933 г., когда голод обострился до крайней степени, центр страны был оцеплен контрольными постами частей ОГПУ, милиции и Красной армии, в обязанность которых входило не пропустить беженцев из голодных районов Юга России, Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири.

Массовый голод достиг наивысшей интенсивности с конца 1932 по июль 1933 г. (включительно). Он охватил густонаселённые территории Центрального Черноземья (Воронежскую, Курскую и Орловскую области), Средней и Нижней Волги, Северного Кавказа (Ростовскую обл., Кубань и Ставрополье), Юг Урала и Западную Сибирь. Всего голодало около 50% населения России. Потери от голода составили около 3 млн человек.

Голод 1932—1933 гг. отличался от предыдущего тем, что от него больше всего пострадали сельские жители. Судя по данным переписи населения СССР, в 1937 г. по сравнению с 1926 г., вследствие раскулачивания, коллективизации и вызванного ими голода, произошло сокращение числа жителей Калининской, Курской, Куйбышевской, Саратовской областей и Автономной республики немцев Поволжья.

Усилилась миграция крестьян в города. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., опубликованной ЦСУ Госплана СССР в начале 1941 г. для секретного пользования, видно, что в 1930-е гг. наблюдался необычайно высокий рост численности городских жителей. В РСФСР люди переселялись в основном из сельских центральных регионов на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток.

В те же годы городское население наиболее индустриально развитых Московской и Ленинградской областей возросло за счёт мигрантов почти в 2 раза, стало в 2—3 раза превышать сельское. Подобное происходило в Свердловской, Новосибирской, Горьковской, Ростовской, Молотовской, Челябинской областях, в Приморском и Хабаровском краях.¹⁸⁹

Колхозники почти не получали платы за свой труд. В 1940 г. даже лучшие из колхозников получали по 5 руб. в месяц, а с натуроплатой – 10 руб. Доход от подсобного хозяйства из-за натуральных и денежных налогов был лишь на 20—30% больше, чем от трудовой.¹⁹⁰

¹⁸⁹ Зима В. Ф. Голод 1932—1933 годов в письмах трудящихся России // Отечественная история. 2006, №2. С. 47—54.

¹⁹⁰ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? С. 101—102.

Кроме того, колхозники несли массу повинностей в пользу государства.

Отработочная повинность формировалась вместе со становлением колхозного строя и окончательно сложилась к концу 1930-х гг. Она представляла собой обязательный труд в общественном хозяйстве артели, на лесозаготовках и торфоразработках, строительстве и ремонте дорог, а также в некоторых других отраслях, где требовалось сезонное увеличение числа рабочих рук (в лесохимии, на рыбопромыслах, в кирпичной промышленности и др.). Хотя Примерный устав сельхозартели уже в 1935 г. устанавливал взыскания, вплоть до исключения из колхоза, для тех членов, кто не вышел без уважительных причин на работу, юридически эта форма повинности была закреплена в 1939 г. Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. для всех трудоспособных колхозников – женщин от 16 до 55 лет и мужчин от 16 до 60 лет – определялся обязательный годовой минимум трудодней – от 60 до 100 в различных районах страны. В 1942 г. он был повышен до 100—150 трудодней специальным постановлением СНК ССР и ЦК ВКП (б). В нём же была установлена обязательная выработка трудодней по периодам сельхозработ для взрослых колхозников и зафиксирован обязательный минимум трудодней (50 в течение года) для подростков – членов семей колхозников.

Участие в лесозаготовках становится обязательным для крестьян с конца 1920-х гг. и оформляется в виде регламентируемой трудгужповинности в 1941 г. К лесозаготовкам привлекались колхозники: мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет. Распределение людей начиналось со спускаемого правительством сезонного плана лесозаготовок по различным ведомствам.

В 1934 г. на лесозаготовках впервые были введены единые нормы: выработка 110 дневных норм за сезон для «пеших» рабочих и 100 – для возчиков с лошадьми. Эта работа была платной. До 1938 г. труд колхозников оценивался значительно ниже, чем кадровых лесозаготовителей, которым начислялись процентные надбавки за стаж, на питание, а позднее были введены единые надбавки к основной плате от 10 до 80 руб. в месяц. Из заработка колхозников-возчиков делались вычеты в пользу колхозов на содержание лошадей, ремонт саней и сбруи, доходившие до 50% от зарплаты. Такой порядок был изменён в 1938 г., когда всем привлеченным к трудгужповинности, включая колхозников, стала выплачиваться как основная заработная плата, так и сезонная, прогрессивная с начислением премий-надбавок.

Отработочная повинность в торфодобывающей промышленности также формировалась с конца 1920-х гг. К ней привлекались трудоспособные колхозники-мужчины от 16 до 55 лет и до 1950 г. женщины от 16 до 45 лет.

Дорожная повинность являлась одной из древнейших в России. Она была возобновлена советской властью в годы «военного коммунизма», существовала в 1920-е гг., на 1930-е гг. приходится её становление как системы: вырабатываются нормы и формы её исполнения. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 3 марта 1936 г., трудоспособные колхозники-мужчины от 18 до 45 лет и женщины от 18 до 40 лет должны были ежегодно бесплатно отработать 6 дней на дороге в радиусе 15 км от селения, а единоличники – не менее 12 дней. На тот же срок жители деревень обязаны были предоставить тягловую силу, гужевого транспорт, инструменты и инвентарь. Постановление рекомендовало создать в каждом колхозе постоянную дорожную бригаду, труд которой засчитывался бы в общий план участия в этом строительстве всех членов данного колхоза. Отменена эта повинность была лишь в 1958 г., хотя в течение нескольких последующих лет привлечение колхозников к такому виду работ сохранялось.

Натурально-продуктовые повинности были введены в 1932—1933 гг. в форме обязательных поставок государству отдельных, а в 1939—1941 гг. почти всех основных продуктов, производимых в личном приусадебном хозяйстве (зерно, рис, картофель, мясо, молоко, шерсть, кожевенное сырьё, яйца, сыр-брынза, табак и махорка). Первоначально, в 1933 г.,

такие сборы с колхозников устанавливались на 5% ниже нормы единоличников и на 5% выше нормы колхозов. Но уже в 1934 г. их размеры были приведены к нормам единоличных хозяйств соответствующего района. С 1940 г. в стране был введён погектарный принцип исчисления обязательных поставок колхозов. Частично он распространялся на крестьянские дворы (по кожевенному сырью с 1940 г., по яйцам – с 1941 г., по зерну – на единоличные хозяйства с 1940 г.).

Величина этих обязательств неоднократно возрастала. Так, в 1940 г. дворы колхозников в зависимости от зон страны обязаны были сдать от 32 до 45 кг мяса (единоличные – от 64 до 90 кг), 200—1100 г. шерсти с каждой овцы и 130—200 г. с каждой козы (единоличные – 500—1400 и 150—220), картофеля – от 2 до 20 ц с га запланированного посева (единоличные – от 3 до 25 ц), шкур овец и коз – 0,5—2 шт. (единоличные – 1—3 шт.). Кроме того, в обязательном порядке сдавались все шкуры крупного рогатого скота, получаемые при убое или падеже от незаразных заболеваний.

Денежные повинности состояли из нескольких государственных и местных налогов и государственных займов, других платежей. К первому типу в 1930—1960 гг. относились сельскохозяйственный налог (введён в 1923 г.), налог на лошадей единоличных хозяйств (с 1938 г.), а также общие сборы со всего населения страны: с холостяков, одиноких и малосемейных граждан (с 1941 г.), рыболовный и билетный (разрешавший ловлю рыбы). С 1942 по 1946 г. всё население СССР привлекалось к уплате военного налога. В пользу местных властей в разные периоды собирались средства на нужды жилищного и культурно-бытового строительства (превратились в постоянно действующий платёж с 1933 г. и действовали до 1943 г.).

По принятому в 1942 г. Указу о местных налогах и сборах сельское население привлекалось к уплате земельной ренты, налога со строений, с владельцев транспортных средств (вплоть до велосипедов), владельцев скота, разового сбора на колхозных рынках. Кроме того, деревенские жители уплачивали налог со зрелищ, в том числе на киноустановки. Почти каждая семья в сельской местности с конца 1930-х гг. выполняла так называемое самообложение, которое объявлялось добровольным.

Сельскохозяйственный налог в денежной форме был введен еще в 1923 г. Им облагались все доходы личного хозяйства колхозников и единоличников. В 1939 г. его твёрдые ставки были заменены прогрессивными, неоднократно повышавшимися и зависевшими от размера дохода с приусадебного земельного участка, с коровы, мелкого скота, земледельческих заработков.

Наиболее крупным был военный налог. В его основе лежал принцип подушного обложения. Сельское население уплачивало его по твёрдым ставкам, дифференцированным по областям и даже отдельным селениям в зависимости от среднего дохода ЛПХ в данной местности.

Государственные займы представляли собой привлечение денежных или натуральных средств населения с обязательством их возврата государством по истечении определённого срока. Впервые они были проведены в 1922—1923 гг. и имели натуральную форму. В конце 1922 г. и начале 1924 г. были выпущены первые денежные государственные выигрышные займы, превратившиеся с 1927 г. в ежегодные, причём размер их постоянно возрастал. Так, если заём 1936 г. составлял по СССР 4832 млн. руб., то заём 1940 г. – уже более 9 млрд. руб.¹⁹¹

И ещё свидетельства людей той эпохи. А. Е. Кирпичников – Председателю ЦИК тов. Калинину, 19 апреля 1937 г. из Черемховского района Восточно-Сибирской области:

«Тов. Калинин и тов. Сталин.

¹⁹¹ Безнин М. А., Димони Т. М. Повинности российских колхозников в 1930—1960-е годы // Отечественная история. 2002, №2. С. 97—100 и др.

Вы умнейшие вожди нашего правительства и политики советской власти, но, вероятно, и Вы глубоко ошибаетесь. На сегодняшний день мы признаем, что колхозы и колхозники становятся зажиточными, жить стало весело, радостно. Насколько это верно, если выяснить, так ли это на самом деле в жизни колхозной деревни.

Дорогие вожди, Вы видите очень слепо, Вы только слышите на разных всякого рода съездах, совещаниях какое-то количество во всем довольных людей в лице делегатов, а также вся наша пресса втирает Вам очки о колхозной деревне. Фактически в колхозах наблюдается во всем печальная картина, особенно если сравнить с годами нэпа, т.е. с единичной жизнью крестьянства с 1925 по 1930 г., когда с появлением всяких сельскохозяйственных машин сельское хозяйство заметно росло и обогащалось. Люди интересовались жить и работать в крестьянстве, и не нужно было никакого начальство (как теперь имеется масса неработающих, как-то: председатели, счетоводы, бригадиры и проч.). Строилась тогда деревня, каждая деревня, хутор, заимка были полны лошадей, скота, птицы, заваливали город всякой сельскохозяйственной продукцией. На рынке для рабочего все было дешево. Действительно тогда становились все зажиточными, довольными и посредством батрачковых не допускалась и изживалась частная собственность.

А теперь много отзывов слышно о жизни того периода даже от преданных политике партии людей. С 1930 г. коллективизацией все богатство провалилось, как сквозь землю. Теперь наблюдается в колхозной деревне совсем обратная картина – застыла стройка, особенно собственность колхозников. Только можно на картине увидеть, что, дескать, всё строится общее, дома, общежития, бани и проч. Строится ли это в самом деле? Люди работают словно принудительно, большинство уходит из колхозов в город, совершенно не интересуются жить в колхозе, обзаводиться семейной жизнью и терпеть нужду. В такой жизни многие интересуются работать только на себя, т.е. не иметь детей. Уходят люди в город на производство – дескать, там порядки лучше.

Взять к примеру, лучшее доказательство: красноармеец, отслуживши срок службы в РККА, очень редко прививается к колхозу, а большинство разузнают, чем в колхозе пахнет, и сматываются на производство в город.

Много колхозов, вернее колхозников живут полуголодными и голодными, оборванными, очень жалко питаются (хлеб да картошка), мяса не видят, так как вырастить лишнюю скотину, прокормить ее очень трудно. Трудно живет колхозникам (рядовым), имеющим 5—6 детей. Такое положение наблюдается во множестве колхозов нашей Восточно-Сибирской области и, в частности, по нашему Черемховскому району.

По своему письму я не могу дать заключение, но предлагаю проверить в колхозах хотя бы нашей области или района.

Верно ли я описал и выразил свое мнение по всему наблюдающемуся положению настоящей колхозной деревни. Особенно от колхозников слышно, что теперь не только что-либо построить или хотя бы покрыть избу, сарай, остальное все гниет и разрушается, сжигается на дрова, так как лошадей не хватает (привезти из лесу дров). С каждым годом идет не к лучшему, а к худшему. На трудодни с каждым годом достается все меньше и меньше».

«Дорогому т. Михаилу Ивановичу Калинину.

Сообщаем, что мы, колхозники колхоза им. т. Блюхера, Ново-Николаевского района, Сталинградского края, Красностановского с/совета, 8.IV выехали на поле сеять пшеницу, все колхозники вышли сознательно на работу, и хотели мы работать: вовремя посеять и вовремя с поля урожай убрать, но только, дорогой М.И., одно нас мучает, и я открыто Вам пишу, что мы гибнем от голода, у нас совершенно хлеба нет. Мы получили на трудодень за первое полугодие по 500 грамм, и больше мы не получали, и в ларьках то же самое нет, а если привезут изредка, но он дорогой – 2 р. 80 к., и нашему колхозу район все время обещал продсуду, и в конце концов и этого нет. Дорогой Михаил Иванович, передайте мое письмо

своим близким товарищам, потому что я написал всю правду Вам, что мы гибнем с голоду. С нас райпотреб за центнер отрубей берет 65 р., и это все не хватает».

Резолюция М. И. Калинина: «В архив».¹⁹²

Об уровне жизни, характере питания основной массы населения СССР даёт представление таблица 17.

Таблица 17. Потребление продуктов питания на душу населения в год, кг¹⁹³

-- 1913 -- 1940 -- 1950

--- колхозники -- рабочие

Молоко -- 154 -- 90 -- 140 -- 172

Мясо (включая

птицу и

субпродукты) -- 29 -- 15 -- 20 -- 26

Сахар -- 8 -- 5 -- 15 -- 12

Картофель -- 114 -- 80 -- 140 -- 241

Хлебопродукты -- 200 -- 200 -- 210 -- 172

Обобщённые данные о питании колхозников и рабочих в 1930-е гг. в сравнении с 1920-ми гг. на основе бюджетных обследований, проводившихся Центральным управлением народно-хозяйственного учёта (ЦУНХУ) при Госплане СССР, даёт С. А. Нефедов.

По этим данным, колхозники в конце 1930-х годов питались существенно хуже, чем крестьяне в период нэпа. Общая калорийность питания уменьшилась на 14%, причём это произошло в основном за счёт падения потребления продуктов животного происхождения. Потребление мяса уменьшилось на 24%, потребление молока -- на 28%; коровье масло стало деликатесом, его потребление снизилось в три раза, а потребление рыбы -- даже в пять раз. Потребление хлебных продуктов уменьшилось на 10%, причём особенно сильно -- в феврале 1937 года. 1924--1927 гг. по погодным условиям были относительно благополучными, но на 1930-е годы приходится несколько засух, одна из которых выпала на 1936 г. Последствием этой тяжелой засухи был резкий продовольственный дефицит весны 1937 г.; в феврале этого года душевое потребление упало до 2373 килокалорий. Если учесть, что рекомендованная Всемирной организацией здравоохранения минимальная норма среднечеловеческого потребления продовольствия составляет 2300--2400 ккал на человека в день, то получается, что в 1937 г. потребление упало до голодного минимума. Но в среднем для 1937--1940 гг. положение было существенно лучше и уровень потребления в 1546 ккал на душу был выше минимальной нормы.

Калорийность питания рабочих семей увеличилась на 5%. Это произошло за счёт увеличения потребления хлебных продуктов (на 11%) и картофеля (на 13%). В то же время потребление мяса уменьшилось на 30%, потребление молока -- вдвое. Качество питания ухудшилось: если в период нэпа калории животного происхождения давали 21% общего количества калорий, то в конце 1930-х годов -- только 15%.

Таким образом, в качественном отношении питание крестьян и рабочих в конце 1930-х годов было значительно хуже, чем при нэпе. В количественном отношении потребление крестьян уменьшилось, а потребление рабочих немного возросло. При этом, если в 1920-е годы пища крестьян была калорийнее, чем пища рабочих, то в 1930-х годах наблюдалась обратная картина.

В сравнении с другими странами потребление в СССР оставалось на низком уровне.

При этом в 1927--1937 гг. потребление в США уменьшилось с 3460 до 3200 ккал/день. Потребление в Германии до калорийности в этот период осталось примерно на том же

¹⁹² Письма из деревни. Год 1937-й // Коммунист. 1990, №1. С. 98--99.

¹⁹³ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? С. 105, см. также с. 106--108.

уровне, но ухудшилось в качественном отношении: потребление мяса уменьшилось на 17%, молока – на 21%.¹⁹⁴

О тяжести материальных лишений, катастрофичности последствий раскулачивания крестьянства, массовых репрессий 1930-х гг. говорят демографические данные этого времени. За 10 лет ожидаемая продолжительность жизни к 1938—1939 гг. выросла на 3 года – с 44 лет до 47. За 20 последующих лет (включая Великую Отечественную войну и разруху после неё) – на 22 года.¹⁹⁵

Потери в населении в 1930-е гг. были столь сильны, что Советское государство прибегло к прямой фальсификации численности населения страны. Перепись 1926 г. показала общую численность населения в 147 млн человек. Сталин на XVI съезде ВКП (б) в 1930 г. заявил о ежегодном приросте населения на 3 млн человек, а на XVII съезде (1934 г.) – о 168 млн жителей СССР в конце 1933 г. Но перепись населения, проведённая 6 января 1937 г., показала численность населения СССР в 162 млн человек.¹⁹⁶ Результаты переписи были объявлены неверными и спрятаны в архивы, её руководители репрессированы, а в 1939 г. проведена новая перепись, давшая нужные цифры. И до сих пор неизвестны ни численность населения СССР в 1930-е гг., ни показатели рождаемости и смертности.

Описание народных бедствий в годы индустриализации можно продолжать до бесконечности. Здесь нарисована далеко не полная картина. Но и так понятно, какой ценой дались народу успехи индустриализации и коллективизации. А были ещё репрессии, затронувшие все слои населения, но особенно рабочих и сельских жителей.

¹⁹⁴ Нефедов С. А. Продовольственное потребление советских трудящихся в 1930-е гг. // Вопросы истории. 2012, №12. С. 74—76.

¹⁹⁵ Там же. С. 113—114.

¹⁹⁶ Араловец Н. А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995, №1. С. 135.

4.4. Народ и государство во время Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны советские люди проявили истинный героизм, гражданскую сознательность не только на фронте, но и в тылу. Большинство людей оказались выше «классовых обид», высшая цель – дать отпор врагу, изгнать его с родной земли подчинила себе все остальные. В тылу работали едва ли не сутками, миллионы людей ехали туда и работали там, где требовали интересы Отчизны. Создавались комсомольско-молодёжные бригады, получившие название «фронтовых», заводская жизнь была пронизана духом взаимовыручки, взаимодействия.¹⁹⁷

Но как проявило себя Советское государство? Больше 10 лет Советское правительство целенаправленно готовилось к войне, обрекая народ на страдания. Но вот началась война и государство в очередной раз не справилось со своими обязательствами. Трудности со снабжением населения продовольствием и другими товарами появились уже осенью 1941 г. даже в Москве, коммерческая торговля неофициально была прекращена полностью, за получением карточных норм нужно было стоять в огромных очередях.¹⁹⁸ Уже в первую военную зиму в не блокадном Архангельске умерло от голода и болезней 20 тыс. человек.¹⁹⁹

Возникновение продовольственных трудностей уже в первые месяцы войны даже в Москве свидетельствует о том, что государству не удалось создать стратегических резервов продовольствия на случай войны, хотя и коллективизация, и высокие нормы изъятия сельхозпродукции по госпоставкам из колхозов, совхозов и подсобных хозяйств колхозников оправдывались необходимостью подготовки к войне. Не справилось государство и с организацией производства во время войны и распределением того количества продовольствия, которое имелось в его распоряжении.

Уже 1 сентября 1941 г. были введены карточки на хлеб и сахар в Москве и Ленинграде, с ноября этого года карточная система стала всеобщей, но только в городах, на селе гарантированного снабжения не было вообще, а выметалось почти всё подчистую.

Карточная система делила всё население на 4 группы: рабочие и инженерно-технические работники; служащие; иждивенцы; дети до 12 лет; первые две группы делились ещё на две категории в зависимости от значимости предприятий. Рабочим 1-й категории полагалось 800 грамм хлеба в день, 2-й категории – 600, детям и иждивенцам – по 400. 1-й категории 1-й группы полагалось 2 кг мяса, 1,5 кг круп и макаронных изделий. Остальным гораздо меньше.

Но это всё на бумаге, часто одни продукты заменялись другими, мясо субпродуктами и прочими отходами, редко удавалось отовариться полностью. С осени 1942 г. нормы на хлеб были снижены на 100—200 грамм. Нередко продовольствие использовалось как для стимулирования труда, так и в качестве наказания (уменьшение выдачи) за невыполнение норм, опоздания и прочие нарушения.

Для руководящего состава были свои литерные карточки А и Б. По литере А полагалось ежемесячно 6 кг мяса и рыбы, 800 грамм жиров, 600 грамм сахара, 1,5 кг круп, 6 кг хлеба дополнительно к общей норме, 15 штук яиц. Нормы карточки литеры Б были несколько меньше.

¹⁹⁷ Исторический опыт и перестройка. С. 135, 144—145.

¹⁹⁸ Горин М. М. Будни осажденной столицы: жизнь и настроения москвичей (1941—1942 гг.) // Отечественная история. 1996, №3. С. 6—7.

¹⁹⁹ Супрун М. Н. Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы второй мировой войны // Отечественная история. 1996, №3. С. 47.

Работавшие на предприятиях имели возможность питаться в закрытых столовых. Некоторые названия блюд из меню заводской столовой в Новосибирске: щи только из воды с капустой, суп из вермишели или галушек, заваруха (болтушка из крупы и муки), «голубая ночь» – суп из свекольной ботвы, «осень» – вода с горохом, «карие глазки» – уха из головок воблы.

А вот что полагалось на обед и в качестве сухого пайка в спецстоловых: в месяц на человека 9,5 кг мяса и рыбы, 2,5 кг масла и других жиров, 5 кг крупы и макарон, 3 кг сахара, 10 штук яиц, картофель и овощи. Дополнительно: мыло, чай, табак (500 штук папирос) и 3 бутылки водки. Всё это за деньги, но очень дешево.

Для гражданского населения в тылу одним из источников продовольствия был рынок, на котором цены не контролировались и были астрономическими. Так в Новосибирске на Ипподромском рынке при среднемесячной зарплате в 400 руб. 1 кг картофеля стоил 45 руб., 1 кг квашеной капусты – 40 руб., 1 кг говядины – 400, свинины – 500, сливочного масла – 850, литр водки – 1000 руб. Прозвевал натуральный обмен, за пару чулок давали килограмм мяса. (Данные доктора исторических наук С. С. Букина).

Спасали индивидуальные огороды, которые существовали повсеместно. В городах под огороды были заняты все свободные территории, в том числе в скверах и парках.

Основой рациона питания были картофель, капуста, свекла, дикорастущие растения, выращиваемые и собираемые людьми самостоятельно. Самозаготовки составляли около половины потребляемого в тылу продовольствия.

В годы войны сократился общий объём товарооборота, в основном за счёт уменьшения покупок селом. Уже во втором полугодии 1941 г. в сравнении с первым он снизился на 22% (на сопоставимой территории). Продажа товаров сельскому населению упала на 40%. В IV квартале 1941 г. по сравнению с IV кварталом 1940 г. она уменьшилась в 2,5 раза в связи с сокращением производства хлопчатобумажных тканей, обуви, водки. В 1942 г. государственный розничный товарооборот сократился в 2 раза по сравнению с 1941 г. В 1943 и 1944 гг. он поднялся, но в основном за счёт роста цен. Значительно снизились и поставки деревней сельхозпродуктов на колхозные рынки. В 1942 г. они сократились в 2,5—3 раза по сравнению с довоенным уровнем.²⁰⁰

Трудности продолжались и в дальнейшем, несмотря на славословия в адрес колхозного строя. И опять слово документам того времени.

«ГОКО – товарищу Сталину И. В., ГОКО – товарищу Молотову В. М., ЦК ВКП (б) – товарищу Маленкову Г. М., СНК СССР – товарищу Микояну А. И.

Управление делами НКВД Свердловской области сообщает следующие данные о продовольственном положении в области, полученные от местных органов:

С начала 1944 г. продовольственные затруднения в области несколько увеличились в связи с тем, что запланированное получение продовольственных товаров по централизованным фондам было удовлетворено не полностью.

В первом квартале с.г. область получила по централизованным фондам мяса и его заменителей 67% к плановой потребности, животного масла – 51,3%, рыботоваров – 37,8%, кондитерских изделий – 13,7%, сахара – 13, 5%.

В связи с этим по основным промышленным работам отоваривание продовольственных карточек по мясо-рыбной продукции колебалось от 45 до 70%, по жирам от 36 до 60%, по крупно-макаронным изделиям от 50 до 80%.

Значительно ухудшилось положение с завозом продуктов на городские рынки и с ценами на них. На рынках г. Свердловска подвоз картофеля в IV кв. 1943 г. составлял

²⁰⁰ Корнилов Г. Е. Колхозная торговля на Урале в условиях Великой Отечественной войны // Отечественная история. 1994, №2. С.187.

60 тыс. центнеров, в первом квартале 1944 г. – только 7 тыс. центнеров, подвоз животного масла соответственно 85 и 242 центнера, молока – 6400 и 3500 литров. Цены на картофель поднялись с 50 до 75 рублей, на мясо с 200 до 350 руб., на масло животное с 900 до 1000 рублей за килограмм.

Примерно такое же положение с завозом на рынки сельскохозяйственных продуктов и с ценами на них в Нижнем Тагиле, Ирбите, Каменск-Уральске и других основных городах области.

По неполным данным, полученным из 20 городских аппаратов НКВД, из числа обратившихся в городские и районные лечебные учреждения на 1-е апреля 1944 г. зарегистрировано было 22400 больных дистрофией. Это в абсолютном большинстве городское население и, главным образом, рабочие предприятий.

Только за март 1944 г. умерло от дистрофии: в Свердловске – 451 человек, в Н. Тагиле – 428 человек, в Серове – 112 человек.

95% убийств было совершено с целью завладения продовольственными карточками, незначительным количеством продуктов и вещей. 84% убийц составляли малоквалифицированные рабочие, а также служащие, колхозники и единоличники, ранее не судимые и не имевшие связи с преступной средой.

Нарком внутренних дел Союза ССР Л. Берия. 21 апреля 1944 г.».

«Совершенно секретно. ГОКО – товарищу Сталину И. В., СНК СССР – товарищу Молотову В. М., ЦК ВКП (б) – товарищу Маленкову Г. М., Наркомзем СССР – товарищу Андрееву А. А., СНК СССР – товарищу Микояну А. И.

НКВД Татарской АССР сообщает следующие данные о продовольственном положении в республике, полученные от местных органов:

В Кзыл-Армейском районе более 200 хозяйств, главным образом семьи военнослужащих, находятся в особенно тяжком положении. Многие из них питаются только травой. Имели место случаи употребления в пищу падали.

В связи с продовольственными затруднениями в республике было два случая детоубийства и один случай самоубийства.

В ряде районов имеют место массовые кражи продуктов питания из погребов и овощей с огородов, вплоть до кражи листьев еще не поспевшей капусты. Значительное большинство краж совершается на почве продовольственных затруднений, в том числе членов семей фронтовиков.

Хищения вызывают озлобление у потерпевших, которое в ряде случаев принимает форму самосуда.

В колхозе «Комбайн» Аксубаевского района конюхами Нурутдиновым Исмагилом и Ганнатуллиным Велиазяном была похищена тёлка. Оба они были пойманы потерпевшими и избиты. Нурутдинов от понесённых побоев умер.

В деревне Калиновка, того же района, 12-летняя девочка Максимова Наташа была уличена в 7 мелких кражах продуктов питания. Потерпевшие – две многосемейные жены фронтовиков совместно водили по деревне, привязали камень на шею и подвели к реке топить, привязали к телеге и длительное время продержали на дожде, после чего посадили в погреб. НКВД Татарской АССР вскрыты факты использования не по назначению и разбазаривания фондов, выделенных СНК Татарской АССР районам республики, испытывающим продовольственные затруднения.

Народный Комиссар внутренних дел Союза ССР (Л. Берия)».

В аналогичной докладной записке Берии по Хабаровскому краю от 14 октября 1944 г. сообщается: «Низкий урожай 1943 г. сильно сказался на общем продовольственном положении в крае и особенно в основных промышленных городах – Хабаровске, Комсомольске и Биробиджане.

Общий контингент, состоящий на снабжении хлебом в этих городах, составляет 360486 человек, из них преобладающее большинство 111544 человек снабжаются хлебом по нормам 300 и 200 граммов в день...

Только за второй квартал текущего года торгующими организациями края было недодано для отоваривания карточек: рыбопродуктов – 53 тонны, мясопродуктов – 382 тонны, животных жиров – 195 тонн. Краевые организации систематически недодают ОРСам заводов такие продукты, как крупа, мясо и рыба, причем отпускаемые ОРСам продовольственные фонды даются не на весь контингент рабочих, а в зависимости от производственных планов предприятий. Благодаря этому ОРСы уменьшают нормы выдач продуктов столовым, ухудшая питание рабочих.

В городе Хабаровске на заводе им. Молотова НКБ отмечал случаи, когда отдельные рабочие падают в цехах в обморок от головокружения, болеют цингой. По заводу зарегистрировано значительное количество заболеваний на почве истощения.

На Хабаровском судостроительном заводе им. Кирова основным продуктом питания являются засоленные зеленые капустные или виноградные листья, иногда рыба низкого качества или 60 граммов пшена. Среди рабочих имеют место заболевания дистрофией и дизентерией.

В особенно тяжелых условиях находятся учителя начальных и средних школ гор. Хабаровска. Из 600 учителей к столовым прикреплено только 130—150 человек, остальные никаких продуктов питания, в том числе и пайков не получают. В городе нет ни одного специального магазина для учителей. Отмечаются факты заболеваний учителей от недоедания.

...В городе Комсомольске за 8 месяцев 1944 года с заводов №№126 и 199 дезертировало 559 человек. На других оборонных заводах города Комсомольска (Амурсталь, №364) основная масса рабочих, кроме общественного питания, никаких продуктов не получает. Питание в столовых низкого качества и некалорийное. Семьи рабочих столовыми не пользуются.

В 1944 году на улицах города подобрано значительное количество трупов, а также людей в тяжелом состоянии, которые, будучи доставленными в больницу, умирали.

В городе Благовещенске на судоремонтном заводе им. Ленина ежедневно не выходят на работу до 50 человек. В результате медицинского осмотра установлено, что более 20% рабочих завода имеют голодные обмороки.

По городу Биробиджану процент смертности детей (в 1944 г.) увеличился до 86,9%.

Анализ состояния уголовной преступности в крае показывает, что рост уголовных преступлений, особенно в первом полугодии 1944 года, является, главным образом, результатом плохих материальных условий. Наибольшее количество уголовных преступлений совершается рабочими крупных промышленных предприятий гг. Хабаровска и Комсомольска.

Из 606 человек, привлеченных к уголовной ответственности по гор. Комсомольску, 583 человека – рабочие оборонных заводов и других предприятий города. Из них 421 человек в прошлом судимости не имели.

Наряду с общим количеством уголовных преступлений, в крае увеличилось количество растрат и хищений, служебных злоупотреблений, а также количество уголовных преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Только по гор. Хабаровску в 1943 году и в первой половине 1944 года задержано 2717 беспризорных и безнадзорных детей». ²⁰¹

В целом за военные годы денежный оборот колхозного рынка вырос в 7 раз в сравнении с довоенным и в 1,7 раза превзошел государственный розничный оборот. В. П. Попов делает вывод: «Масштабы рыночной торговли были столь велики и всеобъемлющи, что целиком опровергали мнение о советской экономике, как основанной на „социалистиче-

²⁰¹ «Военный голод» // Родина. 1995, №11. С. 45—47.

ской системе хозяйства и социалистической собственности на орудия и средства производства“ (ст.4 Конституции СССР 1936 г.). Именно в ответственные исторические моменты социальная система и соответствующий ей экономический базис демонстрируют максимум возможностей. Из приведенных нами цифр видно, что не социалистический, а частный сектор вышел на первое место по обеспечению населения потребительскими товарами в годы войны. Войну выиграла не благодаря колхозам, а добывая пропитание с личных огородов. Государство мирилось с рынком как с неизбежным злом и делало это только потому, что война наглядно продемонстрировала правительству ненадежность общественных хозяйств как основного продовольственного базиса страны. Отсюда же – страх перед рынком, стремление быстрее обуздать его, что и проявилось в послевоенной политике государства во время проведения денежной реформы и последующего снижения цен».²⁰²

В 1941 г. на период войны была введена «временная ставка к сельхозналогу в размере 100% (отменена в 1942 г. в связи с введением военного налога). В 1943 г. установленные государством средние по стране нормы доходности сельского хозяйства, по которым исчислялся сельхозналог, были увеличены в 3—4 раза.²⁰³

Большим подспорьем были поставки продовольствия союзниками по ленд-лизу. О неспособности Советского государства полностью контролировать ситуацию говорит появление ленд-лизного продовольствия, предназначенного только для армии, в «закрытых магазинах» в тылу, на чёрном рынке, распродажа его в Иране, Польше, Финляндии.²⁰⁴

Тема жизни советских людей во время Великой Отечественной войны очень сложная, как ни удивительно, мало исследованная. В советский период её объективное и беспристрастное изучение было невозможно. Если советское руководство скрывало от народа истинные масштабы человеческих потерь, если не хоронили погибших, чтобы не так заметны были эти потери, то и об истинном положении со снабжением населения в годы войны советским людям знать не полагалось. Но знать надо и изучать надо, иначе невозможно оценить и понять вклад народа в Победу, как и коммунистического руководства.

²⁰² Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001, №3. С.70.

²⁰³ Безнин М. А., Димони Т. М. Повинности российских колхозников в 1930—1960-е годы // Отечественная история. 2002, №2. С. 99.

²⁰⁴ Супрун М. Н. Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы второй мировой войны. С. 48—49.

4.5. После войны

Война закончилась, но жизнь советских людей, особенно крестьян и рабочих, оставалась крайне тяжёлой.

Разрушения во время войны были колоссальными, они затронули и социальную сферу. Взять только проблему жилья. Вот только некоторые примеры из книги Е. Зубковой.

В сельских районах Смоленской области до войны было 288 555 домов, из них разрушенными оказались 130 000, в Псковской области из 107 092 домов разрушено было 76 090, в Орловской – из 240 000 домов пришло в негодность 100 590. В сентябре 1945 г., перед наступлением холодов многие крестьянские семьи, потерявшие свои дома, вынуждены были жить в землянках: в Смоленской области таких семей насчитывалось 14 930, в Псковской области – 18 594, в Орловской – 14 000.

Острой оставалась жилищная проблема и для горожан, особенно в областях, подвергшихся в годы войны оккупации и наиболее сильно пострадавших от военных действий. Спустя два года после окончания войны в городе Великие Луки, например, более 800 семей еще проживали в землянках, а городе Новгороде из 29 тыс. городского населения 9 тыс. ютились во временных бараках, подвалах, землянках. Положение с жильем в стране улучшалось крайне медленно. В качестве иллюстрации можно привести данные 1956 г., когда прошло 11 лет после окончания войны: специальной проверкой, проведённой в 85 городах, 13 рабочих посёлках и 144 сельских районах Брянской, Великолукской, Калининской, Калужской, Новгородской, Орловской, Псковской и других областях, подвергшихся во время войны оккупации или находившихся в прифронтовой зоне, было установлено, что 1844 семьи проживали в землянках и полуземлянках (из них 1440 семей в сельской местности), в развалинах зданий продолжали жить 1512 семей, в сырых и тёмных подвалах и полуподвалах – 3130 семей, в других непригодных для жилья помещениях (сараях, банях, кухнях, на чердаках, в железнодорожных вагонах и др.) – 32555 семей.

Эвакуированные после возвращения обнаруживали, что их квартиры заняты другими людьми: начинались конфликты, хождения по инстанциям, вплоть до Приёмной председателя Президиума Верховного Совета СССР. Всего за 1945 г. Приёмной было зарегистрировано 10 148 обращений граждан по жилищному вопросу, из них 45,2% составляли жалобы от прежних владельцев квартир, чье жильё оказалось занятым. В 1946 г. число письменных обращений по жилищным вопросам увеличилось до 13 340 и только в 1947 г. резко уменьшилось – до 4 875 обращений. Со второй половины 1946 г. снизилось и число заявлений на возвращение прежней жилплощади. Этот вопрос утратил свою актуальность, поскольку за прошедшее время установился некий статус-кво: либо прежним владельцам квартир удалось вернуть свое жильё, либо эти квартиры обрели новых хозяев, у которых, как правило, тоже были аргументы в пользу своих прав на данную «жилплощадь» (которая и в том, и в другом случае продолжала оставаться государственной). Это, конечно, не значит, что жилищный вопрос потерял остроту: он просто перешёл на рутинный уровень, превратился в бытовую проблему, пополнив реестр «временных трудностей».

Большие трудности были с одеждой и обувью. Преобладал серо-зелёный цвет: гимнастёрки, шинели и другая одежда, из перешитых гимнастёрок и шинелей. Люди в ватниках и видавших виды сапогах даже для столицы были нормальным явлением. Порванные башмаки немедленно превращались в почти неразрешимую проблему, а иногда и трагедию. Покупка отреза на платье или нового пальто для большинства людей была событием. Не хватало домашней утвари: кастрюль, чайников, ложек.

Промышленность начинала выпускать потребительские товары. Городские власти принимали меры по устройству жизни и быта горожан. Например, по решению пленума

московского городского комитета партии в июле 1945 г. целый ряд оборонных предприятий столицы получил специальное задание по выпуску ширпотреба для населения: газовых плит, металлических кроватей, радиоприёмников, радиол, мясорубок, детских велосипедов, разной посуды.

Вместе с тем потребительский рынок насыщался очень медленно, действовала система нормированного распределения товаров через предприятия (ОРСы) по ордерам, но и получить заветный ордер было нелегко. Не имея возможности решить свои проблемы на месте, люди обращались за помощью в самые высокие инстанции.

Е. Зубкова приводит пример бывшего фронтовика Алексея Тарасова из Москвы, написавшего в феврале 1946 г. письмо В. М. Молотову. Он рассказал свою историю:

«(...) В декабре 1945 г. я возвратился домой по демобилизации из рядов Красной Армии (...) Семейю застал в ужасном положении. Жена и трое моих детей проживали в умывальнике (8-метровой комнате с кафельным полом, с сырыми стенами и потолком). Ни у жены, ни у детей не было ни одежды, ни обуви. То, что я получил в качестве денежной компенсации – 3500 руб. – я немедленно израсходовал, чтобы купить какую-нибудь обувь и одежду детям и жене. Детей определили в детские ясли (а раньше им было не в чем туда ходить), старшая дочка стала учиться, жена стала работать. Но что я мог по коммерческой цене приобрести на 3500 рублей?! У жены до сих пор нет пальто, старшая дочка ходит в рваной юбочке (но в школе она пока сидит в пальто, т.е. не раздеваясь).

И вот я обратился за помощью в РВК [райвоенкомат]. Мне сказали: «Демобилизованные помощь получают по месту своей работы». Тогда я написал заявление в фабрично-заводской комитет, чтобы мне выдали ордер на приобретение жене пальто и дочери платья. Через месяц мне выдали ордер ...на дамские галоши. Это же просто издевка!

И вот вчера дочка получила билет в театр в честь 28-ой годовщины Красной Армии. И она пришла домой со слезами: «В чем я пойду в театр?! У меня нет ни платья, ни юбки». И я, офицер, должен был, чтобы скрыть от дочери свои слезы, уйти на весь вечер из дома. Настроение прескверное. Ведь я не прошу подаяния, не прошу никаких денежных пособий. Ведь я прошу, чтобы мне выдали ордер на приобретение промтоваров в государственном магазине за собственные деньги (...)

До войны я жил хорошо (как тогда жили хорошо все наши советские люди). Во время войны с оружием в руках защищал родину. Жена с детьми была эвакуирована из Москвы, четыре года скиталась с детьми среди чужих людей. Все, что у нее было, проела с детьми. Вернулась в Москву, как нищая. А здесь, в Москве из квартиры вынесли и продали всю нашу мебель, все оставшиеся вещи. Теперь я сплю на стульях, подстилая свою шинель. Ни от кого не добьешься толку, никто не хочет оказать помощь (...) О себе я не беспокоюсь. Но мне жалко семью, жалко детей. Неужели я не завоевал им право на жизнь?!»

Молотов тогда отдал распоряжение наркому торговли А. В. Любимову оказать помощь Тарасову и его семье. Пример сам по себе показательный: бытовые вопросы, казалось бы, мелочи, решались на самом высоком уровне. Если выделение демобилизованному ордеру на приобретение одежды потребовало договоренности заместителя председателя правительства с наркомом торговли, стоит ли удивляться, что обычный человек давно перевёл для себя эти проблемы из разряда мелочей в первоочередные.

Е. Зубкова подчёркивает, что в истории А. Тарасова экстраординарным является только одно – её благополучный исход. Таких писем в адрес вождей приходило тысячи, сотни из них брались на контроль (т.е. рассылались для проверки или исполнения) и лишь единицы удостоивались прямого ответа.²⁰⁵

²⁰⁵ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М. 1999. С. 55—58.

В 1947 г. цены в государственной и кооперативной торговле были в 20,1 раза выше, чем в 1928 г., затем снизились в результате денежной реформы и в 1950 г. превышали уровень цен 1928 г. в 11,9 раза.²⁰⁶

В качестве подготовки к отмене карточек 16 сентября 1946 г. были очень резко повышены пайковые цены. Например, для второго пояса, куда входили регионы Центральной части страны, включая Москву и Ленинград, и часть Сибири, устанавливались такие цены на ржаной хлеб: 3,5 руб. 40 коп. за кг вместо 1 руб. 10 коп., новые коммерческие – 8 руб. вместо 10; по мясу: новые пайковые – 30 руб. вместо 12; новые коммерческие – 80 руб. вместо 120. В связи с фактическим повышением цен рабочим и служащим, имеющим оклады не выше 900 руб. в месяц, пенсионерам и студентам установили надбавку от 60 до 110 руб. в месяц.²⁰⁷

СССР первой из воевавших стран отменил в 1947 г. карточки, в течение нескольких лет ежегодно снижались цены. Но средний уровень розничных цен после денежной реформы и отмены карточек в 1947 г. был тем не менее втрое выше, чем в 1940 г., а средняя заработная плата рабочих и служащих в 1950 г. превосходила довоенную менее чем вдвое. Снижения цен в 1948—1954-м гг. понизили общий уровень цен в 2,2 раза и, таким образом, не возвратили их к уровню 1940 г. Снижение цен 1948—1954 гг. сопровождалось изъятием у населения значительных сумм в виде государственных займов и ограничением роста зарплаты. Среднемесячная зарплата в 1950 г. равнялась 64 рублям, поэтому свободно продавались икра и крабы, но не хватало сахара и хлеба.²⁰⁸

Народ на это отреагировал анекдотом: «Из газетной хроники: „Найден труп. Никаких следов насилия, кроме двух облигаций госзайма, на нём не обнаружено“».²⁰⁹

Сильным ударом по населению, особенно сельскому, была денежная реформа 1947 г. Перед войной денежные остатки городского населения составляли 7,3 млрд руб., а сельского 7 млрд руб. В 1945 г. соответствующие суммы составляли уже 19,5 и 34,2 млрд руб. Это было результатом эмиссии в годы войны: с начала войны по январь 1946 г. было выпущено в обращение 55,4 млрд руб. (денежная масса увеличилась в 4 раза). После проведения обмена, по сведениям Госбанка, на руках у населения осталось около 4 млрд руб. Была проведена переоценка вкладов населения, уменьшившая общую сумму всех вкладов на 3,6 млрд руб., которые составили чистый доход казны. Но в последующие годы правительство было вынуждено проводить значительную эмиссию, так как изъятие денег у населения привело к резкому сокращению розничного товарооборота, необходимо было также восполнить необходимые размеры переходящих остатков денежных сбережений населения, а также в кассах предприятий и организаций. Для изъятия денег из оборота активно использовались разные методы, в том числе увеличение производства и продажи водки. За 1947—1949 гг. производство водки в СССР увеличилось с 41,4 до 60,0 декалитров, а цена 0,5 л водки снизилась с 60 до 30 руб. «Водочный» вопрос рассматривался на Политбюро ВКП (б) в мае 1949 г.²¹⁰

Денежная реформа 1947 г. носила во многом конфискационный характер для населения и была проведена одновременно с отменой карточек. 13 декабря 1947 г. в «Известиях» было опубликовано постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б)

²⁰⁶ Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. С. 81.

²⁰⁷ Хлевнюк О. В. Советская экономическая политика на рубеже 1940—1950-х годов и «дело Госплана» // Отечественная история. 2001, №3. С. 78.

²⁰⁸ Лацис О. Выйти из квадрата. С. 46.

²⁰⁹ Кулешов С. В. Смешное в истории: опыт социокультурной реконструкции // Отечественная история. 2002, №3. С. 166.

²¹⁰ Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001, №3. С. 67—70.

№3866 от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары».

Его основные положения сводились к следующему:

были выпущены новые деньги образца 1947 г., все старые деньги подлежали обмену в соотношении 10 руб. старого образца на 1 руб. нового образца; не подлежала обмену только разменная монета;

обмен всех наличных денег предполагалось провести в течение недели, начиная с 16 декабря, только в отдалённых районах период обмена мог быть увеличен до двух недель; в течение всего периода обмена можно было производить платежи старыми деньгами, но из расчёта одной десятой их нарицательной стоимости;

была разработана сложная система переоценки вкладов в сбербанках: вклады до 3 тыс. руб. обменивались без изменения в номинальной сумме, т.е. переоценивались рубль в рубль, а свыше 3 тыс. действовала сложная система градаций вкладов, состоящая в том, что чем больше была сумма вклада в старых деньгах, тем дешевле стоил каждый старый рубль по отношению к новому.

Из-за короткого срока обмена очень многие потеряли свои сбережения в наличных деньгах (не успели, были в дороге, в отъезде, в командировке, на промыслах и т.д.).

С отменой карточек на продовольственные и промышленные товары были отменены коммерческие цены и введены единые розничные цены на продовольствие и промтовары. При этом на хлеб, муку, крупу и макароны цены были снижены в среднем на 10% по сравнению с действовавшими пайковыми ценами, а на остальные виды продовольствия цены были оставлены на уровне пайковых (повышенных годом ранее). Цены на продовольственные товары были выше довоенных и, за исключением необходимого минимума, недоступными для большинства населения.

Об острой нехватке продовольствия свидетельствует постановление Совета Министров СССР от 14 декабря 1947 г. «О нормах продажи продовольственных и промышленных товаров в одни руки». Предельные нормы отпуска товаров в одни руки устанавливались следующие, например: хлеб печёный – 2 кг; крупа, макароны – 1 кг; мясо и мясопродукты – 1 кг; колбасные изделия и копчёности – 0,5 кг; сметана – 0,5 кг; молоко – 1 л; сахар – 0,5; хлопчатобумажные ткани – 6 м; нитки на катушках – 1 катушка; чулки-носки – 2 пары; обувь кожаная, текстильная, резиновая – по 1 паре каждой; мыло хозяйственное – 1 кусок; мыло туалетное – 1 кусок; спички – 2 коробка; керосин – 2 л.

Указанные нормы распространялись также на кооперативную торговлю в сельской местности.

Большая часть установленных послевоенных норм действовала на протяжении десятилетия и была отменена только приказом Министерства торговли от 13 августа 1958 г. Но на часть продуктов – хлеб и хлебобулочные изделия, мясо и колбасы, сахар, животное масло и яйца нормы оставались до 1963 г., хотя и были увеличены.²¹¹

Конфискационный характер денежной реформы 1947 г. заключается в чрезвычайно коротком сроке обмена и неравном обмене вкладов в сберкассах. Эта реформа больше всего ударила по простым труженикам, не имевшим возможностей к ней подготовиться или попытаться спасти сбережения путём нарушения закона. А во многих отдалённых местностях узнали о реформе тогда, когда сроки обмена уже прошли.

При этом, хотя реформа готовилась в строжайшей тайне, слухи о ней стали распространяться с конца ноября и привели к резкому скачку ажиотажного спроса. Докладные записки министра внутренних дел СССР свидетельствуют о резком росте товарооборота магазинов,

²¹¹ Денежная реформа 1947 года: реакция населения по документам из «Особых папок» Сталина // Отечественная история. 1997, №6. С. 134—135.

торгующих промышленными товарами в Москве уже 28 и 29 ноября 1947 г., в комиссионных и ювелирных магазинах сметали с прилавком буквально всё, даже самые неходовые товары. Резко сократилась сдача населением вещей в комиссионные магазины и предложение товаров с рук на рынках. В массовом порядке население изымало вклады в сберкассах.

Примечательно, что уже 30 ноября и 1 декабря были отмечены случаи изъятия крупных вкладов (30—50 тысяч и выше) и вкладывания этих же денег более мелкими вкладами в другие сберкассы на разных лиц.

Масштабы злоупотреблений после объявления реформы были очень большими. Докладная записка министра внутренних дел СССР от 21 мая 1948 г. констатирует: «Расхитители социалистической собственности и спекулянты, незаконно нажившие крупные суммы денег, а также другие лица, располагавшие крупными суммами денег, вкладывали деньги в кассы магазинов, учреждений, предприятий и организаций, изымали и укрывали от учёта на вложенные суммы товаро-материальные ценности; делали незаконные вклады в сберегательные кассы и отделения Госбанка, а работники финансовых органов за взятки оформляли эти операции задним числом».

В результате предпринятых мер с 16 декабря 1947 года по 1 мая 1948 года органами МВД было выявлено скрытых от учёта и похищенных товаров на 61 715 187 рублей и выявлено незаконных вкладов в сберкассы и отделения Госбанка на 101 288 500 рублей. За эти преступления привлечено к уголовной ответственности 19551 человек. В числе привлечённых 4401 членов и кандидатов в члены ВКП (б).

Общая сумма возвращённых государству средств в порядке возвращения ущерба, причинённого преступниками в ходе проведения денежной реформы, составляет свыше 160 миллионов рублей.

Больше всего было привлечено к уголовной ответственности за преступления, связанные с проведением денежной реформы, работников торговых организаций – 55,2% к общему числу привлечённых, финансовых работников – 17,8% к общему числу.²¹²

О невыносимом материальном положении населения свидетельствую выдержки из писем, содержащиеся в информационной сводке отдела «В» МГБ СССР, датированной декабрем 1946 г.:

«По Воронежской области.»

15. XI.46 г. «...Надвигающийся голод страшит, моральное состояние подавленное. Дети наши живут зверской жизнью – вечно злы и голодны. От плохого питания Женя стал отекает, больше всего отекает лицо, очень слабый. Голод ребята переносят терпеливо, если нечего поесть, что бывает очень часто, молчат, не терзают мою душу напрасными просьбами.» (Ефремова М. С., Воронежская обл., ст. Бутурлиновка, Главмука, – Ефремовой Н. А., пп 39273).

20. XI. 46 г. «...Мы сейчас находимся в крайне затруднительном положении, которое до сих пор не выправилось, да и вряд ли его можно выправить. За этот год нам придется, вероятно, кое-кого из нашей семьи не досчитаться в живых, так как уже сейчас начинаем пухнуть от голода.» (Пустовалов М. И., г. Воронеж, Никитинская, 46 ВПМУ и ЦЭМ, – Пустовалову Т. А., пп 33846).

12. XI. 46 г. «...Жизнь становится тяжелой, хлеба людям не дают, а кто получает, то не больше 250 г. Люди умирают, не болея. Смертность очень велика. Страшит весна: уже сейчас цены на продукты ужасно поднялись, что же будет весной.» (Велоржева, Воронежская обл., г. Павловск, проспект Революции, д.13, – Пискареву А. Ф., пп 30163)...

По Сталинградской области.

²¹² Денежная реформа 1947 года: реакция населения по документам из «Особых папок» Сталина // Отечественная история. 1997, №6. С. 135—140.

1. XI. 46 г. «...Жить мне нечем. Из колхоза ничего не дали, так что уже начинаем пухнуть. Живем на 700 г хлеба, которые Нина получает на себя. Подходит зима, а у меня ничего нет. Как я буду жить, не знаю.» (Проколова М. Ф., г. Сталинград, ст. Разгуляевка, ул. Пролетарская, д.19, – Прокопову В. К., пп 13967-В).

6. XI. 46 г. «...Хлеба нет и не знаем, как пережить голод. Хлеба никому не дают. Народ начинает опухать. В нашем колхозе и в соседнем хлеба совсем не дали – дело плохо.» (Илясов П. П., Сталинградская обл., Иловлинский р-н, ст. Качалино, х. Паньшино, ф/м №2, – Илясову И. П., пп 37271-В).²¹³

В 1950 г. 22,4% колхозов не выдавали денег на трудодни, более 20% колхозов выдавали на трудодень менее 500 грамм зерновых. Основной доход колхозники получали от личного подсобного хозяйства, но оно было обложено большим сельхозналогом.²¹⁴

Вскоре были приняты меры по увеличению интенсивности труда. В апреле 1948 г. постановлением Совмина СССР нормы выработки были повышены: на 12—17% на пахоте, на 12—20 на бороновании, на 25% на тереблении льна. Они были рассчитаны для всех районов страны, исходили из показателей трудовой деятельности передовых колхозников в районах, лучше обеспеченных сельхозтехникой, будучи явно завышенными для колхозников России, особенно северных и центральных областей.

Обязательный минимум трудодней на рубеже 1940—1950-х гг. также неоднократно пытались увеличить. Например, в 1948 г. предлагалось увеличить его до 150, а для подростков – до 60 трудодней в год. Поступали в Совет Министров СССР предложения о том, чтобы выполнение минимума в течение основного сезона сельхозработ не освобождало от трудовых обязательств перед колхозом в другие периоды, а его перевыполнение в одном сезоне не засчитывалось в следующем. В 1951 г. в Совете Министров СССР обсуждался вопрос о повышении этого норматива до 120—200 трудодней, а также оговаривались права Советов Министров союзных и автономных республик, исполкомов краев и областей, отдельных сельхозартелей на пересмотр его в пределах плюс – минус 20% в зависимости от местных условий.

В середине 1950-х гг. правительство рекомендовало колхозам устанавливать минимум в 150 трудодней для женщин и 200 для мужчин. Эта повинность была отменена только в середине 1960-х гг.²¹⁵

Производительность труда в колхозах падала, начались выходы из колхозов, так в Чкаловской области в 1948 г. число единоличных хозяйств выросло на 70% и достигло 1907.

Советское государство на недовольство рабочих и крестьян, как всегда, ответило репрессивными мерами. 21 февраля 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял секретный указ «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни», а 2 июня этот указ был распространён на всю территорию СССР. По указу местное руководство с помощью колхозных собраний и сельских сходов получило право выселить любого человека в районы рек Оби, Енисея и Лены.

Летом 1948 г. было выслано 23 тысячи крестьян, из них по России – 12 тыс., по Украине – 9 тыс., по Казахстану – 1,7 тыс. Среди высланных преобладали женщины, вместе с ними добровольно выехало более 9 тыс. членов их семей, включая 5 тыс. детей до 16 лет. Выселения продолжались и в дальнейшем, всего по указам 1948 г. было выслано 33266 человек, за которыми последовало 13598 членов их семей.

²¹³ Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995 гг.). С. 11—13.

²¹⁴ Исторический опыт и перестройка. С. 185.

²¹⁵ Безнин М. А., Димони Т. М. Повинности российских колхозников в 1930—1960-е годы // Отечественная история. 2002, №2. С. 97—98.

Далеко не всегда решения о высылке проходили гладко для властей. Довольно часто на собраниях и сходах находились люди, в том числе коммунисты, выступавшие против высылки односельчан.

Кроме высоких цен и недостатка самых необходимых товаров, тяжелейшим образом на уровне жизни советских людей, особенно в сельской местности, сказывались налоги.

Налог имел силу закона и всякое сопротивление уплате и задержка платежей считались государственным преступлением. К сбору налогов привлекался весь сельский актив, сельсоветы 1—2 раза в месяц рассматривали вопрос о ходе сбора налогов.

Как и до войны, население жители города и деревни платили многочисленные налоги, о которых уже говорилось. В сельской местности также почти все продолжали платить самообложение, которое в отличие от налога было добровольным сбором и решение о нём принималось на общем собрании граждан. Средства от самообложения должны были идти на местные нужды, но лишь незначительная их часть использовалась по назначению, остальное поступало в госбюджет.

В 1948 г. были внесены изменения в Закон о сельхозналоге. Размер налога при тех же источниках и нормах доходности повысился в 1948 г. на 30% по сравнению с 1947 г.

По изменённому закону вдвое усилились размеры налогов на единоличников и бывших колхозников. Сумма налога на единоличное крестьянское хозяйство была в два раза выше, чем с хозяйства колхозника. Хозяйства, выбывшие (исключённые) из колхоза платили на одинаковых основаниях с единоличными, независимо от сроков выбытия.

При наличии в составе колхозного двора трудоспособных членов семьи, не состоявших в колхозе или исключённых из него и не работавших по найму, сумма налогов повышалась на 20%. Прежде хозяйства нетрудоспособных (мужчин старше 60 лет и женщин старше 55 лет) колхозников и единоличников, не имевших трудоспособных членов семьи и ведших хозяйство своими силами, освобождались от уплаты налога, то теперь хозяйства колхозников получали только скидку в 50%, а единоличники должны были платить полностью.

Отменялась скидка в размере 15% при наличии трёх и более детей до 12 лет. Хозяйства военнослужащих и партизан, погибших или без вести пропавших во время войны и в которых не было трудоспособных, кроме вдовы, имеющей детей до 8 лет, прежде полностью освобождались от налога, теперь же получали только скидку в 50%.

Но желаемого результата правительство не достигло, если и раньше сельские жители с трудом выплачивали налоги, то теперь большинство оказалось просто неплатёжеспособными и повышение налога привело к сокращению поступления натуральных и денежных средств в государственную казну из-за уменьшения поголовья скота, площади посевов, вырубки фруктовых деревьев. Но правительство продолжило налоговое наступление.

В сентябре 1948 г. Секретариат ЦК ВКП (б) принял постановление «Об усилении налоговой работы и организации поступления сельхозналога», которое давало право местным партийным комитетам применять чрезвычайные меры. Ф. Абрамов в романе «Две зимы и два лета» пишет, что в разгар заготовок в колхозах собиралось сразу несколько уполномоченных: «уполномоченный по хлебозаготовкам, уполномоченный по мясу, уполномоченный по молоку, уполномоченный по дикорастущим – и на них был план... Плюс к этому свой постоянный налоговый агент... и все эти люди с пухлыми полевыми сумками, в которых заранее было все решено и рассчитано... И каждый из них требовал, ссылаясь на райком, на директивы и постановления... Тон среди них задавал... уполномоченный по хлебозаготовкам».

Вместе с сельским активом уполномоченные ходили по дворам колхозников и требовали выполнения обязательств по сдаче государству картофеля, зерна, мяса, молока, яиц, шерсти, кож. Часто забирали всё попавшееся на глаза, в том числе насильно с помощью милиции. В письмах в Москву колхозники сообщали о распространённой практике откры-

того грабежа, когда забирали купленное на рынке сено, уводили последнего телёнка у старика, были случаи избиения тех, кто защищал своё имущество.

Размеры сельхозналога совершенно не учитывали истинных норм доходности крестьянских хозяйств. Так в Новосибирской области в 1948 г. нормы доходности личных хозяйств колхозников, установленные государством, превышали их фактический доход по коровам в 8 раз, по картофелю – в 2,3 раза. Исчисленный по этим нормам сельхозналог в 2,5 раза превысил налог 1947 г. и составил в сумме 642 руб.

Завышенный сельхозналог вынуждал сельчан за бесценок сбывать свою продукцию на рынке. Снижение госцены на промышленные и продовольственные товары также привело к падению рыночных цен на сельскохозяйственные продукты. Цены на основные продукты питания на городских рынках в 1948 г. снизились в 3—4 раза по сравнению с 1947 г. Чтобы уплатить сельхозналог крестьянин должен был продать почти всю произведённую в хозяйстве продукцию.

Средняя по центрально-чернозёмным областям сумма налога с одного хозяйства колхозника в 1950 г. составила 559 руб. против 217 руб. в 1947 г. – рост в 2,5 раза. Поступление сельхозналога к предъявленной сумме в 1946 г. равнялось 74,6%, в 1947 г. – 87, в 1948 г. – 88,4, в 1949 г. 83,6, в 1950 г. – 76,3%. Эти данные свидетельствуют, что бесконечное повышение налогов приводило к снижению поступлений к предъявленной государством сумме.

Но правительство видело причину плохой собираемости налогов только в неудовлетворительной работе финансовых, местных партийных и советских органов.

Законы «О сельскохозяйственном налоге» и «О подоходном налоге с колхозов», принятые в 1952 г., повышали сумму сельхозналога в 1,5—2 раза по сравнению с 1951 г. По этим законам в очередной раз увеличивались нормы доходности, вводилась 10-процентная надбавка во всех видах доходов колхозников, независимо от размеров этих доходов. Впервые облагались налогом доходы колхозников, получаемые от общественного хозяйства по трудодням в денежной и натуральной форме, этого не было даже во время войны. Были отменены льготы для хозяйств сельских учителей, врачей, агрономов и других сельских специалистов, а также для хозяйств районных руководителей и лиц, работающих в угольной промышленности.

Ужесточение налогообложения, невыносимые условия жизни, создававшиеся драконовскими налогами и мерами по их выколачиванию, вызвали огромный поток жалоб и заявлений, но лишь 1—2 из ста рассмотренных обращений удовлетворялось.

В результате такой государственной политики по отношению к деревне положение в сельском хозяйстве на рубеже 1940—1950-х гг. стало катастрофическим. В 1951 г. производство зерна составляло 82%, подсолнечника 65, льноволокна – 55, картофеля – 77, овощей – 69 от уровня 1940 г. поголовье скота в 1951 г. было меньше, чем в 1940 г.

Сокращалось поголовье скота в личном пользовании колхозников. В Новосибирской области за период с 1 июля 1948 г. по 1 января 1949 г. поголовье коров сократилось на 29 тыс., свиней – с 14 до 4 тыс. В последующие годы поголовье скота в хозяйствах колхозников продолжало уменьшаться и в 1951 г. по количеству коров, свиней и овец находилось ниже уровня военных лет.

Грабёж деревни производился с целью увеличения госзапасов и экспорта зерна. В 1948 г. было заготовлено 23,8 млн т зерна, т.е. на 4,8 млн т больше, чем в 1947 г. и на 2,8 млн т больше, чем в 1940 г. В то же время производство зерна в 1947—1948 гг. было на треть меньше, чем в 1940 г. Экспорт зерна в 1948 г. составил 3,2 млн т или в 2,5 раза больше, чем в 1940 г. и рос дальше, достигнув в 1952 г. 4,5 млн т. Значительная часть экспорта шла в страны восточноевропейского блока, т.е. носила политический характер.

А в это время население своей страны голодало, тысячи людей болели дистрофией и спустя многие годы после войны. Систематический голод и недоедание сказывались

на демографической ситуации в стране. Рождаемость в СССР в 1948 г. ухудшилась даже по сравнению с голодным 1947 г. В Москве рождаемость упала на 25%, в Ленинграде – на 22%.

Во многих республиках, краях и областях России смертность населения в 1948 г. превысила уровень смертности в 1947 г. Только в январе 1948 г. по 33 республикам, краям и областям РСФСР было зарегистрировано 2370 умерших от дистрофии и 603 – от сыпного тифа. Существенное снижение смертности началось только после 1953 г.

В первом полугодии 1948 г. естественный прирост населения СССР составил 716,5 тыс. чел., т.е. на 323 тыс. (31,1%) меньше, чем в первом полугодии 1947 г. Общая численность населения СССР в 1953 г. составила 187,9 млн чел., т.е. на 6 млн меньше, чем в 1940 г.

В послевоенную пятилетку сельское население СССР сокращалось в среднем на миллион человек в год, несмотря на все ограничения и запреты на выезд.²¹⁶

Конечно, благосостояние советских людей после войны, особенно в городах, улучшилось. Но уровень жизни оставался крайне низким и послевоенное восстановление промышленности, создание атомного и ракетного вооружения шло за счёт потребления советских людей.

²¹⁶ Зима В. Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994, №3. С. 109—123.; также Безнин М. А., Димони Т. М. Повинности российских колхозников в 1930—1960-е годы // Отечественная история. 2002, №2. С. 99—100.

4.6. Послесталинское десятилетие

Гораздо больше внимания социальной политике, улучшению положения населения уделялось в 1950-е гг. после смерти Сталина. В 1956—1957 гг. был сокращён на 2 часа рабочий день в предпраздничные и предвыходные дни, введена укороченная рабочая неделя для подростков 16—17 лет, увеличена продолжительность отпуска по беременности и родам, отменена плата за обучение в старших классах, вузах и техникумах, принят новый закон о пенсиях. После 1957 г. резко возросло жилищное строительство.

Среднемесячная зарплата выросла с 64,2 руб. в 1950 г. до 80,6 руб. в 1960 г. и 96,5 руб. в 1965 г.²¹⁷

Но в начале 1960-х гг. ситуация вновь изменилась к худшему из-за кризиса в сельском хозяйстве. В 1962 г. повышены государственные цены на мясо и мясопродукты на 30% и на масло сливочное – на 25%. Выросли рыночные цены в результате денежной реформы 1961 г. и гонений на личные подсобные хозяйства. Это вызвало недовольство населения, во многих местах отмечались открытые волнения, наиболее известное произошло в Новочеркасске, где было применено оружие и погибли люди.

²¹⁷ История СССР. Эпоха социализма. М.: 1983. С. 408, 435.

4.7. Советская власть и интеллигенция

В данном случае речь идёт о представителях умственных профессий. Не всех из них можно отнести к интеллигенции, понятию довольно неопределённому, но подразумевающему не только обладание специальностью, требующей высшего образования, но и неким набором нравственных качеств. Но для краткости будет использоваться термин «интеллигенция» по отношению к лицам интеллектуальных специальностей.

Ленин и большевики всегда с подозрением относились к интеллектуальной элите России, к лучшим умам нации, к выразителям её совести, таланта, истории. Дозволено было нормально жить, иногда даже намного выше среднего уровня, только тем, кто верой и правдой служил режиму, создавал оружие, славословил вождей, оболванивал народ. Остальным приходилось туго.

Нэп начался для интеллигенции массовой высылкой историков, философов, других гуманитариев в другие страны, а закончился шахтинским процессом 1928 г. над инженерами, за которыми последовали другие. Часть интеллигенции была куплена государством, часть запугана. Все крупные историки дореволюционной школы в 1920—1930-е гг. прошли через аресты, следствие, тюрьмы и лагеря, в лучшем случае отделались проработкой на собраниях коллективов и даже вернувшись к научной и педагогической работе, навсегда остались запуганными, боявшимися вымолвить лишнее слово.

Конечно, в советское время произошли большие изменения в культурном развитии российского общества: постепенно была ликвидирована неграмотность, огромное развитие получило образование (как и во всех индустриально развитых странах), во много раз вырос слой людей умственных профессий. Но коммунистическая партия не доверяла им, особенно тем, к кому приложим термин «интеллигенция». Далекое не всем представителям интеллектуальных профессий жилось легко и в материальном плане.

На зарплате научных, инженерно-технических работников, работников сфер культуры, образования и здравоохранения сэкономили десятилетиями. В 1940 г. средняя зарплата работников в сфере здравоохранения, физической культуры и социального обеспечения составляла почти 80% зарплаты промышленного рабочего (работника народного образования – 97%), в 1960 г. – две трети (в народном образовании – 80%), в 1985 г. – меньше двух третей (в народном образовании в 1980 г. – 73%).

Зарплата инженерно-технических работников в промышленности в 1940 г. была в 2 раза выше зарплаты рабочего, в строительстве – в 2,5 раза. В 1960 г. зарплата ИТР была лишь в 1,5 раза выше, чем у рабочих, в 1985 г. в строительстве зарплата ИТР была ниже, чем у рабочих, а в промышленности выше всего на 10%. Зарплата работника искусства в 1985 г. составляла 2/3 зарплаты рабочего, а работника культуры – немногим более половины.

Результаты известны: сначала упал престиж профессии учителя, потом врача, ставшими «женскими» профессиями из-за низкой оплаты труда, потом – инженера и научного работника. Упал вообще престиж высшего образования, сократились или исчезли конкурсы абитуриентов, снизился уровень подготовки поступающих в вузы, затем снизилось и качество выпускаемых кадров. «Сэкономив» на умственном труде, мы больше проиграли на физическом: замедлился технический прогресс, не сокращалась численность рабочих, занятых физическим и малоквалифицированным трудом, их не хватало. Помочь здесь могут только инженер и учёный.²¹⁸

Могут возразить, а как же успехи советской науки и техники, лучшая в мире система образования, были же они? Были.

²¹⁸ Ладис О. Выйти из квадрата. С. 17—18.

Но государственная поддержка науки определялась исключительно прагматическими интересами, связанными с созданием мощной индустриально-промышленной базы, необходимой для повышения военной мощи государства. Требовались подготовленные кадры для растущего бюрократического аппарата и решения промышленно-технологических задач, связанных с производством вооружения – машиностроения, транспорта, связи, авиации, судостроения.

Поэтому большие усилия были затрачены на ликвидацию неграмотности уже в 1920-е гг., но распространение образование вообще характерно и необходимо для стран, вставших на путь индустриализации и не является исключительно заслугой «рабоче-крестьянского государства». В 1930-е гг. и после войны была повышена реальная зарплата учёных, научная деятельность стала наиболее престижной наряду с военной и партийно-бюрократической. Но поддержка государства распространялась лишь на довольно узкий круг научных дисциплин (математика, физика, химия и некоторые другие), связанных с разработкой и производством современных вооружений. Другие научные направления нередко попадали в опалу и даже подвергались разгрому, как генетика, вообще недооценивались биологические науки. Разгрому подверглась даже кибернетика, без которой трудно представить современную науку, особенно фундаментальные исследования и без которой (и без возникшей на её основе электронно-вычислительной техники) невозможно представить и разработку и производство вооружений. Под жёстким идеологическим контролем находились общественные науки, научная ценность их результатов поэтому была низкой.

Количественное наращивание численности научных работников и инженеров на основе ускоренной («облегчённой») подготовки привело к снижению качества подготовки. «Облегчённые» требования, узкий прагматизм, информационная самоизоляция и оторванность от мирового сообщества при отдельных действительно выдающихся научных достижениях привели к ухудшению профессиональной подготовки специалистов с высшим образованием, несмотря на быстрый рост их численности. Это наиболее наглядно проявилось в 1970—1980-е гг., когда, несмотря на быстрый рост численности научных работников и инженеров, число запатентованных научных изобретений и зарегистрированных открытий в расчёте на 1000 специалистов неуклонно падало и стало исчисляться в мировом масштабе долями процента.²¹⁹

В СССР в 1980-е гг. фондовооружённость одного работника в системе Академии наук была существенно ниже, чем на транспорте, в сельском хозяйстве и промышленности. На фундаментальные исследования выделялось средств в 6 раз меньше, чем в США, в них было занято в два раза меньше научных работников, чем в американской науке, а на долю академической науки, выполнявшей основной объём фундаментальных изысканий, приходилось менее 7% всех ассигнований, выделяемых на научные исследования.

В 1950-е гг. Советский Союз расходовал на образование больше всех в мире – 10% национального дохода, но затем этот показатель снижался и упал до 7% в 1980 г. (12% в США). Материальная база образования находилась к 1980-м гг. на низжайшем уровне. В школе на каждого ученика приходилось на 60 руб. оборудования (в Швеции – 1000 руб.), в вузе – 2300 руб. в среднем и 10 тыс. в немногих избранных вузах (готовивших кадры для ВПК, типа МАИ), против 80 тыс. руб. в Стэнфордском университете США. В МГУ на 30 тыс. студентов имелось 128 универсальных ЭВМ, половина которых была в возрасте 25—30 лет. К концу 1987 г. СССР обладал примерно 100 тыс. персональных ЭВМ, тогда как в США ежегодный выпуск составлял 5—6 млн.²²⁰

²¹⁹ Ракитов А. И. Российская наука: прошлое, настоящее, будущее // Вопросы философии. 1995, №3. С. 16—17.

²²⁰ Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. С. 136—137.

Отрицательно на развитие науки повлияло засилье военно-промышленного комплекса, на который работало 80% научного потенциала страны. А также бесцеремонное вмешательство партийно-государственных бюрократов. Все руководящие посты в научных учреждениях, университетах и институтах могли занимать только члены КПСС и проверенные «партийные товарищи». Это привело к тому, что советская наука, достигшая в 1950—1960-е гг. больших успехов в математике, теоретической физике, атомной энергетике, космонавтике, авиастроении, военном судостроении, в вирусологии начала терять свои позиции.

4.8. Когда всем было хорошо и всё было...

Сейчас многие с тоской вспоминают «годы застоя» (1960—1970-е гг.), когда вроде бы жилось хорошо и всё было. Но конкретные данные рисуют весьма невесёлую картину. Сравнительные данные из сообщения заместителя начальника ЦСУ СССР А. Ежова на имя члена коллегии Госплана СССР И. Лебединского от 21 декабря 1966 г. показывают уровень потребления в Советском Союзе спустя 20 лет после окончания войны. (Таб. 18).

Таблица 18. Соотношение потребления материальных благ на душу населения в СССР и США в 1965 г.

— СССР, долл.— США, — СССР, %
— — — (в ценах США) — долл. — к США

Общий объём
потребления

материальных
благ — 564 — 1542 — 36,5

В том числе:

продукты питания,
включая
алкогольные
напитки — 325 — 505 — 64,3

продукты питания
(без алкогольных
напитков) — 258 — 439 — 58,8

непродоволь-
ственные
товары — 168 — 905 — 18,5

В том же сообщении и на тот же год указывается, что среднемесячная зарплата рабочих промышленности в США в 3,5 раза превышала аналогичный показатель в СССР, пенсии, пособия, бесплатное обучение, лечение и другие выплаты и льготы в США были выше в 0,7 раза. Среднемесячная зарплата с добавлением пенсий, пособий, бесплатного обучения, лечения и других выплат — была выше в США в 2,4 раза. Налоги в США были выше в 4,3 раза, а среднемесячная зарплата за вычетом налогов с добавлением дополнительных выплат была в 2,3 раза выше в США, чем в СССР. И это признание официальной советской статистике.²²¹

И это в сравнении с США, где система социальных гарантий была намного менее развитой, чем в европейских капиталистических странах.

А вот свидетельство секретнейшего доклада (полностью он не опубликован и только частично использован О. Лацисом) Совету Министров СССР комиссии в составе учёных-экономистов и руководителей многих ведомств во главе с зампредом Совмина, председателем Госкомитета по науке и технике академиком В. Кириллиным в декабре 1979 г.

Повторив данные официальной статистики о росте реальных доходов с 1965 по 1978 г. в 1,8 раза, авторы доклада тут же противоречат себе: «Трудно назвать такую товарную группу, на товары которой спрос удовлетворялся бы полностью». И далее: «По ориентировочным оценкам, в 1970 г. 20%, а в 1978 г. — уже 53% прироста сбережений образовалось в результате неудовлетворенного спроса... Денежные доходы трудящихся систематически обгоняли увеличение общего объема товарооборота и платных услуг». Всё это подтверждено цифрами по пятилеткам. «Одновременно происходит скрытый рост государственных

²²¹ Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995 гг.). С. 82—83.

розничных цен. Имеется в виду повышение средней цены покупки путем принудительного для потребителя изменения ассортимента, ухудшения качества товаров при прежней цене, выпуска новых товаров, повышение цены на которые не пропорционально улучшению их свойств».²²²

Накачка пустых денег продолжалась и в 1980-е гг., приняв обвальный характер в 1988—1989 гг. в период «реформ Рыжкова», когда зарплату освободили, а цены оставили неизменными, окончательно разрушив торговлю.

С помощью скрытого, неявного роста цен и статистических манипуляций государство утверждало, что с 1970 по 1985 г. индекс государственных розничных цен на товары народного потребления вырос всего на 8%, а цены на обувь и трикотажные изделия вообще снизились. Но практический опыт показывает, что цены на непродовольственные товары и многие продовольственные выросли в 1,5—2 раза.

Швейные изделия в первой половине 1980-х гг. подорожали в среднем на 12%, обувь — на 18%, что обеспечило более половины прироста розничного товарооборота в «сопоставимых» ценах. Стоимость среднего детского гардероба увеличилась со 181 руб. в 1975 г. до 225 руб. в 1983 г., т.е. почти на 25%. По оценкам НИИ цен и ВНИИ по изучению спроса и конъюнктуры, общий уровень цен на товары и услуги в 1971—1983 гг. вырос не менее чем на 43% (3% в год), тогда как по официальным данным индекс государственных розничных цен вырос за тот же период всего на 8% (0,6% в год).²²³

По-прежнему недостаточным и несбалансированным оставалось питание советских людей, в чем признавалась даже советская статистика. (Таб. 19).

Таблица 19. Степень удовлетворения потребностей населения в продуктах питания в СССР за 1960—1975 гг.²²⁴

Продукты питания— Физиологи- —Отношение фактического
— — —ческие — уровня потребления
— — нормы — — к физиологической
— — — — — на душу — — норме,
— — населения — в %
— — в год, кг
— — — — — 1960 — 1965 — 1970— 1975

Мясо (и
Мясопродукты —82 — 49 — 50 — — 59 — — 71
Молоко — — 405 — 59 — 62 — 76 — —78
Яйца, штук — 292 — 40 — 43 — 55 — 74
Рыба — — — 18,2— 54 — 69 — — 85 — 92
Сахар — — 40 — 70 — —86 — 97 — 102
Картофель — 97 — 147 — 146 — 134 —124
Овощи и
бахчевые — 146 — 48 — 49 — 56 — 60
Фрукты и ягоды —113 — 20 — 25 — 31 — 33
Хлеб и
Хлебопродукты —110 — 149 — 142 — 136 — 129

К этому можно добавить только одно, 71% от 82 кг ежегодной физиологической нормы потребления мяса составляет около 58 кг. При самых тщательных и оптимистических подсчетах автору никогда не удавалось насчитать больше 20—25 кг в год. Интересно, кто съедал

²²² Лайс О. Неуслышанное предупреждение // Известия. 1993, 27 августа.

²²³ Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. С. 41.

²²⁴ Хрестоматия по отечественной истории (1946—1995 гг.). С. 89.

остальные мои килограммы, положенные мне советской статистикой? А вот что касается картошки и хлеба, то это очень даже похоже на правду.

При этом необходимо учитывать неравномерное распределение того, что было как между слоями населения, так и по территориям (в лучшем положении находились члены привилегированных групп), а также жители Москвы, Ленинграда, республиканских столиц и закрытых городов.

И не удивительно, что с таким питанием, с той тяжёлой экологической обстановкой, которые имелись к 1970-м гг., в докладе комиссии под руководством В. Кириллина после сообщения о низком уровне удовлетворения потребности в медицинских услугах следовало: «Показатель младенческой смертности неуклонно увеличивается (1971 г. — 22,9, 1975 г. — 26,3, 1976 г. — 31,4 человека на 1000 родившихся) и находится на уровне в 1,5—3 раза выше аналогичного показателя в высокоразвитых странах».²²⁵

В 1980-е гг. на здравоохранение шло менее 4% национального дохода — меньше, чем в любом западном государстве. По доле расходов на эти цели СССР находился в седьмом десятке из 126 стран. Советский Союз стал первой промышленно развитой страной мира, которая испытывала долговременное — в течение двух десятилетий — падение показателя средней продолжительности предстоящей жизни в мирное время (с начала 1960-х по начало 1980-х годов). Ежедневно в СССР в 1980-е годы не выходило на работу из-за болезни 4 млн человек, тогда как в США — только 1,8 млн. Имея больше всех в мире врачей, Советский Союз катастрофически отстал по технической оснащённости медицины: в США на медицинскую технику затрачивалось около 35 млрд долларов, в СССР — всего 2 млрд руб. Не хватало простейших инструментов и приборов. В 1988 г. при общей потребности в 3 млрд одно-разовых шприцев, планировалось иметь только 100 млн. В плачевном состоянии уже тогда находились детские санатории: 21% зданий был построен до 1917 г., 46% — до 1940 г., в 30% из них не было даже канализации.²²⁶

Телефонов на тысячу жителей приходилось в 10 раз меньше, чем в США, парк компьютеров — в 100 раз меньше, 5% городов и 15% посёлков не имели централизованных водопроводов, 30% городов и 60% посёлков — без канализации. Всё это не от бедности страны: в это же время СССР не уступал никому и даже превосходил по танкам, ракетам, подводным лодкам, ядерным бомбам, что гораздо дороже телефонов и канализации. Всё это — результат политического выбора.

Та же комиссия В. Кириллина констатировала: «В последние годы сложилась тенденция к понижению доли непроизводственных капиталовложений в их общем объёме... При примерно равных общих объёмах капитальных вложений в СССР и США (в долларах 1976 г.) удельный вес капитальных вложений в отрасли непроизводственной сферы составил в среднем за 1975—1977 гг. в СССР 23% и в США — 38%... Объём жилищного строительства в стране в течение последних 15 лет почти не растёт, а количество вводимого жилья в расчёте на тысячу жителей сокращается...».²²⁷

Конечно, в 1960—1970-е гг. заметно повышение уровня жизни советских людей: не редкостью становятся отдельные квартиры, относительно распространёнными становятся бытовые машины, медленно, но росла средняя зарплата и т. д. Но попытки советского руководства добиться значительного повышения уровня жизни основной массы населения, вывести его на уровень стандартов высокоразвитых стран с помощью ускоренного развития промышленности отраслей группы «Б» и сельского хозяйства при сохранении казённого характера всего народного хозяйства и большой доли военного производства кончились кра-

²²⁵ Лацис О. Неуслышанное предупреждение // Известия. 1993, 27 августа.

²²⁶ Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. С. 137.

²²⁷ Лацис О. Неуслышанное предупреждение // Известия. 1993, 27 августа.

хом и привели только к накачке в экономику пустых денег. В 1971—1985 гг. количество денег в обращении выросло более чем в 3 раза при увеличении производства товаров народного потребления в 2 раза, розничного оборота в текущих ценах – в 2,1 раза, национального дохода – в 1,9 раза.²²⁸

Для убедительности можно привести следующие данные В. С. Смирнова. В 9-й пятилетке (1971—1975) был намечен среднегодовой темп прироста группы «А» в 7,9% и «Б» – в 8,3%. Превосходство в темпах прироста группы «Б» за всю пятилетку должно было составить три процентных пункта. Однако сделать этого не удалось: к 1975 г. прирост группы «А» составил 46%, группы «Б» – 37%. В том же году, по данным официальной статистики, группа «А» выросла в сравнении с 1940 г. в 23,2 раза, группа «Б» – в 9 раз. По этой причине доля ресурсов для потребления в конечном общественном продукте СССР постоянно сокращалась. В 1980-е годы положение дел не изменилось. В 11-й пятилетке (1981—1985) доля группы «А» росла с ежегодным темпом 0,2% и достигла в 1985 г. 74,8%. Пик пришёлся на 1986 г. – 75,3%, затем наметился спад (т.е. рост группы «Б»), который продолжался все последующие годы 12-й пятилетки, но это, конечно, не ликвидировало остроты проблемы, тем более что рост этот носил сугубо ценовой характер.

СССР производил электроэнергию почти в 2 раза меньше США, но по уровню потребления её промышленностью практически сравнился с ними, грузовым транспортом – превосходил в 15—20 раз (в США почти нет электрифицированных железных дорог), а на освещение и бытовые нужды населения тратил в 10—12 раз меньше. Соотношение производственного и коммерческо-бытового секторов в конечном потреблении электроэнергии составляло в США 0,7: 1, в СССР примерно 4: 1, а при перенесении сельского хозяйства из 2-го сектора в 1-й полярность этих соотношений ещё более возрастает.

СССР уступал США по общему объёму потребления топлива примерно в 1,5 раза, а по потреблению населением – в 15—20 раз, но по объёму производственного потребления СССР превосходил США примерно в 1,5 раза. По потреблению бензина легковым автотранспортом СССР уступал США в 20—25 раз. Потребление газа в США в коммунально-бытовом секторе составило в 1985 г., по разным оценкам, 45—50% всего конечного потребления, а в СССР, также по разным оценкам, – от 9 до 13,5%.

В потребительских отраслях органической химии (пластмассы, химические волокна, СМС) производство на душу населения в СССР было в 2—9 раз меньше, чем в США.

По обеспеченности населения жильём (общая площадь на 1 жителя) СССР в 1970—1988/89 гг. отставал от США на 176 лет, от ФРГ на 108 и от Японии на 56. Россия в 1980—1990 гг. соответственно – на 166, 77 и 51 год.²²⁹

Как результат – усиление пассивности основной массы населения, снижение трудовой, творческой активности, усиление скептицизма в общественном сознании, профанации выборов, всенародных обсуждений и прочих мероприятий коммунистической партии и Советского государства. Росли масштабы теневой экономики, торговли с чёрного хода, бартерного обмена между предприятиями и отдельными лицами (ты – мне, я – тебе).

Конечно, в последние десятилетия советской общественной системы не было голода, люди не ходили разутыми и раздетыми. Но разрыв между спросом и предложением, между желанием жить лучше и возможностями реализации этого желания постоянно увеличивался. Отставание от западных стран в уровне жизни, в её комфортности, в возможностях удовлетворения принципиально новых потребностей, порождаемых научно-техническим прогрессом росло и грозило стать непреодолимым.

²²⁸ Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. С. 264—265.

²²⁹ Смирнов В. С. Экономические причины краха социализма в СССР // Отечественная история. 2002, №6. С. 99—102.

Все годы советской власти официальная пропаганда кричала о пролетарском характере советского государства, о преимуществах советского строя, о заботе коммунистической партии и Советского государства о советском человеке. Но вот только один пример, которым сказано все.

В Даровском районе Кировской области фирма «Фермонт-Лес» из Лондона взяла в аренду на 15 лет 22 тысячи гектаров леса. Лесорубы российские, пилы и спецодежда – иностранные. Мощная бензопила «Хускварна» весит 6 кг (наш «Урал» – 13 кг). Каждый рабочий получил комплект рабочей одежды стоимостью в 8 (восемь) миллионов старых рублей. Комплект одежды состоит из 29 наименований и рассчитан на все случаи погоды и страхует лесоруба от множества неприятностей. Например, брюки, лёгкие и негрубые, пошиты из ткани, содержащей 13 (тринадцать) слоёв, каждый из которых играет свою роль. Верхний, из спецволокна, способен остановить работающую пилу. Имеются также специальные наушники, спасающие от глухоты, и специальные рукавицы, гасящие вибрацию, пояса со сменным инструментом, сапоги с защитой от холода, сырости и пилы и многое другое. Фирма заказала для лесорубов домики с душем (!), которого не было в их домах.²³⁰ Это и есть забота о рабочем человеке, чтобы он и работал, и жил как человек. И всё это дело рук капиталистов и не потому, что они добрые, а потому что им выгодно, чтобы рабочий был экипирован наилучшим образом, тогда и качество и количество его работы будут высочайшими. А раб он и в телогрейке и брезентовых рукавицах поработает, и, как его не одевай, много не наработает.

²³⁰ Бронштейн Б. Русский лес и шведская крона. Не к топору, а к пиле «Хускварна» призвали мужиков в бедствующем районе // Известия. 1996, 31 января.

ЧТО БЫЛО

После 1917 г. в России бюрократическое государство достигло апогея в своём развитии, со временем в руках бюрократического партийно-государственного аппарата оказались все сферы жизни общества: экономика, политика, культура. Государство предъявляло претензии даже на контроль над частной жизнью своих граждан (запреты аборт, браков с иностранцами, вмешательство парткомов в семейную жизнь и т.д.).

При этом деятели 1917 г. вовсе не хотели этого изначально, не ставили своей целью создание такого сверхгосударства. Ленин летом-осенью 1917 г. написал книгу «Государство и революция», в которой изложил программу постепенного изживания государства: замена армии и полиции всеобщим вооружением народа и добровольной милицией, выборность чиновников с зарплатой у них на уровне средней зарплаты рабочих и постепенный переход от использования профессиональных бюрократов-чиновников для управления обществом к всеобщему самоуправлению трудящихся, когда даже простого умения читать и считать будет достаточно для управления государством, установление контроля со стороны рабочих и крестьян над производством и распределением материальных благ.

Но сразу после Октября, под воздействием логики жизни (непрофессионалы-рабочие не могли поймать профессионалов-преступников, отряды вооружённых рабочих терпели унижительные поражения от менее многочисленных, но хорошо обученных и организованных полков белогвардейцев) выяснилось, что управлять государством, производством не так легко и просто, как представлялось на бумаге. Пришлось создавать милицию и приглашать в неё старых сотрудников уголовной полиции, учреждать ВЧК для подчинения старого госаппарата, сломать его саботажа, строить регулярную армию и учиться военному делу «настоящим образом», воссоздавать государственный аппарат с многочисленным штатом чиновников.

Иллюзии быстро рассеялись, оказалось, что у рабочих и крестьян, интеллигенции и буржуазии имеются свои собственные интересы, они не желали жить по рецептам большевистских, меньшевистских, эсеровских и прочих теоретиков. И тогда возникает тема насилия, принудительного перехода к новому образу жизни. «Выяснилось», что для нового общества «чистого» коммунизма нужны другие люди и ставится задача получения людей коммунистической выделки, в том числе путём насилия.

«Выяснилось», что для достижения поставленных целей по выработке людей коммунистического толка требуется установление всеобщего, всеохватного контроля со стороны государства над всеми сферами жизни общества от производства до воспитания детей. В результате появился огромный бюрократический аппарат, растущий как на дрожжах.

Диктатура рабочих и крестьян на деле превратилась в диктатуру партии, которая вылилась сначала в диктатуру её верхушки, а затем в единоличную диктатуру. И дело не в том, что сила Ленина держалась на моральном авторитете, а не на внешней власти, что всевластие Ленина, безапелляционность его суждений и оценок, рано возникший культ вождя революции способствовали сложению в партии и государстве традиции личного руководства, вождизма, которую трудно было преодолеть.

Национализация экономики, всеобщее её огосударствление создавали экономическую базу для диктатуры вождей и вождя. Не случайно, вождизм начал складываться в годы военного коммунизма, а переход к нэпу с допущением некоторой свободы частной собственности привёл к ужесточению мер не только к политическим противникам, но и к инакомыслящим в самой большевистской партии, к ликвидации зачатков демократии внутри самой партии и жестокой борьбе между наследниками Ленина за место главного и единственного вождя.

Рост масштабов казённой экономики к концу 1920-х годов совпадает с процессом окончательной ликвидации даже формальной демократии внутри партии и установления единоличной диктатуры Сталина. Это не случайность, не личная прихоть Сталина, а неизбежность: управление казённой экономикой строится по пирамидальному принципу и это требует выделения кого-то одного на самом верху. При сохранении государственной собственности и после Сталина структура государственной власти сохранилась почти в неизменном виде.

То же самое происходит в рыночной экономике при частной собственности, *но* в рамках частных фирм и компаний. И здесь есть предел: при чрезмерно больших масштабах эффективность управления падает и поэтому происходит дробление, отпочкование дочерних фирм, повышение самостоятельности отдельных подразделений в рамках больших корпораций для снижения потерь в результате ошибок, которые неизбежны на любом уровне, а при возрастании масштабов фирмы риск ошибиться и размеры возможных потерь усилятся из-за усложнения проблем, возрастания объема информации.

Но, по мере роста государственной экономики, её масштабы становятся всё более необъятными, поток информации оказывается абсолютно невозможно обработать и тогда риск и масштабы ошибок усиливаются колоссально. Неизбежные ошибки сказываются самым отрицательным образом на жизненном уровне основной массы населения, что вызывает недовольство и постоянно грозит взрывом социального протеста.

Колебания экономической политики Советского Союза (нэп, 1953 г., 1965 г.), когда в кризисные моменты допускалась хоть в какой-то мере личная инициатива граждан, когда власть шла на уступки интересам большинства народа вызывались значительным ухудшением положения основной массы населения и давлением снизу – восстаниями крестьян и забастовками рабочих в 1920—1921 гг. или угрозой социального взрыва в 1953 г. и в первой половине 1960-х гг.

Репрессии конца 1920—1930-х гг. были жестокими, бесчеловечными, аморальными, но никак не бесосновательными. Недовольство правящим режимом, выражаемое в разговорах, письмах, пассивных и активных формах сопротивления (прогулы, опоздания, работа спустя рукава, бунты, демонстрации и т.д.) существовало всегда в советский период истории России. Мало помогало идеологическое оболванивание народа в надежде заставить его поверить в светлое будущее. Тем более когда это оболванивание осуществляли деятели, способные произнести следующую агитационную речь перед заключёнными Соловецкого лагеря и тем самым выразить суть идеологии советского «социалистического» общества: «Заключённые! Союз социалистических республик в капиталистическом окружении. Империалисты всех стран готовят интервенцию. Они хотят сделать из нас рабов, чтобы нас немилосердно эксплуатировать! Заключённые! Вы должны как один построить самолет „Ответ соловчан Чемберлену“. Заключённые! Вы знаете, кто такой Чемберлен. Это мировой хищник, это акула, которая плавает в мире. Акула, заключенные, „шамает“ людей живыми. Чемберлен, заключенные, хочет вас „дрыновать“, как арапов. Знаете, что такое арапы? Это такие черные люди, которые всю свою жизнь ходят в цепях. В Советском Союзе никто не видел таких цепей: каждая цепь по два пуда весит! Арап носит четыре таких цепи: две на ногах и две на руках. Заключенные! Мы сегодня, как только вы сделаете свой урок, устроим ударник на пользу самолета „Ответ соловчан Чемберлену“. Поняли?». ²³¹ Люди хотели жить по-человечески сейчас, а не в далёком будущем, трудиться на себя, а не отвечать «чемберленам» каторжным трудом.

²³¹ Кулешов С. В. Смешное в истории: опыт социокультурной реконструкции // Отечественная история. 2002, №3. С. 166.

После войны отправка советских военнопленных из гитлеровских лагерей в советские имела вполне объяснимые и логичные причины. Их отправляли не за измену Родине и предательство, а потому, что они побывали за границей, видели как в капиталистических странах живут рабочие и крестьяне, узнали мир и могли рассказать. Одновременно проводились кампании по борьбе с космополитизмом и преклонением перед Западом, был введен фактический запрет на любые контакты с иностранцами, приезжавшими в СССР, вплоть до запрета браков с иностранцами. И причины те же: чтобы советские люди не имели возможности сравнивать свою жизнь с жизнью людей в других странах, чтобы можно было запугивать угрозой новой мировой войны и заставлять терпеть и дальше тяготы беспримерной гонки вооружений в разорённой войной стране.

Но постепенно психология людей менялась, народ всё меньше выражал готовность терпеть и дальше лишения, терпение было на пределе. Невозможно было до бесконечности держать народ в состоянии полного подчинения правящей верхушки с помощью даже мощнейшей репрессивной системы и пропагандистского оболванивания. Народ регулярно давал власти сигналы о том, что его терпение близко к пределу. Это и послевоенные надежды на скорый роспуск колхозов и даже коммунистической партии, выраженные в многочисленных слухах, и жалобы на плохое материальное положение в письмах, перехваченных органами госбезопасности, и вопросы на различных собраниях, в которых поднимались острые проблемы народной жизни. Нельзя сказать, что земля горела под ногами советских вождей, но и полного спокойствия они никогда не испытывали. В народе всегда были думающие, сомневающиеся, самостоятельные личности, и не только среди интеллигенции.

С 1950-х гг. всё заметнее становилось технологическое отставание советской экономики, что выразилось в призывы ускорить научно-технический прогресс. Которые во многом так и остались призывами, а бюрократические меры по «внедрению» достижений НТР не привели к кардинальным сдвигам и отставание только накапливалось.

Эти обстоятельства наряду с усталостью советской бюрократии от вечного страха перед внезапным арестом, с желанием спокойно пользоваться благами жизни, даруемых положением в иерархии власти привели к смягчению политического режима после Сталина.

Сохранение казённой, военно-коммунистической политики в экономике вызывалось не несокрушимой верой вождей Компартии и Советского государства в преимущества социалистического принципа хозяйствования, в преимущества государственной формы собственности над частной, а корыстными корпоративными интересами бюрократического аппарата, прикрывавшегося трескотнёй о строительстве социализма и коммунизма, о заботе государства и компартии о советском человеке.

В период стабильного существования советского общества после отстранения от власти Хрущёва и «царствования» Брежнева в правящей элите сложились кланы по дружеским, родственным, местническим, отраслевым и другим основаниям. Крайне замедлился процесс обновления кадров, что порождало недовольство против стариков, заставляло нижестоящих бюрократов искать другие, помимо повышения по карьерной лестнице, пути доступа к материальным благам. И не случайно именно в 1970-е гг. начала усиливаться теневая экономика и выросла организованная преступность через сращивание теневых дельцов и части бюрократии.

Таким образом, история России показывает, что государственная экономика в казённой форме создаёт чрезвычайно питательную среду для казнокрадства, коррупции, приводит к громадному растраниживанию природных, человеческих и интеллектуальных ресурсов общества из-за неэффективности управления, из-за пренебрежения интересами основной части общества. И поэтому одно из основных препятствий для дальнейшего развития российского общества в интересах большинства – это экономическое и политическое всевластие бюрократии.

Имеется три возможных способа установления контроля над бюрократическим аппаратом, налаживания его нормального функционирования и борьбы с коррупцией в нём и его работой на себя, когда его собственные корпоративные интересы берут верх над общегосударственными и общественными. Во-первых, можно поставить бюрократию под контроль общества через конституцию с разделением властей, выборностью, гласностью, свободным общественным мнением, с гарантированными политическими и гражданскими свободами, с узаконенной оппозицией и т. д. Необходимейшим условием в таком случае является также ограничение функций бюрократии необходимым минимумом и особенно права распределения денег и материальных ресурсов, минимизация вмешательства в хозяйственную деятельность. Во-вторых, превратить бюрократический аппарат в бессловесную машину, исполнителей – в винтиков, действующих по инструкции, изгнав самостоятельность и мысль. И в-третьих, установить жёсткий репрессивный режим, жестоко карать чиновников за любую провинность.

Первый путь возможен и в России, более того, российское общество всё увереннее становится на него. **Но это длинный и сложный путь становления внутренней свободы человека, чувства собственного достоинства в каждом человеке, путь становления личности, основанный на экономической независимости от государства как можно большего числа членов общества.** Нигде и никогда этот путь не осуществлялся путём «революции сверху», даже если носитель верховной власти возмечтает о свободах и конституции. Неодолимыми препятствиями станут сопротивление верхушки общества и государства и, главное, невозможность по приказу сверху стать экономически самостоятельными и внутренне свободными личностями.

Третий путь возможен только в чрезвычайных специфических условиях, когда у монарха, вождя появляется возможность опереться на определённые слои населения (люмпенов, маргиналов). В России такая ситуация возникла после 1917 г. и реализовалась в полном объёме при Сталине. Но опыт показывает, что добиться таким образом можно в итоге только наиболее полного осуществления второго варианта – вплоть до попыток превращения не только бюрократического аппарата, но и всего общества в механизм, покорный воле вождя. А сам по себе второй путь был испробован при последних Романовых. Но второй и третий способы установления контроля над бюрократией если и дают положительный эффект, то кратковременный. Но зато ведут к замедлению развития общества, к стагнации и порождают новые трудности.

Не только для установления контроля над бюрократией со стороны общества, но и для успешного экономического, политического и культурного развития самого общества необходимо стремиться к созданию общественной системы, основанной на резком усилении общественного разделения труда и кооперации на основе обмена, на частной собственности, рынке как регуляторе экономики и децентрализации власти.

Частная собственность – это не только и не столько средство эксплуатации большинства и обогащения меньшинства. И то, что о ней заботятся с большим старанием не единственное и не главное её положительное свойство.

Господство частной собственности означает децентрализацию, индивидуализацию собственности, а, следовательно, хозяйства, экономики в целом. А это позволяет амортизировать, смягчать потери общества в целом, так как разорение отдельных собственников, их хозяйственные неудачи компенсируются обогащением и удачами других. Общество испытывает потрясения только тогда, когда баланс неудачливых и удачливых собственников нарушается в пользу первых, но рыночное общество постепенно вырабатывает механизмы, которые предотвращают или хотя бы смягчают такие потрясения. При централизованной государственной экономике неудачи крупнее и бьют по всему обществу сразу.

Децентрализация собственности – это и децентрализация управления экономикой, что позволяет лучше управлять отдельными её частями, повысить качество управленческих решений в масштабе всего общества, предотвратить принятие крупномасштабных ошибочных экономических решений, таких как курс сталинского руководства на простое наращивание объёмов существующего производства после войны, разгром генетики и кибернетики, неумная авральная распашка целинных земель, приведшая к потере от ветровой эрозии миллионов гектаров пашни и к упадку многих старых земледельческих регионов, БАМ, ГЭС на равнинных реках и многие другие.

Частная собственность ведёт к росту многообразия методов, способов хозяйствования, большим возможностям поиска нового, так как рискованные опыты в случае неудач приносят потери только отдельным экспериментаторам, а не обществу в целом как в случае государственной казённой собственности. В случае изменения природно-климатических, экономических, политических условий жизни почти всегда находятся такие частные собственники, которые или уже нашли способы приспособления к изменившейся реальности, или в состоянии сделать это в кратчайшие сроки.

Децентрализация экономики на основе частной собственности приводит к децентрализации политической власти, что является лучшим средством предотвращения диктатуры, репрессий, подавления личности. В данном случае под децентрализацией власти понимается не передача властных полномочий от столичных властей региональным начальникам. Нет, децентрализация власти в сочетании с частной собственностью и рынком означает реальное разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную, становление сильного местного самоуправления граждан, сильного законами и экономической самостоятельностью как самих органов самоуправления, так и жителей.

Частная собственность и рыночные механизмы регулирования экономики создают экономические стимулы к труду, к наибольшему удовлетворению потребностей общества в необходимых продуктах и услугах. При этом, как пишут Н. Шмелёв и В. Попов, рыночная самонастройка и планирование, как директивное, так и индикативное, являются антиподами, они несовместимы по своей сути: «Понятие „рынок“ включает в себя три элемента: нерегулируемое предложение (свобода производства), нерегулируемый спрос (свобода приобретения), нерегулируемая цена, уравнивающая спрос и предложение. Если отсутствует хотя бы один из трёх элементов, нет и не может быть полного рынка, не вступают в действие силы самонастройки, автоматического регулирования».²³² То, что механизмы рыночного саморегулирования не работают (или плохо работают) в России рубежа XX – XXI вв. говорит не о их неприменимости в российских условиях, не о какой-то российской особенности, а об их почти полном отсутствии, о неготовности большинства населения жить по законам рыночной экономики.

Переход к рыночному, открытому обществу, к большей свободе проявления талантов, к созданию больших возможностей самореализации личности вовсе не отменяет социальную справедливость. Просто логика социальной справедливости становится иной. Экономика выживания если и носит справедливый характер, то только применительно к небольшим сообществам с натуральным или полунатуральным характером хозяйства и обществам, состоящим из таких сообществ. Но по мере роста численности населения тип хозяйствования, направленный только на выживание, начинает сдерживать развитие производительных сил из-за ограничения творческих сил личности и общества в целом.

Увеличить общий объём производимой продукции на каком-то историческом этапе становится возможным только с помощью интенсивных факторов, а это означает усиление общественного разделения труда и обмена, а также вытекающий из этого переход к частной

²³² Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. С. 214.

собственности, наёмному труду, концентрации собственности в руках немногих. Вначале этот процесс неизбежно сопровождается ростом неравенства, обнищания одних и обогащения других. Это происходит не только и не столько в силу жадности и аморальности богатых, а в силу экономических закономерностей: создать более производительное хозяйство можно только с помощью новых технологий, увеличения масштабов хозяйства, чего невозможно добиться сразу у всех производителей и требует концентрации материальных, финансовых и человеческих ресурсов в руках немногих. По мере роста объёма производимого богатства нижний предел бедности начинает повышаться, общество усредняется за счет перехода бедных слоёв населения на более высокий уровень материального благосостояния.

Опыт ликвидации частной собственности, капиталистического рыночного обмена, попыток с помощью государственной машины миновать капитализм и сразу попасть в некое мифическое общество всеобщего равенства и справедливости в советский период российской истории наглядно демонстрирует тупиковость такого пути. Вместо роста общественного разделения труда и способствующего ему обмена произошло становление мощной экономики, перекошенной в сторону военных и тяжёлых отраслей промышленности, рост бюрократического аппарата, ограничение многообразия проявления человеческих талантов и неизбежный внутренний кризис, приведший к развалу этой огосударствлённой экономической системы, социальным и политическим потрясениям.

И только кажется, что судьба России зависит от того, какой выбор сделает большинство, будет ли оно надеяться только на себя, на свои силы, будет строить отношения между людьми нового типа, основанные на свободе, самоуважении (а значит уважении других) или будет верить в «доброе барина» в образе чиновника-бюрократа и жить по-прежнему в нищете.

На самом деле при нынешней численности населения в России, истощенности экстенсивных способов развития экономики усиление общественного разделения труда с рыночным обменом и вытекающими из них упрочением частной собственности, политической демократии, расширению степеней свободы каждой личности неизбежны. От граждан России зависит только каким путём будет развиваться страна – более коротким и быстрым или более длительным и мучительным.

То, что происходит в России на рубеже XX – XXI веков является, с одной стороны, результатом её многовекового развития, совпадением кризисных, отрицательных циклов развития во многих сферах жизни общества и простой сменой генсека, президента или правительства трудности не преодолеть (такие перемены в правящей верхушке лишь отражают изменения в настроениях общества). Как не раз в прошлом *каждый* житель России стоит перед выбором: или засучив рукава работать на своем месте и объединяться для того, чтобы жить или плакаться о великом прошлом и униженно просить и требовать у барина (президента и правительства) льгот, выплаты долгов по зарплате, ремонта домов и т. п.

С другой стороны, сейчас рождаются ростки нового общества, идёт становление нового типа личности. Каким будет новое российское общество, какой будет личность члена этого общества, насколько большими возможностями для дальнейшего развития они будут обладать – зависит от *каждого*, от его *собственных* усилий.

Преимущество социально-экономических систем друг над другом основывается не на том, что одна из них более «справедливая», обеспечивает больше прав и свобод, а уровнем производительности труда, какой уровень жизни основной массы населения они могут обеспечить благодаря более высокой производительности труда. В этом отношении экономика частной собственности, общественного разделения труда и обмена, рыночной конкуренции имеет неоспоримые преимущества над прочими и она неизбежно установится в России. Какой она будет, насколько высокой будет общественная производительность труда, насколько высоким уровень жизни большинства жителей – зависит от конкретного соотно-

шения сил в обществе, от активности и настойчивости наиболее энергичных и заинтересованных личностей.

ЧТО БУДЕТ

К сожалению, в современной России преобладают расчёты на добрую волю государства, а не граждан-личностей. При этом такие надежды характерны больше даже не для основной массы населения, озабоченной самыми обыкновенными нуждами повседневной жизни, а нередко и просто выживанием. Эти расчёты на государство искренно или нет при-
сутствуют всем политическим партиям, даже самым «либеральным» и «рыночным».²³³

К ещё большему сожалению, упования на государство присутствуют и предпринимательскому слою в России. примечательной в этом отношении является книга И. И. Макурина.²³⁴

На вопрос зачем изучать историю, студенты часто отвечают просто: «Чтобы не повторять ошибки прошлого». Но чтобы не повторять «ошибки прошлого», чтобы более или менее сознательно определять стратегию развития общества, предвидеть возможные варианты хода событий в зависимости от поведения различных слоёв населения, принятия государственных решений и т.п., необходима последовательная и всесторонняя работа по поиску этих «ошибок», по выявлению естественно-исторических закономерностей и объективных факторов, на них влияющих. А не рассусоливание по поводу «геополитической катастрофы века», не раскрытие несуществующих «загадок» гибели СССР.

Крах СССР – это закономерный этап российской истории, когда перекошенная экономика рухнула и вместе с ней обрушилась социально-политическая система советского государства.

И с современной Россией будет также, если не перестроить саму структуру экономики. Речь идёт не столько об уменьшении масштабов военно-промышленного комплекса, а о развитии гражданских отраслей экономики, в том числе и особенно машиностроения для сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, для лёгкой промышленности, сферы обслуживания и т. д. и т. п. А также о развитии самих этих отраслей.

Если мельчайший, мелкий и средний бизнес будет по-прежнему находиться в «резервации», подавляться крупными фирмами с помощью государства (законы, ограничивающие торговлю наиболее прибыльными товарами в мелких торговых точках, введение взимания налогов с оборота, а не с прибыли, вообще драконовское налогообложение с ужесточением администрирования сбора налогов, некомпетентное, мягко говоря, вмешательство государственных органов управления в работу коммерческих фирм и т.д.). И это под трескотню о заботе государства об этом быстро сокращающемся секторе экономики.

Проверки пожарников, санитарных служб и т. п. уже не угрожают мелкому бизнесу – с него нечего брать.

Зарплату в конвертах платят не из-за жадности, а из-за **невозможности** платить законным путём – таково обложение фонда зарплаты. И т.д., и т. п.

Необходимо также кардинально перестроить отношения центра и регионов. Бюджетные отношения столицы и регионов должны строиться снизу вверх, а не наоборот.²³⁵ Только

²³³ См. подробнее: Болоцких В. Н. Есть ли политические партии в России. Анализ партийных программ. Москва, 2014.

²³⁴ Макурина И. И. Деколлективизация: как построить в России капитализм для всех вместо того, чтобы воплощать миф об «особом пути» ради сохранения Государства для Избранных. Новосибирск, 2010. См. также: Болоцких В. Н. Частная собственность, государство и общество в России. Точка зрения предпринимателя // Труды НГАСУ. Т. 19, №3 (63). – Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2016. С. 19—29.

²³⁵ Депутат Госдумы В. Ганзя о бюджете на 2017 г. Из регионов в федеральный бюджет будет поступать дополнительно 1% налога на прибыль для поддержки бюджетов самых закредитованных регионов (т.е. помогать им будут за счёт самих регионов, а не федерального бюджета). Из Новосибирской области уйдёт 1 млрд рублей, несмотря на высокий внутренний долг области (40 млрд на 1 декабря 2016 г.). По акцизам на нефтепродукты Новосибирская область теряет 517 млн рублей из-за перераспределения поступлений в федеральный и региональный бюджеты – было 12% акцизов федеральные, 88% – региональные, с 2017 г. – 38,3% федеральные и 61,7% региону. В 14 регионах объём государственного долга

в таком случае регионы будут заинтересованы в своём развитии и будет иметь средства на повседневные нужды. А всевластие столичной бюрократии будет существенно ограничено.

Изменить положение в стране, выправить структуру экономики, покончить с колоссальным ростом чиновничества (в начале XX в. на одного чиновника приходилось 334 жителя России, в начале 2000-х гг. – 140, к концу 2010-х гг., вероятно, всего 70), установить нормальный баланс в отношениях государства и общества, построить гражданское общество не могут ни Президент, ни Федеральное собрание, ни сам Господь.

Это могут только жители России, становящиеся и ставшие гражданами: предприниматели всех уровней, их работники, интеллектуалы. Каждый на своём месте путём осознания своих групповых и социально-классовых интересов, через объединение на их основе и для их защиты – профессиональные, деловые и политические.

Если же этого так и не произойдёт, то Россию ждут стагнация экономики, ухудшение благосостояния основной массы населения и всё новые и новые потрясения.

И никак иначе быть не может. Не верите? Лет через 10—20 увидите, что будет.

превышает объём налоговых и неналоговых доходов, в 2016 г. положение ухудшалось, в некоторых регионах долг увеличился на 20—30%. При этом в 2016 г. средства на бюджетные кредиты регионам были предусмотрены на 310 млрд рублей, а в 2017 г. – только 200 млрд, из них 50 млрд не распределяются между регионами, а остаются в резерве. // Новая Сибирь. №52. 27 декабря 2016 г. С. 4. То есть из регионов будут изымать ещё больше, а возвращать – меньше.